

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК

ЗЕМЛЯ НЕИЗВЕДАННАЯ

Часть 8
Восточный сектор

(Иетсяпартти
[Запорожское])



Серия основана в 1996 г.

Автор-составитель Орехов Д. И.

Карельский перешеек – земля неизведанная. Часть 8. Восточный сектор: Метсяпиртти [Запорожское]. – СПб.: ИПК «Нива», 2008 — 212 с., 106 илл. Второе издание, исправленное и дополненное.

Историко-краеведческие очерки охватывают восточную часть Приозерского района Ленинградской области – современные Запорожскую и Громовскую волости.

Книга предназначена для широкого круга читателей и краеведов.

В книге использованы фотоматериалы из финских изданий.

На первой странице обложки изображен герб финляндской Карелии. Азиатская сабля и европейский меч символизируют Карелию как многовековое поле битвы между Востоком и Западом.

На титульном листе – фрагмент карты XVII в.

Оглавление

ОТ АВТОРА	4
ВРЕМЕНА НЕЗАПАМЯТНЫЕ	7
ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ	27
«ОКНО В ЕВРОПУ»	33
СПУСК ОЗЕРА СУВАНТО	42
ВОЛОСТЬ МЕТСЯПИРТТИ	46
Метсяпиртти отделяется от волости Саккола	46
Народные школы	52
Почта, телефон	54
Хозяйственная жизнь	56
Метсяпиртти – район пограничный	70
Далекое близкое прошлое	90
ДЕРЕВНИ ВОЛОСТИ МЕТСЯПИРТТИ	92
Метсяпиртти Metsäpirtti – Запорожское	92
Косела Kosela – Запорожское, северная часть	103
Гайпале Taipale – Соловьево	110
Геренттиля Terenttilä	114
Коукунниemi Koukunniemi	122
Неусаари Neusaari	128
Ээвала Eevala	130
Рааю Raaju – Удальцово	134
Васкела Vaskela – Луговое	138
Лапанайнен Lapanainen	143
Палониemi Paloniemi	145
Хатаккала Hatakkala	146
Мартинкорхола Martinkorhola	147
Малакки Malakki – Денисово	147
Паукунмяки (Корхоланьяама 1) Paukunmäki (Korholanjaama 1)	
– Денисово, центральная часть	149
Йоэнтака Joentakа – Денисово, восточная часть	151
Суниккала Sunikkala	153
Хаапсаари Haapsaari	154
Виисйоки Viisjoki – Пятиречье, западная часть	154
Сааройнен Saaroinen – Пятиречье, восточная часть	156
Лаявякюля Laavakylä	158
Марттина (Корхоланьяама 2) Marttina (Korholanjaama 2)	159
Таппари Tappari	159
Отдельные мелкие населенные пункты	165
ТАМ, ЗА ТАЙПАЛЕ-РЕКОЙ	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	176
ПРИМЕЧАНИЯ	179
ПРИЛОЖЕНИЕ	184
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	209
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ	211

ОТ АВТОРА

Если вы раскроете атлас Ленинградской области масштаба 1:200 000, составленный Военно-топографическим управлением Генерального штаба и выпущенный для массового пользования в 1996 году, то на карте на страницах 14–15 вы найдете такие названия населенных пунктов, как Запорожское, Денисово, Луговое, Удальцово, Пятиречье, Соловьево... Найдете также озеро Суходольское и реку Бурную, впадающую в Ладожское озеро. Участок местности, в общем-то, относительно небольшой, прилегающий к берегу Ладоги. Здесь, помимо прочего, есть несколько небольших речушек — Лосевка, Федоровка, Выюн, остальные обозначены на карте без названий.

Согласно нынешнему административно-территориальному делению местность эта входит в состав двух волостей (до 1994 г. — сельсоветов) Приозерского района Ленинградской области — Запорожской и Громовской. До событий советско-финской Зимней войны 1939—1940 гг. и последующей «войны-продолжения» 1941—1944 гг. этот район назывался Метсаяпиртти, что в переводе с финского означает «Лесная избушка», и входил в состав Выборгской губернии Финляндской Республики. На юго-востоке он граничил с Советским Союзом, на юго-западе и западе с финляндской волостью Рауту [ныне Сосново], а на северо-западе (в том числе и по другую сторону озера Суванто [ныне оз. Суходольское] и реки Тайпалеенйоки [ныне р. Бурная] — с волостью Саккола [ныне Громово].

Как самостоятельная административно-территориальная единица волость Метсаяпиртти образована согласно решению Сената автономного Финляндского княжества, принятому 12 июля 1894 года, как самостоятельный церковный приход с выделением из состава территории церковного прихода и волости Саккола. Фактическое же отделение от Саккола начало осуществляться лишь с мая 1903 года.

Основными занятиями довоенных жителей волости Метсаяпиртти являлись земледелие, животноводство и рыбная ловля. Профессия рыбака считалась в этих краях очень уважаемой и почитаемой, она позволяла не только сводить концы с концами, но и содержать добротные хозяйства. Правда, занятие это было подчас небезопасным: известно много случаев гибели рыбаков, когда на Ладоге внезапно менялась погода и начинался шторм.

30 ноября 1939 года началась советско-финская война. Соединения Красной Армии, имевшие на этом направлении задачу наступать на Кякисалми [ныне Приозерск], захватили основную часть территории волости Метсаяпиртти. 6 декабря они начали форсирование реки Тайпалеенйоки и завязали бои с оборонявшимися на ее левобережье, на приладожском фланге главной полосы обороны, финскими войсками, неся при этом колоссальные потери. За все время боев советское командование, не жалея людей и стремясь прорвать финскую оборону любой ценой, оставило на поле боя фактически две дивизии. Ныне там, неподалеку от места бывшей паромной переправы, имеется братское захоронение советских воинов с обелиском, где покоится лишь малая часть тех, кто остался на этих полях зимой 1939—1940 гг.; большинство же погибших так и осталось не захороненным, а сама эта война — официально замалчиваемой вплоть до начала 1990-х годов.

Весной 1940 года в разоренные и сожженные деревни Метсаяпиртти, как и на остальные территории Карельского перешейка и Северного Приладожья, аннексированные Советским Союзом у Финляндии, начали переселять людей из других районов СССР. Затем, в 1941 году — снова война, и до лета 1944 года фронт на этом участке проходил практически вдоль линии старой государственной границы. А после окончания военных действий и подписания 19 сентября 1944 года Соглашения о перемирии с Финляндией все повторилось так же, как и весной 1940 года: принудительное заселение и хозяйственное освоение завоеванных земель. Населенные пункты были воссозданы только в шести местах, в то время как некогда небольшие деревеньки (такие как Раяккёля, Салокюля, Пуйккола и многие другие) напоминают о бывшем своем существовании встречающимися у лесных дорог заросшими фундаментами и уродливо торчащими развалинами каменных хозяйственных построек. Самый восточный уголок этого района, где ухабистая ныне дорога выходит к виднеющимся то там, то здесь фундаментам бывшей здесь некогда прибрежной пограничной деревни Таппари, вообще отгородили колючей проволокой со шлаббаумом, и теперь он относится к военному лесхозу, расположенному в северной части огромного Ржевского полигона.

Нынешний облик этих мест совершенно не похож на то, что здесь было когда-то. Да иначе и быть не могло: ведь «освобождали» не для того, чтобы все оставить по-старому.

ВРЕМЕНА НЕЗАПАМЯТНЫЕ

Как свидетельствуют археологические находки, поселения древних людей на приладожских землях Карельского перешейка существовали еще за несколько тысячелетий до нашей эры. В этих местах, в том числе на территории, где впоследствии располагалась волость Метсаяпиртти, находились древнейшие стоянки финского племени ижор, появившегося в этих краях после отхода ледника. На древность происхождения ижорского населения указывают, в частности, результаты исследований, проводившихся учеными-антропологами. Например, многие краниологические* характеристики у современных ижор совпадают с особенностями палеоевропейского населения, появившегося на берегах Балтики еще в эпоху мезолита. Ижоры в древности имели обычай хоронить умерших путем трупосожжения, без насыпки курганов или холмиков. Финский исследователь Ари Сиризи́йнен в вышедшем в 1969 году в Финляндии сборнике «История ингерманландских финнов»¹, касаясь вопроса о происхождении ижор, приводит выдвигавшуюся некогда историками гипотезу о том, что это племя могло быть окраинной частью древнего карельского² племени, которая отделилась от переселенцев, двигавшихся на северо-запад через южное побережье Ладоги.

Однако подобные утверждения основываются в первую очередь на лингвистических параллелях, без подтверждения данными археологических раскопок. После того как в XII веке ижоры выделились в самостоятельную этническую общность, карелы при совершении обрядов захоронения умерших постепенно стали переходить от обычая трупосожжения к закапыванию покойников. Во время проведения археологических изысканий, осуществленных в 1905, 1912, 1920 (А. Эуропеус) и 1922 годах на северном берегу озера Суванто [ныне оз. Суходольское], у истоков р. Тайпалеенйоки, недалеко от деревни Коукунниemi были обнаружены остатки площадок со следами трупосожжения, датируемые X—XI веками н.э. Кроме того, в 1886 году, известный финский археолог и этнограф Теодор Швиндт обнаружил западнее той же деревни Коукунниemi относящиеся к более позднему периоду остатки захоронения по христиан-

* Т.е. связанные с особенностями формы черепа (прим. автора).

скому обычаю (трупоположение), фрагменты керамических изделий и бронзовую цепь, датируемые периодом XIV—XV веков н.э.

Кроме того, следы двух древних поселений эпохи неолита, датируемые 3-м тысячелетием до н.э., обнаружены уже советскими археологами после второй мировой войны. Специалист Института археологии АН СССР С.И. Руденко в своем отчете о проделанной в 1961 году работе дает описание двух таких древних стоянок: «на левом берегу р. Вьон, на второй береговой террасе на высоте 3—4 метров над поймой, стоянка вытянута вдоль берега на 120 метров, площадь примерно 1000 квадратных метров», стоянка же «Вьон-2» — напротив стоянки «Вьон-1», на правом берегу, на поле, причем культурный слой распахан сельхозтехникой, находки на месте этой стоянки были сделаны на участке площадью 2500 квадратных метров. При раскопках этих стоянок археологи обнаружили скребки и отщепы (сколы) из кварца и гребня, а также фрагменты предметов из ямочно-гребенчатой и шнуровой керамики, датируемые 3-м тысячелетием до нашей эры.

На северном берегу реки Бурной (р. Тайпалеенйоки), на месте бывшего торгово-ремесленного поселения Сванский Волочек, упоминавшегося в русских писцовых книгах XVI века и впоследствии получившего название Тайпале, известным советским и российским ученым-археологом, профессором Института истории материальной культуры РАН (Института археологии АН СССР) А.И. Сакса найдены керамические предметы и фрагменты, относящиеся к XIV—XV векам.

В древности ижоры, равно как и водь, были довольно многочисленным племенем. По мнению большинства исследователей и согласно данным упомянутого выше финского «Энциклопедического словаря», этот этноним связан с названием реки Ижора (фин. *Inkereenjoki* — Инкереенйоки), на берегах которой это племя предположительно обитало в древности. Папские буллы XII и XIII веков содержат упоминания о «язычниках Ингрии». Иногда ижор называли карелами, представители народности водь и поныне называют их именно так.

Упоминание об ижорах (финские варианты этого этнонима — «инкерикко» (*inkerikko*) и «инкеройнен» (*inkeroinen*), эстонские — «исури» (*isuri*) и «исурлане» (*isurlane*) в русских летописях впервые зафиксировано в XII веке. Они, в частности, служили в дружинах князя Александра Невского. Известно, что ижорский воевода Хилиппа (Фи-

липпий) Пелгуй* в 1240 году предупредил новгородского князя о продвижении шведов по р. Неве, что, конечно же, существенно повлияло на исход знаменитой Невской битвы. Кроме того, в летописях есть упоминания и о том, что ижоры помогли Александру Невскому одержать победу над немецкими рыцарями в 1242 году.

Компактное расселение ижор вдоль побережья Финского залива в районах с преобладанием представителей этой народности сохранялось вплоть до 1930-х годов. По своему вероисповеданию ижоры являются православными, в силу чего их не только называли карелами, но считали также русскими — во всяком случае, такая точка зрения в свое время бытовала у финнов-лютеран. Язык ижор относится, однако, к финской ветви финно-угорских языков, многие слова по своему звучанию очень схожи с финскими. Известный российский географ и исследователь истории древних финских народностей Петр Иванович Кёппен (из обрусевших немцев, настоящее его имя — Петер фон Кёппен) в специально подготовленном в 1853 г. сообщении III-му Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии об этническом и демографическом составе населения Санкт-Петербургской губернии, в разделе «Селения, обитаемые ижорами», пишет, в частности, следующее: «... число ижор (ingrikot) простиралось до 17 800 душ обоего пола... материалы собраны частью самим мною, во время объезда Санкт-Петербургской губернии, в 1848 году, частью же заимствованы из сообщенных мне достоверных сведений». Под достоверными здесь понимаются сведения, полученные при беседах с приходскими священниками, ведавшими церковными книгами регистрации населения в приходах. Согласно данным Кёппена, основная масса из этого числа ижор проживала в деревнях Ораниенбаумского, Ямбургского и Лужского уездов (чуть более 16 000 человек), остальные — в деревнях Санкт-Петербургского, Царскосельского и Шлиссельбургского уездов. (Согласно данным финского исследователя этнической истории и демографии финского населения Ингерманландии Юусо Мустонена, на территории Петроградской губернии по состоянию на 1917 год ижор насчитывалось примерно 20 000 человек.)

В пределах Великого княжества Финляндского ижоры жили в основном на территории, которая впоследствии относилась к волости Рауту, в частности, в деревнях Сиркиэнсаари [ныне Пес-

* От этой фамилии происходит современная финская фамилия Пелконен (здесь и далее прим. автора).

ки], Хуухти, Палкеала [ныне Замостье] и некоторых других. Что же касается ижор на территории созданной в начале XX века волости Метсаяпиртти, то П. Кёппен упоминает здесь только 3 деревни, относившиеся к имению «артиллерии полковника Фридрихс, наследников»: «Лабанайс» (Лапанайнен) (138 чел.), Тимола (20 чел.) и «Козела» (Косела) (31 чел.)³. Ныне эти бывшие населенные пункты находятся на территории волостного центра Запорожское.

Известно, что как на Балтике, так и на Ладогe, начиная с конца VIII в., ходили на своих судах варяги (викинги), направлявшиеся далее по русским рекам к Черному и Эгейскому морям. Этим же путем пользовались и древние новгородские купцы, которые вели торговлю, в том числе и в Карелии. Свидетельством существовавших в то время контактов жителей приладожских земель Карельского перешейка с варягами может служить находка, которую сделал в 1929 году дорожный рабочий из волости Метсаяпиртти Альберт Хатакка, когда строили дорогу в гавань Сааройнен: копая землю, он обнаружил в одном месте примерно на полуметровой глубине золотое кольцо. Поскольку Альберт Хатакка нуждался в деньгах, он решил продать его. Покупателем, который с радостью приобрел у него это кольцо в 1934 году, стал известный финский историк, магистр философских наук и тогдашний куратор Выборгского студенческого землячества Суло Халтсонен, находясь в это время в научно-исследовательской поездке в Метсаяпиртти, очень заинтересовался находкой Хатакка. Кольцо доставили для экспертизы в Хельсинки, где специалисты определили, что оно принадлежало в древности одному из варяжских князей. Сейчас оно находится в коллекции древностей Национального музея. По заключению экспертов, выполнено это кольцо несколько грубовато, вес его составлял 73,3 грамма, золота в нем было на 21 $\frac{3}{4}$ карата. Возможно, оно могло быть средством платежа при торговой сделке. Размер этого кольца допускал, однако, и другое предположение: это был браслет для ношения на запястье как украшение, но лишь для человека с очень тонкими руками.

В период, когда началось обращение язычников в христианство, в Карелию устремились миссионеры-крестители как из Швеции, так и из Великого Новгорода. Восточные земли Карельского перешейка, в том числе и район Метсаяпиртти, стали посещаться новгородскими греко-католическими (православными) священниками; как известно в 1227

году новгородский князь Ярослав Всеволодович⁴ предпринял военный поход с целью обратить местных жителей в православную веру, повелев направить к ним своих священнослужителей. Таким образом, многие карелы прошли обряд принудительного крещения, однако со временем влияние этого похода Ярослава стало ослабевать. Тем не менее, русские православные традиции у принявших православие карел остались, о чем свидетельствуют русские имена и фамилии, дававшиеся младенцам при крещении в церкви, которые, однако, во многих случаях являлись всего лишь официальными, поскольку, как свидетельствуют составленные новгородскими писцами налоговые записи⁵, и через несколько столетий после этого крестового похода Ярослава жители Карелии в своей повседневной жизни пользовались именами и фамилиями явно финского происхождения, которые детям давали по жребию гадалки.

По мере распространения православия в Карелии строились православные моленные храмы и часовни, в непосредственной близости от которых определялись участки для кладбищ. В те времена церковно-приходская волость в русских документах называлась погостом, что означало район, где находились церковь, усадьба священника и кладбище, то есть речь шла о церковно-приходской волости с приходским центром. Погост являлся административно-территориальным образованием. Район Саккола, находившийся в составе земель Великого Новгорода, включал тогда земли образованных гораздо позднее волостей Пюхьярви, Метсепиртти и Вуоксела. В конце средних веков здесь существовал погост, в котором, согласно старым налоговым записям, значилось 214 деревень, состоявших из 282 хозяйств с числом облагаемых налогом душ 556. Церковь Михайловского-Сакульского погоста располагалась в приходском центре Саккола на том месте, где позднее выстроили канцелярию настоятеля прихода. В Петярви [ныне пос. Петровское], Келья [ныне часть пос. Портовое] на северном берегу озера Суванто и Сванском Волочке [ныне пос. Соловьево] имелись часовни.

Существуют также упоминания о некоем монахе, который жил в тех местах праведной жизнью и возносил Господу свои молитвы. Вполне можно допустить, что жить он мог там, где затем образовалось селение с названием Келья (на финских картах — Kelja), и что слово это имеет вполне русское православное происхождение.

Вышеперечисленные земли и населенные пункты после установления между Великим Новгородом и Швецией в 1323 г. первой офи-

циальной государственной границы вошли, таким образом, в состав Корельского уезда Водской пятины. Наряду с упомянутым погостом Саккола, в него входили Васильевский-Ровдужский и Городенский с г. Корела погосты. На перешейке между Сванским озером (оз. Суванто) новгородские писцовые книги регистрируют торгово-ремесленное поселение Сванский Волочек. Вполне вероятно, что и до официального вхождения в состав новгородских земель это поселение имело название «Тайпале», в переводе означающее «дорога, отрезок пути» или «волок». Можно с большой степенью вероятности предположить, что и карело-финское название «Тайпале», и русское название «Сванский Волочек» указывают на то, что через этот перешеек проходил волок, по которому перетаскивали суда из Суванто в Ладожское озеро. Согласно данным, приводимым в своих трудах известным советским археологом и исследователем древней истории Карелии С.И. Кочуркиной со ссылкой на новгородские писцовые книги XVI века, в Сванском Волочке насчитывалось тогда 55 дворов, а общая численность населения всего Корельского уезда составляла примерно 35–40 тысяч человек.

С 1333 г. по 1383 г. Корельский уезд находится под управлением литовского князя Наримонта (с 1383 г. по 1384 г. — его сына Патрика), будучи пожалованным ему Великим Новгородом в качестве феодальной вотчины наряду с другими приладожскими землями Карелии и Ингрии и с крепостями Корела, Ореховец и Копорье. Управление этими землями осуществлялось Наримонтом предположительно через крепость Ореховец. В 1404 году города Корела и Тиверск с прилегающими землями переходят в феодальное управление к бывшему князю Смоленска Юрию.

Во времена Новгородского владычества Сванский Волочек (в некоторых источниках называемый «городищем») был большим торговым поселением, упоминавшимся под этим названием как уже существующее крупное поселение в «Переписной окладной книге Водской пятины» (1500 г.). В шведских документах после заключения Столбовского мира его название — «Тайпал» (Taipal) (1617 г.), «Тайпала Стад» (Taipala Stadh), т.е. «город Тайпала» (1618 г.), «Тайпалл» (Taipall) (1635 г.), в 1651 г. — снова «Тайпала Стад» (Taipala Stadh), а в 1666 г. и в 1748 г. — «Тайпал» (Taipal).

Согласно записям в «Переписной окладной книге Водской пятины», составленной по повелению царя и великого князя Московского

и Всея Руси Ивана III Васильевича, в 1500 году в Сакульском погосте насчитывалось 223 жилые и 2 заброшенные деревни, число же хозяйств составляло всего 314. Количество взрослых мужчин во всем погосте: относившихся к правящему сословию — 5 чел. (включая домоладцев), землевладельцев и членов их семей — 38 человек, крестьян — 427 чел., ямщиков — 2 чел., служителей церкви — 4 чел. В переписи даются также названия деревень, относившихся к району Метсяпиртти. Естественно, записи велись на русский манер, а посему названия претерпели некоторые изменения. В переписной книге отмечены такие названия, как «Рай», позднее эта деревня была известна как Рааю (Raaju), «Визяки» — Виисйоки (Viisjoki), «Салма» — местность Салми (Salmi) в деревне Косела, «Белый нос» — Валкианеня (Valkianenä), «Коргола» — Корхола (Korhola, Korholanjaama); еще одно название «Коргола» относилось к деревне Мартинкорхола, включая участок Метсомьяки, «Деревня на горке у озера у Свани» (финский ученый конца XIX — начала XX вв. Й. Ронимус в своем исследовании, посвященном «Переписной окладной книге Водской пятины», поясняет, что речь здесь идет о деревне Коукунниemi), «Деревня в Терешкине взвозе у озера у Сванского» (впоследствии это явно славянское название стало произноситься на финский лад — «Теренттиля») и «Остров у Ладожского озера» — Сааройнен (Saaroinen). Название «Метсяпиртти» дается в переписной книге в искаженной форме «На чеперти», причем имеется запись, указывающая на существование здесь деревни под названием «Пустошь» на реке Виисйоки.

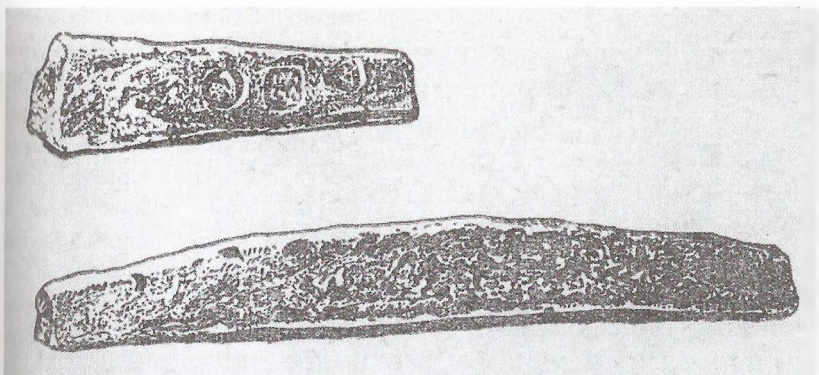
Из 223 деревень погоста Саккола 37, как полагают авторы книги «Метсяпиртти»⁶, приходились на район Метсяпиртти, и в них насчитывалось 46 жилых домов и 71 человек населения. Если предположить, что на одного человека, зарегистрированного в переписной книге в качестве налогоплательщика и исполнителя повинностей, могло приходиться до 6 человек женщин, детей и стариков, то население Метсяпиртти составляло к 1500 году в общей сложности примерно 430 человек. В период нахождения Корельского уезда под властью Великого Новгорода, а затем, с 1478 года, Московского государства, местные жители, карелы и ижоры, фактически находились на положении безземельных арендаторов и зависели от воли власть предержащих. Обрабатываемые крестьянами угодья находились в собственности архиепископа Новгородского, монастырей, церквей и новгородских бояр.

После включения Великого Новгорода в состав централизованного Московского государства, как новгородский архиепископ, так и многие новгородские бояре лишились прав землевладения. Однако те землевладельцы-феодалы, которые еще при новгородской власти служили в войске и достигли по выслуге лет определенных чинов, или получили имения по наследству, сохранили права на них и при новой власти. Самыми крупными земельными наделами в Московском государстве владели сам великий князь, феодалы и монастыри. Крестьяне же не имели прав на землю, которую они обрабатывали. Из-за нужды они были арендаторами у своих господ пожизненно или в течение определенного времени, платили им оброк и выполняли различные повинности. В районе Метсыпиртти в 1500 году два московских боярина владели в общей сложности 11 деревнями с общим размером полезных угодий в 17 ½ обжи*, другие служилые феодалы имели 8 деревень с 16 обжами земли, и, кроме того, было 18 монастырских деревень с 38 ½ обжами земли.

Основными занятиями местных крестьян были земледелие и животноводство. Еще в значительных масштабах сохранялось подсечно-огневое земледелие, однако уже шел постепенный переход к полеводству. Лучше всего возделывались монастырские угодья. Сеяли в основном рожь и овес. Кроме того, в больших количествах выращивали ячмень. Есть упоминания о том, что в Рауту в некоторых деревнях возделывали пшеницу. Размеры посевов по каждой деревне давались как площади, засеваемые рожью, хотя, конечно же, были и другие злаки. Дело в том, что окладные записи составлялись довольно шаблонно, и одним термином обозначали разные посевы. По всему Сакульскому погосту в целом сеяли, по данным переписной окладной книги, 1 720 коробов** или примерно 3 440 гектолитров ржи. Размеры снятого урожая не указывались. Однако даются сведения о том, что много заготавливали сена. Общий объем сенозаготовок по всему Сакульскому погосту равнялся 7 654 копнам* или при-

* Обжа – участок пахотной земли, служивший единицей обложения в новгородских землях в XV–XVII веках. Это понятие подразумевало участок, который мог обработать один крестьянин с лошадей, и исходя из этого в каждом конкретном случае определялись размеры повинностей в пользу землевладельца.

** Короб – мера объема, соответствовавшая примерно 2 гектолитрам. Короб делился на четыре четверти. Четверть равнялась примерно 50 литрам.



Илл. 2. Русские серебряные рубль и полтина XIV-XV веков.



Илл. 3. Новгородская денга выпуска 1447 года.

Илл. 4. Новгородская денга выпуска 1470 года.



Илл. 5. Московская денга выпуска 1533-1535 гг.



Илл. 6. Понтус Делагарди.

мерно 1 530 тоннам. Такое количество сена достаточно для содержания, по крайней мере, 765 голов лошадей и крупного рогатого скота. По всей видимости, скота все же было больше, поскольку, помимо сена, в качестве корма использовали солому, мякину и веники.

Занимались крестьяне и рыбной ловлей. В Сванском Волочке (Тайпале) проживало много профессиональных рыбаков, да и в других деревнях тоже жили люди, знакомые с этим промыслом, поскольку рядом имелись богатые рыбной водоемы, да и в переписной книге есть упоминания об уплате оброка рыбой.

В Метсаярвти в те времена имели хождение новгородские рубли, полтины, гривны и денги. Рубль равнялся двум полтинам, полтина — 7,5 гривнам и 3 денгам, а гривна — 14 денгам. Таким образом, рубль равнялся 216 денгам. Так как денга московской чеканки составляла по стоимости только половину от новгородской денги, рубль равнялся 432 московским денгам.

Наиболее тяжелым для жителей Карельского перешейка, в том числе и Корельского уезда, был период XVI века, когда в результате часто повторявшихся то с русской, то со шведской стороны военных набегов многие районы обезлюдели. Эти земли затронула и Ливонская война 1558—1583 гг., когда, начиная с 1570 года, шведы начали военные действия против России на северо-западе. В ноябре 1580 года семитысячное шведское войско под командованием Понтуса Делагарди захватывает город и крепость Корелу. Корельский уезд ока-

* Копна — мера веса. Использовалась при измерении количества заготовленного сена и равнялась примерно 200 кг.

зался фактически под властью Швеции, что было закреплено Плюсским перемирием 1583 года.

Военные действия продолжались и после заключения Плюсского перемирия вплоть до 1595 года, когда в одной из деревень под г. Нарва был заключен Тязвинский мирный договор, согласно которому земли Корельского уезда вновь отходили к России (передача состоялась в 1597 году). Этот период (1570—1595 гг.) в финской историографии называется Двдцатипятилетней войной.

Перед началом Двдцатипятилетней войны в погосте Саккола (Сакульском) насчитывалось в общей сложности 8 боярских и 374 крестьянских дома⁷. В связи с войной, однако, эти районы практически обезлюдели и пришли в запустение. В 1589 г., согласно имеющимся по ним первым дошедшим до нас шведским данным, в восточных районах Карельского перешейка — Саккола, Пюхярви и Метсепиртти — практически вообще не осталось жителей. В деревне Нойсниемеи, располагавшейся в самой западной части погоста Саккола, упоминались по состоянию на этот период всего 6 крестьян, которые, однако, судя по их фамилиям, были лютеранами-новопоселенцами. В последующие годы отмечается прибытие из Финляндии переселенцев в районы Саккола и Пюхярви, однако в Метсепиртти еще длительное время не было жителей, возможно, по причине того, что этот район был самым восточным и небезопасным для проживания.

Тем временем в России наступают смутные времена: разворачивается польская интервенция, усиливается давление со стороны Швеции, на юге постоянно беспокоят своими набегами татары, причем все это усугублялось внутриполитическим кризисом — борьбой за власть между боярством и дворянством и неопределенностью верховной власти. Швеция поспешила воспользоваться этой ситуацией: король Карл IX предложил царю Василию Шуйскому помощь в борьбе с поляками, за что потребовал передать Швеции Корельский уезд с богатыми Валаамским и Коневским монастырями. Окончательный текст договора был подписан в г. Выборге в 1609 году, и, таким образом, территория района Метсепиртти в составе Корельского уезда перешла под власть шведской короны уже в официальном порядке. Правда, еще в течение двух лет, вплоть до 1611 года шведским властям не удавалось подчинить себе население переданных земель, а город Корелу пришлось брать осадой, поскольку его жители, число которых составля-



Илл. 7. Царь Василий Шуйский.



Илл. 8. Русский царь Михаил Федорович Романов.

ло от 2 до 3 тысяч человек, отказывались признать себя подданными шведского короля и подготовились к обороне (гарнизон крепости состоял из 4—5 сотен вооруженных людей). Осада Корелы, начавшаяся осенью 1610 года, длилась полгода и завершилась 2 марта 1611 г., когда гарнизон и жители капитулировали.

В дальнейшем продолжалось прибытие в опустевшие районы новых жителей, в том числе и в Метсаяпиртти. В 1613 году здесь было население уже в пяти деревнях. В деревне Коукунниemi проживали Кнут Темо, Кююрё Вилпунпойка (сын Вилппу), Иивана (Иван) Лудианинпойка (сын Лудиана), и Кююрё Лудианинпойка. В Нэусаари (Нэусула) жил Мауну Хюрюкяйнен, в деревне Метсаяпиртти жили Эскиль Пюлькяс и Пекко Суси, в Хаапсаари — Кауппи Яяскеляйнен и Лаури Каупинпойка (сын Кауппи), а в Лапанайнен — Антти Лауринпойка (сын Лаури). Через 3 года, в 1616 г., в Коукунниemi уже не было Ивана Лудианинпойка и Кююрё Вилпунпойка, зато появился новый житель — Пиетари Хярккинен. В Хаапсаари новым жителем стал Лаури Хенрикинпойка (сын Хенрика), а в Лапанайнен появились Охвана Ходаринпойка (сын Ходара) и Каурой Дирккойнен.

Появились жители также в Косела (Хилиппа Коселайнен и Онесне Коселайнен) и в Корхола (Григорий Симананпойка и Топпан Пуйккойнен). Не исключено, что, судя по именам и фамилиям некоторых из этих людей, часть жителей, ушедшая с насиженных мест в годы лихолетья, могла вернуться к родным очагам, когда установилось относительное спокойствие.

27 февраля 1617 года в деревне Столбово, расположенной на полпути между крепостью Ладога (Старая Ладога) и Тихвином, на реке Сясь, был утвержден и подписан мирный договор между Россией (в 1613 году на русский престол взошел царь Михаил Федорович Романов) и Швецией (с 1611 г. шведский трон принадлежал королю Густаву II Адольфу). Швеция прекращала военные действия на территории России, снимала осаду Пскова, ее войска уходили из Новгорода и царь Михаил Федорович Романов признавался Швецией законным царем России и получал от Густава II Адольфа помощь в борьбе против польских интервентов. В свою очередь, Россия отказывалась от своих притязаний на земли Лифляндии и Эстонии и передавала Швеции значительные территории, прилегающие к побережью Финского залива, с крепостями Ивангород, Ям, Копорье (Каприо), Орешек (это территории, известные под общим названием «Ингерманландия»), а также подтверждала права шведской короны на Корельский уезд. Таким образом, район Метсаяпиртти был оставлен в составе Швеции.

После подписания Столбовского мира шведские власти стали составлять свои поземельные книги учета местного населения. Мы располагаем данными по 4 разным годам, приведенными авторами



Илл. 9. Шведский король Густав II Адольф.

книги «Метсяпиртти» и основанными на архивных источниках. В шведские времена в XVII веке количества хозяйств распределялись по деревням района Метсяпиртти так:

Деревня	1631 г.	1646 г.	1651 г.	1691 г.	
				крестьяне	бобыли (безземельные)
Т е р е н т т и л я	1	1	1		
К о у к у н н и е м и	3	3	6	5	3
Н э у с а а р и	1	1	1		
К о с е л а	2	4	4	5	1
Х а р и к а н к ю л я	2	1	1		
К о р х о л а н њ я а м а , К о р х о л а	2	2	2	19	9
Й о э н т а к а	4	4	4		
С у м е н т к а	2	3	3		
Х а а л с а а р и	1	1	1		
А р к у н т а н х у а	1	1	1		
Х а т а к к а л а	1	1	1		1
М я к и к о р х о л а	3	1	1		
М е т с я п и р т т и	2	3	3	5	3
Л а п а н а й н е н	2	2	2		
Д и р к а л а	1	1	1		
Р а а ю	3	3	3		
С а а р о й н е н		3	3	1	6
В а н х а я а м а		3	3	3	7
П ё л л а н и е м и					1
Т а й п а л е					12
В с е г о :	31	38	41	38	43

Данные за 1631, 1646 и 1651 годы взяты из поземельных книг, в которых указывались хозяйства и их держатели. Цифры за 1691 год взяты из переписи «дымов», в которой упомянуты лица, платившие похозяйственные («с дыма») и судебные налоги. Кроме крестьян-дво-

рохозяев, учитывались также безземельные жители — т.н. бобыли. На 1631 г. и на 1651 г. в Хариканкюля к этому разряду относился бобыль Малассу Пуйккойнен, в Диркала — Таттари и Косойнен, в деревне Пёлляниеми — Пиетари Хурскайнен. По всей видимости, данные по деревне Корхола относились также и к жителям всех небольших близлежащих деревень.

Земли Карелии и Ингерманландии, полученные Швецией по Столбовскому мирному договору, были объединены вместе с Эстонией и Лифляндией в новое генерал-губернаторство. В 1634 году из него выделилась Карелия, а в 1642 г. Карелия объединена с Ингерманландией в новое генерал-губернаторство.

Образованный в 1617 г. Кексгольмский лен (губерния) был разделен на два фогтства (управляемые территории) — Северное и Южное. Бывший Сакульский погост (Саккола) вместе с районом Метсаяспиртти вошёл в состав Южного фогтства.

Губернатор Кексгольмского лена жил в Кексгольме (так шведы называли Корелу). Согласно шведским законам, представители лена имели право созывать губернское собрание для решения местных вопросов, и посылать своих уполномоченных депутатов на заседания риксдага (парламента) в Стокгольм. Правда, представители простого народа на эти заседания не посылались, о чем свидетельствуют материалы по губернским собраниям, на которых рассматривались, в частности, вопросы такого рода: например, 18 июля 1661 года собрание постановило, что на погашение расходов, связанных с организацией похорон, настоятелю церковного прихода полагалась корова из хозяйства покойного, если коров у последнего было 6—7; если же коров в хозяйстве было 4 или 3, то полагалась плата деньгами в размере 2 серебряных далеров, а если коров было всего две, с хозяйства взымали 1 серебряный далер. Плата коровой или деньгами передавалась священнику только в случае смерти хозяина или хозяйки, причем такой порядок действовал в течение довольно продолжительного времени.

Состав членов губернского собрания, безусловно, отвечал интересам государства, стремившегося всячески удержать простых крестьян от перемены мест проживания. Представители судебных органов постоянно напоминали крестьянам о том, что, в соответствии с решением губернского собрания, те не имели права покидать свои угодья без ведома господ-землевладельцев, и, кроме того, запре-



Илл. 10. Шведский серебряный далер (риксдалер) чеканки 1631 года.



Илл. 11. Серебряная монета с номиналом 4 марки чеканки 1620 г.



Илл. 12. Серебряная монета с номиналом 1 эре чеканки 1618 г.



Илл. 13. Медная монета с номиналом 1 эре чеканки 1625 г.



AG upptill

Илл. 14. Серебряная монета с номиналом 1/2 риксдалера чеканки 1642 г.



Илл. 15. Медная монета с номиналом 1/4 эре чеканки 1655 г.



Илл. 16. Серебряная монета с номиналом 2 марки чеканки 1692 г.

щалось размещение самовольно переселившихся крестьян на угодьях имения другого господина, в случае нарушения этого запрета виновному грозил штраф в размере 100 риксдалеров. Но если крестьянин все же принимал решение уйти, уведомив об этом землевладельца, он оставлял все свое имущество или платил штраф в размере 40 марок (примерно стоимость дома в районе города Або (Турку). Кроме того, губернское собрание приняло решение, согласно которому угодья крестьянина не подлежали разделу между членами его семьи без ведома землевладельца-феодала.

Другими словами, губернское собрание законодательно закрепляло крестьян на конкретных наделах, что, прежде всего, отвечало интересам землевладельцев, которым покровительствовало государство. В 1671 году вышел указ о создании в волостях постоянных дворов, держателям которых вменялось в обязанность обеспечение гужевых перевозок, при этом определялась и плата за перевозки: за 1 милю (примерно 5 километров) брали 6 медных или 2 серебряных эре. На смену старой русской системе т.н. ямской гоньбы, усовершенствованной великим князем Московским Иваном III Васильевичем в конце XV века, пришла система шведской государственной почтовой службы, которая стала создаваться в соответствии со специальным указом правительства Швеции (в период нахождения на троне королевы Кристины), изданным в 1636 году. В Кексгольмском лене почтмейстер, живший в Кексгольме, отвечал за организацию почтовых перевозок, а почту разносили крестьяне, давшие соответствующую присягу, жившие на коронных (т.е. государственных) землях и имевшие льготы по налогам и прочим повинностям.

Судебную власть в сельской местности представлял уездный суд, судебные присутствия проводились три раза в год — зимой, летом и осенью, но чаще лишь зимой и осенью. Во всем огромном Кексгольмском лене было всего 7 судебных округов. Председателем в судебном присутствии чаще всего выступал нанимаемый чиновником, занимающим должность судьи, законотолкователь (исполняющий обязанности судьи), на судебных слушаниях обычно присутствовали коронный фогт (местный управляющий) и ленный (губернский) инспектор. Суд рассматривал дела о разделе земельных участков, о взимании недоимок по налогам, решал вопросы, касающиеся составления документов по наследованию, и т.д. Надо сказать, что в



Илл. 17. Позорная колода. Иллюстрация из книги «*Matka Karjalaan*», автор рисунка – финская художница Туула Тойвиайнен.

те годы законы в Швеции были довольно суровые. Если суд приговаривал кого-либо к штрафу, а виновный не мог или просто не желал платить, то в качестве наказания ему назначалась т.н. позорная колода («ножное бревно»), стоявшая перед входом в церковь. Посаженный «на колоду» должен был в течение определенного времени сидеть на виду у прохожих, которые не скупались на плевки и оскорбительные замечания. За некоторые провинности, как, например, за рождение внебрачного ребенка, виновному или виновной назначалась публичная порка розгами перед домом, где проводились судебные заседания. Помимо порки виновным, в соответствии с церковными правилами, надлежало публично просить прощения.

Кроме того, уездный суд выдавал чиновникам и священнослужителям официальные свидетельства для занятия вакантных должностей и рекомендательные удостоверения управляющим феодальными имениями, если они хорошо и по справедливости обращались со своими крестьянами.

Шведское государство выделяло земли на присоединенных к королевству территориях дворянам, отличившимся на государственной службе чиновникам и военачальникам, поскольку в ходе войн

эти земли сильно пострадали, и хозяйственную жизнь приходилось восстанавливать. В частности, значительная часть района Метсаяпиртти была передана в качестве феодального имения полковнику Йохану Эберхарду фон Биллингхузену, который вступил во владение им с 30 июня 1651 года. К этому имению с центральной усадьбой в Хапарайнен [ныне поселок Портовое на северном берегу озера Суходольское, примерно в 10 км северо-западнее устья реки Бурная] относились 10 деревень волости Саккола и следующие деревни района Метсаяпиртти: Теренттиля, Косела, Нэусаари, Коукунниemi, Сааройнен, Хариккала (Хариканкюля), Корхоланьяама, Сументка, Хаапсаари, Йознтака (Йознтаус), Хатаккала, Макикорхола, Метсаяпиртти и Пёлляниemi. После смерти генерал-майора Биллингхузена его наследникам, в соответствии с королевским указом от 2 марта 1687 г., полагалась только половина доходов от этого имения, вторая же половина шла в пользу государства.

Феодальные имения предоставлялись государственным чиновникам и военным, как правило, только на период жизни владельца. Сами же владельцы в своих имениях обычно не жили, поручая ведение хозяйственных дел управляющим.

Крестьяне в Кексгольмском лене платили налоги и подати как в пользу феодалов, так и в пользу государства. Кроме налогов, существовала и гужевая повинность: крестьян обязывали за свой счет и на своих лошадях возить грузы в Кексгольм, Выборг, Ниеншанц, а иногда и дальше.

1632, 1633 и 1634 годы были неурожайными, в результате чего возник голод. В 1640 г. наступила засуха. Поскольку и в последующие (в частности, в 1642 и 1643 гг.) экономическое положение в крае в условиях постоянного роста налогового бремени продолжало ухудшаться, многие крестьяне из числа православных в массовом порядке уходили в Россию. Шведские власти поначалу не придавали этому большого значения, однако, когда бегство из страны приняло внушительные масштабы, правительство стало проводить меры по улучшению положения. В частности, несколько раз крестьяне освобождались от уплаты налогов, в 1641 году было списано большое количество недоимок. Тем не менее, бегство из страны не прекращалось. Согласно данным за 1638 г. в огромном Кексгольмском лене насчитывалось в общей сложности 5390 крестьянских хозяйств, занимавшихся земледелием, и из этого числа в Южном фогтстве, включавшем районы

Саккола и Метсяпиртти, проживало всего-навсего 396 семей.⁸ С наступлением более благоприятных времен крестьяне, бежавшие в Россию, стали возвращаться на свои заброшенные земли, и, кроме того, стали прибывать и переселенцы из глубинных районов Финляндии. Таким образом, к 1654 году число крестьянских семей, возделывавших землю, достигло 6862 — то есть за прошедшие 16 лет численность населения выросла на 11,5%, причем основной прирост приходился на территорию Южного фогтства.

Летом 1656 года русский царь Алексей Михайлович, нарушив мир, начал против Швеции войну с целью вернуть России выход к Балтийскому морю и земли, отошедшие к Швеции по Столбовскому мирному договору. Один из русских отрядов во главе с олонеким воеводой Петром Михайловичем Пушкиным, собравшим войско из тысячи жителей Олонецкой земли, к которому присоединились 170 присланных из Новгорода стрельцов, перешел границу на северном берегу Ладожского озера и в начале июня осадил Кексгольм. В крепости держал оборону шведский гарнизон из 300 солдат, которыми руководил комендант крепости Олоф Бенгтссон. Русскому войску не удалось взять город, и 26 сентября воевода Пушкин, приказав поджечь осадные укрепления, двинул свое войско в обратный путь. Военные действия, от которых страдали и гибли прежде всего мирные жители, велись на Карельском перешейке и в других местах. Тогда русским отрядом численностью 60 человек было захвачено поселение Тайпале, однако дальнейшее наступление было остановлено в ноябре 1657 года известием о том, что в Финляндии свирепствует чума. Война шла и в отдаленных северных районах Финляндии: в частности, русские войска вели осаду крепости Каяани. В декабре 1658 года в местечке Валлисаари было заключено перемирие, которым подтверждались условия Столбовского мира, а 21 июня 1661 г. состоялось официальное подписание Кардисского мирного договора (в местечке Кардис, расположенном в Северной Ливонии, на латышских землях), подтвердившего условия Валлисаарского перемирия.

После нескольких лет неурожая, а также опустошительной войны 1656—1658 гг., в Кексгольмском лене наблюдается некоторое оживление хозяйственной деятельности. Этот рост происходил, в частности, благодаря торговле, которую местные жители вели с го-

родами. Основные статьи дохода — древесная смола и коровье масло, которыми торговали на вывоз. Из Южного фогтства, в том числе и из Метсепиртти, возить эти товары было выгоднее не в Кексгольм, административный центр лена, а в Ниеншанц*, где за них давали более высокую цену. По тогдашним шведским законам торговать разрешалось только в городах, в сельской местности торговать было запрещено — строго запрещалось даже что-либо покупать у соседей и что-либо продавать им. Это вынуждало крестьян — поскольку денег у них было мало — стремиться к самодостаточности своих хозяйств, в городе покупали в основном только соль и железо. Но, даже приехав на несколько дней в город, чтобы что-то купить или продать, крестьянин не мог устроиться на временное проживание там, где ему вздумается, скажем, на частной квартире, а должен был селиться на официально открытом для этих целей постоялом дворе. Такое положение вещей, конечно же, создавало массу неудобств, и крестьяне, дабы не нести лишних расходов, сплошь и рядом нарушали эти запреты и занимались торговлей из-под полы.

ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

Зарождение христианского влияния на Карельском перешейке тесным образом связано с крестовыми походами шведов (1156—1157, 1238—1240, 1293—1295 гг.), а также военными походами новгородцев (1227, 1277—1278). По всей видимости, крещение племени ижор, ставшего впоследствии фактически союзником Великого Новгорода в противоборстве со шведским влиянием, произошло именно в этот период. Тем не менее, по данным, представленным известным ученым-кареловедом С.И. Кочуркиной, автором книги «Корела и Русь», поход Ярослава Всеволодовича не привел к полному искоренению язычества на этих землях. В качестве доказательства этого С.И. Кочуркина упоминает о том, что при раскопках в Новгороде, проводившихся в культурном слое середины XIII века, археологи нашли чрезвычайно редкую по содержанию берестяную грамоту, текст которой вы-

* город Ниен (крепость Ниеншанц) был заложен шведами в 1611 году у места впадения в Неву реки Охты и просуществовал до уничтожения его войсками Петра I в мае 1703 г.

полнен на карельском языке, правда, довольно небрежным образом. Эта грамота на 600 лет старше всех известных карельских письменных памятников, текст ее составлен с использованием русского алфавита (что, несомненно, является подтверждением тесных контактов с русским населением) и содержит языческое заклинание следующего содержания (в современном русском переводе):

*Божья стрела (молния) десять имен твоих.
Стрела та она принадлежит богу.
Бог судный направляет.*

В народе языческие божества пользовались особым почетом, и в Карелии им продолжали поклоняться как в дохристианскую эпоху, так и после крестовых походов и начала миссионерской деятельности христианских просветителей. С приходом христианства некоторые подвижники и отцы церкви, впоследствии причисленные к лику святых, стали считаться у карел покровителями тех или иных видов хозяйственной деятельности. Для скотоводов главным божеством был Святой Георгий, оберегавший домашний скот от диких лесных зверей, а посему скотину выпускали весной первый раз 23-го апреля, т.е. в «день Юрки» (день Св. Георгия).

Оберегателями скота считались также Святая Екатерина (Кайса) и Святой Власий (Уласси). Считалось, например, что Святой Власий умеет разговаривать с животными — в том числе и с лесными зверями — на их языке, и они его понимают и слушаются. Святой Стефаний (Тапани), в Карелии его называли также «Тахвана», оберегал лошадей и путников в дороге. Благополучие мореходов и рыбаков оберегал Святой Николай (Мииккула). Роль верховного бога Укко, властителя погоды и небесных сил, в некоторой мере переходит к Святому Илье (Элиасу).

Главными центрами православного влияния в восточной части Карельского перешейка, в том числе и в Метсаяпиртти, становятся Валаамский и Коневецкий мужские монастыри. Со временем к ним были приписаны многие деревни на материковой части Карелии (например, в ведении только Коневецкого монастыря, согласно записям в «Переписной окладной книге Водской пятины» (1500 г.), находились 104 крестьянских хозяйства в Сакульском, Ровдужском, Городенском и Кирияжском погостах (Саккола, Рауту, Корела

и Куркийоки). О времени основания монастыря на островах Валаамского архипелага достоверных сведений не имеется до сего времени, «Большая Советская Энциклопедия» определяет его «... не позднее начала XIV века». Кроме того, существует легенда о пришествии на о. Валаам преподобного Авраамия Ростовского в X веке. Есть также и упоминание о неких иноках, Ефреме и Сергии, приведенное Е.П. Кузнецовым, одним из современных исследователей истории Валаамской обители, в своей книге «Валаамская тетрадь»⁹, где автор пишет, в частности, следующее: «В недавно найденном «Валаамском сказании», весточке из XVI века, безвестный новгородец трактует начало Валаама со слов тогдашней братии. Он повествует о том, что на острове некогда было поселение карел, существовало языческое капище, и иноки Ефрем и Сергей, поселившись рядом, капище это порушили, срубили церкву и стали проповедовать слово божие». Однако каноническим все же принято считать сказание о пришествии сюда преподобных Сергия и Германа, то ли из Новгорода, то ли из Греции, которые и заложили на острове монастырь.

Что же касается Коневецкого монастыря, то история упоминает даже точный год его основания — 1393 г., и случилось оно благодаря стараниям многотрудным преподобного Арсения, инока из Новгорода, который, проведя три года в монашеском поселении на горе Афон в Греции, вернулся на родину и на острове в Ладогe основал монастырь, который был освящен в честь Коневской Божьей матери.

Распространение православия в Карелии происходило в условиях резкого неприятия его западно-римской церковью, которая, в свою очередь, также стремилась к распространению своего влияния, что осуществлялось в основном посредством походов шведских вооруженных отрядов в карельские земли.

Особенно суровые испытания выпали на долю православных святынь во второй половине XVI века, когда в связи с войной между Россией и Швецией сожжению и опустошению несколько раз подвергались Валаамский и Коневецкий монастыри, разрушались православные монашеские скиты на материке.

Как уже упоминалось, в Сакульском погосте существовала православная церковь Святого Михаила. Существовала она до середины XVII века, и, по всей видимости, была уничтожена шведами во время русско-шведской войны 1656—1658 гг. В этот период из

полнен на карельском языке, правда, довольно небрежным образом. Эта грамота на 600 лет старше всех известных карельских письменных памятников, текст ее составлен с использованием русского алфавита (что, несомненно, является подтверждением тесных контактов с русским населением) и содержит языческое заклинание следующего содержания (в современном русском переводе):

*Божья стрела (молния) десять имен твоих.
Стрела та она принадлежит богу.
Бог судный направляет.*

В народе языческие божества пользовались особым почетом, и в Карелии им продолжали поклоняться как в дохристианскую эпоху, так и после крестовых походов и начала миссионерской деятельности христианских просветителей. С приходом христианства некоторые подвижники и отцы церкви, впоследствии причисленные к лику святых, стали считаться у карел покровителями тех или иных видов хозяйственной деятельности. Для скотоводов главным божеством был Святой Георгий, оберегавший домашний скот от диких лесных зверей, а посему скотину выпускали весной первый раз 23-го апреля, т.е. в «день Юрки» (день Св. Георгия).

Оберегателями скота считались также Святая Екатерина (Кайса) и Святой Власий (Уласси). Считалось, например, что Святой Власий умеет разговаривать с животными — в том числе и с лесными зверями — на их языке, и они его понимают и слушаются. Святой Стефаний (Тапани), в Карелии его называли также «Тахвана», оберегал лошадей и путников в дороге. Благополучие мореходов и рыбаков оберегал Святой Николай (Мииккула). Роль верховного бога Укко, властителя погоды и небесных сил, в некоторой мере переходит к Святому Илье (Элиасу).

Главными центрами православного влияния в восточной части Карельского перешейка, в том числе и в Метсяпиртти, становятся Валаамский и Коневецкий мужские монастыри. Со временем к ним были приписаны многие деревни на материковой части Карелии (например, в ведении только Коневецкого монастыря, согласно записям в «Переписной окладной книге Водской пятины» (1500 г.), находились 104 крестьянских хозяйства в Сакульском, Ровдужском, Городенском и Кирьяжском погостах (Саккола, Рауту, Корела

и Куркийоки). О времени основания монастыря на островах Валаамского архипелага достоверных сведений не имеется до сего времени, «Большая Советская Энциклопедия» определяет его «... не позднее начала XIV века». Кроме того, существует легенда о пришествии на о. Валаам преподобного Авраамия Ростовского в X веке. Есть также и упоминание о неких иноках, Ефреме и Сергии, приведенное Е.П. Кузнецовым, одним из современных исследователей истории Валаамской обители, в своей книге «Валаамская тетрадь»⁹, где автор пишет, в частности, следующее: «В недавно найденном «Валаамском сказании», весточке из XVI века, безвестный новгородец трактует начало Валаама со слов тогдашней братии. Он повествует о том, что на острове некогда было поселение карел, существовало языческое капище, и иноки Ефрем и Сергий, поселившись рядом, капище это порушили, срубили церкву и стали проповедовать слово божие». Однако каноническим все же принято считать сказание о пришествии сюда преподобных Сергия и Германа, то ли из Новгорода, то ли из Греции, которые и заложили на острове монастырь.

Что же касается Коневецкого монастыря, то история упоминает даже точный год его основания — 1393 г., и случилось оно благодаря стараниям многотрудным преподобного Арсения, инок из Новгорода, который, проведя три года в монашеском поселении на горе Афон в Греции, вернулся на родину и на острове в Ладоге основал монастырь, который был освящен в честь Коневской Божьей матери.

Распространение православия в Карелии происходило в условиях резкого неприятия его западно-римской церковью, которая, в свою очередь, также стремилась к распространению своего влияния, что осуществлялось в основном посредством походов шведских вооруженных отрядов в карельские земли.

Особенно суровые испытания выпали на долю православных святынь во второй половине XVI века, когда в связи с войной между Россией и Швецией сожжению и опустошению несколько раз подвергались Валаамский и Коневецкий монастыри, разрушались православные монашеские скиты на материке.

Как уже упоминалось, в Сакульском погосте существовала православная церковь Святого Михаила. Существовала она до середины XVII века, и, по всей видимости, была уничтожена шведами во время русско-шведской войны 1656—1658 гг. В этот период из

Сакульского погоста (Саккола) большое количество православных карел бежало в Россию.

Первая лютеранская церковь в Саккола была построена в Кивиниеми [ныне пос. Лосево], и ее посещали прихожане, жившие в районах Пюхьярви и Рауту. Согласно имеющимся данным, точное время постройки этой церкви неизвестно, однако есть предположение, что ее могли построить позднее 1580 года, после того, как шведское войско под командованием Понтуса Делагарди взяло Корелу. Ко времени, когда территория Корельского уезда официально отошла в 1617 году к Швеции, и образовался Кексгольмский лен, в районе Саккола уже существовал лютеранский церковный приход, а его церковь была построена, согласно некоторым данным, примерно в 1616 году. Место для нее выбрали в деревне Саккола, ставшей лютеранским приходским центром, просуществовавшим вплоть до 40-х годов XX века.

В начале 70-х годов XVII века, когда здание церкви уже сильно обветшало, построили новую церковь (строительство ее завершено в 1674 году на том месте, где в XX веке стояла самая последняя, уничтоженная при отступлении советских войск в августе 1941 г., деревянная лютеранская церковь). По имеющимся сведениям, работами по строительству этого здания церкви руководил тогдашний настоятель лютеранского прихода Саккола Хенрик Поппиус.

Через некоторое время в Метсаяпиртти возводится первая лютеранская часовня: в самом конце XVII века епископ Лаурбеккиус (Laurbecchius) дает свое согласие на перевоз из Кивиниеми находившейся там старой часовни. Согласно сохранившимся записям, сделанным настоятелем прихода Саккола по фамилии Окерстедт (Ekerstedt), который служил там в начале XIX века, в Метсаяпиртти в то время еще была часовня — здание о четырех углах, правда, уже довольно сильно обветшавшее.

Для местных жителей в 1679 году при этой часовне был официально зарегистрирован капелланский приход, и часовня стала называться так: «Часовня Тайпале или Корхола в деревне Метсаяпиртти». Богослужения в ней проводились 4—5 раз в год, эту обязанность брали на себя как настоятели прихода Саккола, так и капелланы — священники капелланского прихода. Среди них были, в частности, священник по имени Грегорус, служивший в 1644—1651 гг., Самуэль Ульвих, который служил после него до 1658 года и став-



Илл. 18. Лютеранская церковь Метсяпиртти. Фото 1930-х годов.

ший затем настоятелем церковного прихода Рауту; после Ульвиха капелланом был Георгиус Портанус, служивший в 1663—1667 гг. С 1672 года — Йохан Снэк, после него — Захариас Сиденснере (Sidensnöre) до 1700 года, а последним был Отто Берг (Бергман), который вскоре, в 1701 году, попал в русский плен и впоследствии служил настоятелем прихода Тюрё в Ингерманландии (ныне пос. Тюрё называется Мартышкино и находится на территории, относящейся к городской черте Санкт-Петербурга).

До начала Северной войны район Метсяпиртти, являвшийся частью волости и церковного прихода Саккола, был, как и другие районы Карельского перешейка, охвачен влиянием христианства, которое, постепенно вытесняя языческие традиции местного населения, неотвратимо шло им на смену.

С окончанием в 1721 году Северной войны весь Карельский перешеек официально был включен Петром I в состав Российской империи. По Ништадскому миру бывшим шведским подданным предоставлялась свобода вероисповедания. Таким образом, лютеранская религия продолжала сохранять свое влияние на территории бывшего Кексгольмского лена, в том числе и в южной ее части, несмотря на сильное влияние православия. И та, и другая церковь передавались в ведение Святейшего Синода, однако для лютеранской церкви Петр I в 1720 году назначил главой настоятеля Выборгского лютеранского прихода Кристиана Мелартопеуса, который получил епископские полномочия. Духовным главой для православного населения стал протоиерей Выборгского главного православного собора, освященного в честь Рождества Христова.

Обветшавшую, с провалившейся к 1789 году крышей четырехугольную церковь в Метсяпиртти, которой исполнилось уже почти 100 лет и в которой из-за аварийного состояния уже нельзя было проводить богослужения, разобрали, а на ее месте в 1791–1792 гг. построили новое здание церкви крестообразного плана. С 1751 года лютеранские богослужения проводились в Метсяпиртти уже 7 раз в году, а не 4–5, как раньше, а с 1789 года — 12 и более раз в год.

В 1841 году здание церкви подверглось капитальному ремонту: его полностью разобрали, а затем снова отстроили из тех же самых материалов. В 1876 г. отремонтировали крышу, при этом старую колокольню разобрали и вместо нее установили другую, размерами поменьше, на западном выступе фасада. В 1914 году церковь снова была основательно перестроена по проекту Якоба Аренберга и Пааво Бьёрка, при этом восстановили прежнюю центральную башенку-колокольню и примерно на метр увеличили высоту стен храма.

Последними священнослужителями лютеранского церковного прихода Метсяпиртти были пробст Юхана Кустаа Саккинен, пастор Эйно Ваурамо, кантор-органист Эйно Сеппя и церковный сторож Аапро Пауссу.

Здание церкви Метсяпиртти сгорело в первые дни декабря 1939 года, и в настоящее время в глубине территории нового кладбища в поселке Запорожское можно увидеть лишь поросшие травой части фундамента, в окружении могил похороненных там послевоенных жителей поселка.

Православные жители Метсаяпиртти составляли часть православного прихода Палкеала. В этом приходе главной была церковь в деревне Палкеала [ныне дер. Замостье] волости Рауту, построенная в 1865 г.; этот год также является и годом официального основания прихода Палкеала, охватывавшего территории волостей Рауту, Метсаяпиртти, Саккола и Вуоксела. По данным финского историка XIX—XX веков Й.М. Салениуса, в Рауту еще в XVII веке существовал православный приход со своей церковью, о которых, однако, после Северной войны не было уже никаких сведений. До строительства церкви в Палкеала прихожане Метсаяпиртти обслуживались священниками православных храмов Тиурула (на северном берегу Ладоги, недалеко от Хийтола), Кююрёля (приход Муолаа) и Матокси¹⁰ (в Северной Ингерманландии). Из названных храмов православные жители Метсаяпиртти посещали для совершения религиозных обрядов главным образом церковь Палкеала, поскольку расположена она была относительно недалеко.

Освящение церкви в Палкеала во имя Святых Апостола Андрея Первозванного и Марии Магdalены состоялось 3-го октября 1865 года, обрядом руководил митрополит Петербургский Исидор. Средства на строительство храма пожертвованы петербургским купцом Николаем Ивановичем Русановым. Эта церковь сгорела во время Зимней войны 1939—1940 гг.



Илл. 19. Православная церковь в Палкеала.

«ОКНО В ЕВРОПУ»

В 1700 году Россия начинает против Швеции Северную войну за выход к берегам Балтийского моря. После взятия в 1710 году Выборга и Кексгольма царь Петр I начинает раздавать завоеванные

земли с проживающими на них местными крестьянами своим наиболее отличившимся в сражениях приближенным. В Метсаяркти первым таким обладателем донационного (т.е. дарованного) имения становится тайный советник граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин¹¹. Согласно дарственной от 17 июня 1713 года, он получил в качестве поместного имения все те земли в волости Саккола, которые расположены по правую сторону от дороги, ведущей из Выборга в Кексгольм через Кивиниеми, т.е. включая и район Метсаяркти. Центром этого имения, к которому были приписаны 91 крестьянское хозяйство, стала усадьба, построенная в Петярви [ныне поселок Петровское].

В соответствии с «ревизией», проведенной в 1728 году, за этим донационным имением были закреплены 144 крестьянских хозяйства. Когда в период правления императрицы Анны Иоанновны сам граф впал в немилость, имение было объявлено государственным владением, а управление им передано придворной канцелярии. А 3 декабря 1762 года, после восшествия на престол Екатерины II, это имение передано в «вечное и наследуемое» владение наследникам Платона Мусина-Пушкина, доводившегося предыдущему владельцу родным братом.

Наследники же — Аполлос Мусин-Пушкин и поручик Иван Мусин-Пушкин — через 6 лет, т.е. 28 августа 1768 года продают имение статскому советнику Йоахиму фон Сиверсу. Его наследник, генерал-лейтенант Якоб фон Сиверс, в 1774 году продает имение представителям известного на Карельском перешейке и в Санкт-Петербурге рода Фредериксов. В дальнейшем, вплоть до окончательного выкупа крестьянских земель у помещиков в Старой Финляндии в собственность автономного финляндского государства в начале 1870-х годов, имение это принадлежало Фредериксам.

Старой Финляндией в финской историографии принято называть отошедшую к России после Северной войны часть Финляндии, включая Карельский перешеек. Позднее к этим территориям присоединились некоторые земли западнее реки Кюмийоки, отошедшие к России после непродолжительной русско-шведской войны 1741—1743 гг. На этой территории была образована новая административно-территориальная единица Российской империи — Выборгская губерния (в XVIII веке использовалось также название «Выборгское наместничество»), центром которой стал город-крепость Выборг. После заключения в 1721 году Ништадского (Нюстадского) мира комендант Выборгской крепости полковник Иван Шувалов, которому подчинялся и

комендант крепости Кексгольм, стал принимать меры к возрождению хозяйственной жизни в крае, сильно пострадавшем в результате военных действий: местным крестьянам предоставили определенные налоговые льготы. На территории Выборгской губернии продолжали действовать старые шведские законы, в том числе принятые в Швеции еще в 1442 году. Система официальных учреждений в крае также в основном оставалась прежней. В 1840-х годах были, однако, проведены некоторые преобразования административной системы, в соответствии с которыми высшим государственным чиновником в губернии объявлялся губернатор. При губернаторе созданы наместнические канцелярии, ведавшие делами Выборгской губернии, в состав которой входил и бывший Кексгольмский лен. Эти учреждения занимались управлением хозяйственной деятельностью в губернии, решали юридические вопросы, связанные со спорами, которые то и дело возникали касательно состояния дел на государственных земельных угодьях. Территория губернии делилась на т.н. комиссариаты, во главе которых ставились земельные комиссары (государственные управляющие). Район Метсаярвти относился к южному комиссариату Кексгольмского округа. Администрация комиссариата состояла из подушного регистратора, волостного начальника полиции, начальника по содержанию мостов и дорог («мостового фогта»), начальника по контролю за охотничьим промыслом и соблюдением пожарной безопасности в лесах («ягдфогта»). В деревнях ответственными лицами назначались старосты, над которыми стояли десятники.

Продолжала существовать старая система уездных судов. Волости Саккола и Рауту охватывались одним судебным округом. Слушания дел проводились два раза в год, т.е. поочередно на территории сначала одной, а затем другой волости. Прошения касательно обжалования решений уездного суда подавались на рассмотрение в лагманский суд, следующей судебной инстанцией была юстиц-коллегия в Санкт-Петербурге. По делам исключительной важности ходатаи обращались в Правительствующий Сенат или же к самому императору.

На практике же все шло к тому, что крестьяне все более и более закабалялись новыми владельцами имений, которые, поручая ведение дел управляющим, сплошь и рядом нарушали права местных земледельцев, которые ранее, при шведах, имели больше личных свобод, нежели теперь, когда на их земли пришла власть великодержавной России. Так, крестьянам отныне категорически, под угрозой наказа-

ния, запрещалось продавать свои хозяйства и уходить, дочь крестьянина не имела права выйти замуж за крестьянского парня, приписанного к другому имению, и т.д. В интересах русских помещиков старое шведское законодательство постепенно вытеснялось из практики новыми, более суровыми крепостными порядками. В XVIII веке особой бесчеловечностью и произволом по отношению к местным крестьянам в Саккола отличались, в частности, Андрей Петров и Калмыков, управляющие имения графа И.А. Мусина-Пушкина. Стремление господ к обогащению за счет усиления эксплуатации своих крестьян приводило к возникновению массового недовольства, судебным разбирательствам и стихийным бунтам, и тогда помещики обращались к властям с просьбой прислать войска для умирения крестьян. Такие явления, конечно же, носили массовый характер не только на территории Карельского перешейка, где были обширные помещичьи донационные владения, но и по всей крепостной России.

В 1785 году владелец имения Таубила, что в районе Пюхьярви [ныне это район озера Отрадное с поселком Плодовое в Приозерском районе], Андреас Фредерикс, составил для своих крестьян существенно ущемляющий их права новый свод правил по сборам и повинностям в пользу помещика — так называемый «Таубильский контракт». Петр Фредерикс, его родственник, ставший к тому времени владельцем имения в Саккола, тоже решил реализовать положения «Таубильского контракта» на своих землях в Саккола и Метсяпиртти, дабы еще больше обогатиться за счет увеличения поборов со своих крестьян, которые к тому же должны были еще и выполнять увеличенный объем обязательной барщины. Как в Пюхьярви, так и в Саккола обнародование этого «Контракта» вызвало у местных крестьян бурю негодования и длительные судебные тяжбы. Однако императорский Сенат, осуществивший окончательное рассмотрение требований крестьян об отмене навязываемых им владельцами имений грабительских обязательств, объявил эти требования необоснованными, заняв, таким образом, сторону господ помещиков.

Для умирения бунтовавших крестьян господ вызывали войска, отказывавшихся от выполнения барщины гнали на работы казаками нагайками. И если в 1732 году граф И.А. Мусин-Пушкин получил с крестьян в свою пользу 206 рублей 50 $\frac{3}{4}$ копейки денег, 421 бочку и 10 $\frac{2}{3}$ каппы (4,58 л) ржи и ячменя, 65 бочек и 26 $\frac{2}{3}$ каппы овса, то через 70 лет, в 1802 г., барон Петр Фредерикс взимал с крестьян

уже 3654 рубля 50 копеек деньгами и заставлял их отрабатывать на барщине 16 180 трудодней — это количество поденных работ почти вчетверо превышало те объемы, которые выполнялись крестьянами во времена Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина. И это при том, что численность крестьянского населения на территории имения выросла к 1802 году всего на одну треть в сравнении с 1732 годом!

Согласно подробному списку жителей волости Саккола, составленному в 1724 году, на ее территории к этому времени проживало в общей сложности 696 человек, из них 146 чел. на территории района Метсяпиртти. Из деревень населенными были Коукунниemi, Косела, Корхола (к ней, судя по всему, относились также мелкие соседние деревеньки), Лапанайнен, Метсяпиртти, Рааю, Ванхаяма и Тайпале. В регистрационные записи заносили лиц в возрасте от 15 до 60 лет. Тех, кто был моложе 15 и старше 60 лет, в 1724 году насчитывалось до половины от общей численности населения. Согласно переписным книгам, составленным в 1724, 1740, 1750, 1760, 1780 и 1818 годах, динамика численности населения района Метсяпиртти за данный период выглядит следующим образом:

Деревни	1724 г.	1740 г.	1750 г.	1760 г.	1780 г.	1818 г.
Аркунтанхуа 11			9	15	22	86
Аркунтанхуа 12				8	10	36
Хаапсаари		4	11	17	19	48
Хатаккала		7	9	10	15	58
Иознтака		9	20	28	41	141
Коукунниemi	15	13	27	28	40	150
Косела	26	7	16	18	23	113
Корхоланьяама, Корхола	50	4	9	15	20	79
Лапанайнен	21	6	13	17	27	86
Мякикорхола		2	11	9	17	30
Малакки		1	5	4	6	20
Метсяпиртти	14	8	26	24	42	168
Изусаари		3	2	3	3	16
Палониеми		1	3	3	3	7
Рааю	10	7	12	15	29	108
Сааройнен		1	9	14	28	133
Суниккала		6	7	16	22	67
Теренттия		2	4	4	6	31
Тайпале	3	1	11	12	16	53
Ванхаяама	7	5	13	7	13	74
Вийсийоки			11	13	28	71
Всего:	146	87	228	280	430	1573

Некоторые деревни, например Аркунтанхуа, Йоэнтака (Йоэнта-ус), Коукунниими и др., где стояло по несколько хозяйств, были поделены на участки с номерами. Согласно церковно-приходским метрическим записям, регистрировавшим родившихся, вступивших в брак и умерших по всей волости Саккола, включая и район Метсяпиртти, данная статистика, взятая за отдельные годы, выглядит так:

	1735	1737	1738	1739	1740	1741
Родилось детей	52	86	92	94	63	74
Зарегистрировано супружеских пар	38	21	данные отсутствуют	данные отсутствуют	данные отсутствуют	2
Умерло	33	143	96	73	122	95

В связи с периодически вспыхивавшими эпидемиями в отдельные годы резко возрастала смертность, большое число умерших в 1737 году объясняется именно этим. В метрических записях указывалась и причина смерти прихожанина. Наиболее распространенной причиной значилась «лихорадка с высокой температурой». Смертельными были также случаи заболевания оспой, коклюшем (от которого умирали дети), укус змеи, паралич.

Эпидемии уносили на тот свет не только людей, но и домашний скот. Так, в 1798 году в Метсяпиртти был массовый падеж лошадей и коров, а также умерло несколько человек в связи с эпидемией сибирской язвы. Она повторилась в Метсяпиртти в 1807 году, унеся жизни 9 человек. Болезнь эта была очень опасной, и поэтому людей, умерших от нее в Метсяпиртти, по распоряжению губернатора там же и хоронили; везти их на кладбище в приходский центр Саккола категорически запрещалось.

В 1797 году, при императоре Павле I, вышел указ, распространивший воинскую повинность (рекрутчину) и на Выборгскую губернию. В русскую армию, в которой срок службы для солдат составлял 25 лет, забирали в первую очередь бродяг, безземельных арендаторов и тех, кто еле-еле сводил концы с концами. Однако в дальнейшем, поскольку рекрутов не хватало, их стали брать и из семей дворохозяев, в первую очередь из тех, где было несколько братьев. Рекрутчина в Старой Финляндии продолжалась в период с 1797 г. по 1809 г. и официально была отменена только в 1811 году, когда произошло воссоединение этой территории с остальной частью Велико-

го княжества Финляндского. Набор рекрутов на месте осуществляли представители власти, являвшиеся местными карелами и занимавшие должности головы, старшины и сотского*.

Согласно «Рекрутскому списку», составленному по Выборгской губернии в 1809 году, в Метсаяпиртти головой значился Тааветти Лемметти, старшиной — Юхана Хаапсаари, а сотскими — Хейкки Куоппа, Пааво Ээва, Кристер Хатакка, Тахво Торикка, Абрам Ээва и Юрьяня Туокко. 13-го декабря 1809 года рекрутами в армию были взяты Яакко Суйкканен из деревни Палониemi, Симо Хаапсаари из деревни Хаапсаари, Тахво Пелтонен из Ванхаяама, Матти Карья и Матти Люландер из Тайпале, Йоосеппи Хюютия из Сааройнен, Юхана Паксу из Рааю, Юхана Хюння из Коукунниemi, Юхана Пауссу из Корхола, Туомас Коркка и Пиетари Коркка из Суниккала. Это были молодые ребята, фактически еще мальчишки, в возрасте от 15 до 20 лет. Поскольку рекруты, набранные в Карелии, часто сбегали и скрывались по лесам, не желая служить в русской армии, для облегчения поиска и поимки беглецов в документах давались сведения с описанием особых примет — форма лица, цвет глаз, форма носа, цвет волос.

В 1837 году хозяева поместья Петяярви-Саккола начали строительство второй усадьбы в районе Сааройнен [ныне дачный поселок Пятиречье]. Поскольку облюбленные ими места для построек новой усадьбы уже были заняты, так как там находились дома и угодья местных крестьян, то хозяева решили прибегнуть к практике выселения, обратившись за помощью к властям. Управляющий имением Вебер изложил суть дела волостному начальнику полиции Адольфу Стрёмбергу. 27 июня 1837 г. Стрёмберг в сопровождении мостового фогта Хагмана, двух казаков и подпоручика Дянкина отправился с объездом в деревню Йоэнтака, откуда они продолжили свой путь в Аркунтанхуа.

Подъехав к дому крестьянина Антти Репо, Стрёмберг вызвал хозяина и под предлогом якобы неполной отработки семейством Репо барщины начал его оскорблять; при этом один из казаков смертельно ранил крестьянина своей пикой. Завязалась драка, в которой двое сыновей крестьянина получили тяжелые ранения, компания же Стрёмберга, отделавшись при этом лишь незначительными царапинами, поспешила ретироваться, а, вернувшись к себе, начальник по-

* Сотский — нижний полицейский чин крестьянского происхождения.



Илл. 20. Некоторые номиналы, выпущенные Финляндским банком в обращение в 1860–1880-х гг.

лиции доложил о случившемся губернатору, представив суть дела так: при исполнении им и его помощниками законных обязанностей они подверглись нападению нескольких сот разъяренных крестьян и в целях самообороны вынуждены были применить оружие. Во время допросов, несмотря на вранье и запирательства виновных, была выявлена истинная картина происшествия, и Стрёмберга несколько раз за время следствия сажали в тюрьму, однако по распоряжениям генерал-губернатора Финляндии князя Александра Сергеевича Меншикова всякий

раз выпускали на свободу. Надворный суд* г. Турку 19 июня 1838 года вынес Стрёмбергу смертный приговор, однако в конце концов, пройдя рассмотрение в юридической палате Финляндского сената, дело поступило к императору. Николай I, рассмотрев дело, повелел помиловать Стрёмберга, который впоследствии продолжал служить полицейским начальником в других волостях.

У Антти Репо осталась большая семья, в которой было 6 сыновей, самый младший из которых — Антти — родился через 2 месяца после смерти отца. Со временем на месте хозяйства Репо появились овины помещицкой усадьбы Сааройнен. Главное здание усадьбы построили на месте крестьянского дома Вильяма Ахтиайнена в деревне Виисйоки, а помещения для скота — на угодьях крестьянина Микко Суси.

В связи с официальной отменой в 1861 году крепостного права в России крестьяне формально получили свободу, однако их земли продолжали оставаться в собственности помещиков. В 1867 году Сейм автономного княжества принял постановление о выкупе земель донационных владений в Старой Финляндии в собственность финляндского государства для последующей передачи их в вечное пользование крестьянам при обязательной выплате последними в течение длительного периода стоимости полученных угодий. Фактически крестьяне должны были выкупить свою землю, однако другой возможности вытащить их из унижительной материальной зависимости от помещиков не было, да и бюджет автономного княжества не позволял передать крестьянам землю безвозмездно. На выкуп более чем 1 миллиона гектаров донационных угодий ассигновывалось свыше 17 миллионов марок. Имение, относившееся к усадьбе Сааройнен, было выкуплено у коллежского советника барона Николая Фредерикса за 380 тысяч марок, имение Петяярви — за 390 697 марок; а имение усадьбы Саккола выкупили у статской советницы Екатерины Лашковской за 992 363 марки.

В середине 1930-х годов благодарные потомки тех, кто подвергался притеснениям и гнету помещиков, в знак уважения к терпению, упорству и трудолюбию своих дедов и прадедов установили несколько памятников по проектам известного финского художника Аарно Каримо. Один из них был торжественно открыт в деревне Метсяпиртти (в приходско-волостном центре).

* Суд второй инстанции.

СПУСК ОЗЕРА СУВАНТО

Озеро Суванто (это слово в переводе означает «плес», «участок реки со спокойным течением»), имеющее ширину до 1—2 км и протянувшееся на 30 километров с северо-запада на юго-восток от поселка Кивиниеми [ныне Лосево] до истоков реки Тайпалеенйоки у бывшей деревни Рааю [ныне дачный поселок Удадьцово], с 1948 года называется Суходольское. Образовавшаяся несколько тысяч лет назад в результате схода ледника длинная и узкая впадина, заполнившаяся водой, представляла собой довольно крупный и глубокий водоем, уровень воды в котором был примерно на 2 метра выше уровня воды в Вуокси. Соединялись эти два озера небольшим ручьем, который тек с востока на запад через разделявший их перешеек шириной несколько сот метров. У восточной оконечности озера Суванто неширокий песчаный перешеек отделял его от Ладоги. Ширина перешейка составляла порядка 300 локтей, то есть 178 метров¹². По другим данным он был шириной до 300 метров, а при подъеме воды в Суванто ширина уменьшалась до 50 метров.

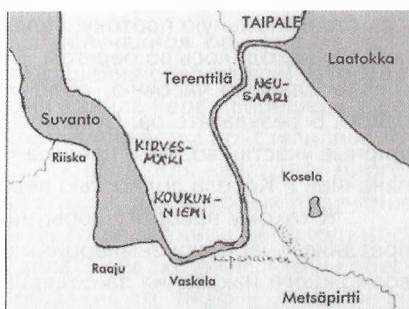
В XVIII веке местные крестьяне, приписанные к донационному имению, вынуждены были добывать себе и своим семьям пропитание и средства для уплаты податей, обрабатывая небольшие каменистые поля. Многие возлагали большие надежды на искусственный водоспуск, который позволил бы получить дополнительные площади под поля и сенокосы. Данный проект планировалось осуществить еще в 1741 году, власти даже доставили сюда солдат, чтобы прорыть небольшой канал через перешеек. Однако этим планам помешала начавшаяся война со Швецией, и солдаты были отправлены за Выборг, в район военных действий.

В дальнейшем, в начале XIX века, попытки сделать водоспуск были продолжены. По некоему свидетельству, передававшемуся из уст в уста, в 1817 году местные крестьяне, поля которых находились на побережье у озера, специально проходили на лодках по мелководной, уже образовавшейся к тому времени протоке, волоча следом еловые стволы с сучьями, в результате чего протока, имевшая песчаное дно, стала несколько глубже.

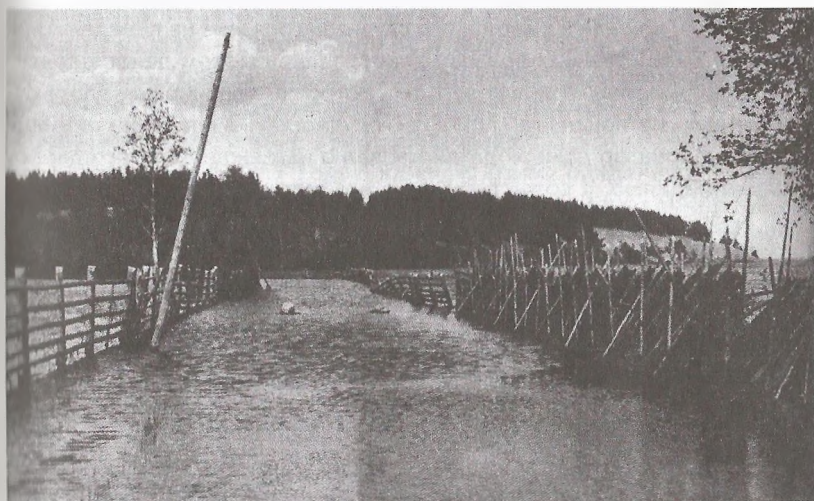
Однако никто не мог предположить, что произойдет весной следующего года. Поскольку зима была очень снежная, а погода в апреле — начале мая установилась довольно теплая, снега начали



Илл. 21. Участок озера Суванто в районе Метсяпиртти до прорыва песчаной гряды у Тайпале.



Илл. 22. Тот же участок местности после обмеления озера в результате водоспуска.



Илл. 23. Проходящий по левому берегу реки Тайпалеенйоки участок дороги между деревнями Теренттиля и Тайпале, затопленный поднявшейся водой (довоенная фотография).

быстро таять, и уровень воды в Суванто стал резко повышаться. 26-го мая 1818 года (эту дату приводит в своих записях настоятель церковного прихода Валкъярви Йохан Строльман, лично наблюдавший за тем, что происходило на озере) огромные массы воды под большим напором хлынули в это русло, которое скоро превратилось в пенящу-

юся стремительную протоку, увлекающую бурлящими водоворотами все, что находилось по берегам — в частности, дома деревни Тайпале и православную часовню, обломки которых поплыли в Ладожское озеро. В результате оз. Суванто (Сувантоярви) резко обмелело, обширные участки водного пространства у деревень Рааю, Васкела, Лапанайнен и Косела полностью пересохли, оголив дно.

К такому повороту событий никто не был готов, и, как гласит предание, участники землеройных работ на перешейке, испугавшись возможного наказания за содеянное, длительное время скрывались по лесам, а одного, которого посчитали организатором, даже арестовали и отправили в тюрьму в Санкт-Петербург, где его дело рассматривал сам царь. Однако Александр I в конце концов повелел освободить бедолагу: государственные мужи, с которыми царь обсуждал этот вопрос, пришли к выводу, что случившегося уже не переделать, а большая хозяйственная польза налицо: теперь в этом районе появились дополнительные сельхозугодья, которые, конечно же, дадут существенную материальную прибыль государству. В предании говорится, что губернатор даже ходатайствовал о награждении этого дворохозяина медалью. К сожалению, имя его история умалчивает.

Протока, образовавшаяся при прорыве вод озера Суванто в Ладогу, получила впоследствии название «Тайпалеенйоки» (река Тайпале) — по всей видимости, по названию расположенного у побережья Ладоги населенного пункта. В дальнейшем, в течение почти 40 лет, эта река была довольно мелководной (поскольку после спуска воды уровень озера Суванто стабилизировался, и в Ладогу сходили лишь те излишки, которые поступали в Суванто из небольших впадавших в него речек и ручьев), и в некоторых местах ее можно было даже переходить вброд. Жители деревни Косела каждое лето отправляли своих коров на левобережные луга у деревни Коукунниemi — коровы без труда шли по мелководью.

Следует отметить и то, что протока, промытая бурным сходом воды в 1818 году, время от времени снова забивалась песчаным валом, наносимым ладожским прибоем. По всей видимости, крестьяне, чтобы иметь возможность как-то и дальше использовать новые угодья, постоянно прочищали эту протоку, чтобы уровень воды в Суванто не повышался. Тем не менее, фактом остается то, что на русской карте, выпущенной в 1843 году, озеро Суванто представлено таким, каким оно было до водоспуска 1818 года.

Продолжением этого как бы «случайно» осуществленного водоспуска Суванто явился проект осушения озер на всей Вуоксинской системе посредством прорытия канала через перешеек у деревни Кивиниеми. Власти автономного княжества приступили к его реализации в середине 50-х годов XIX века, идя навстречу многочисленным пожеланиям местных крестьян, для которых получение новых пахотных и луговых угодий было жизненной необходимостью. Этот канал предполагалось сделать судоходным, чтобы обеспечить еще и прямое водное сообщение от Ладоги до верхней Вуоксы. Автор полагает, что, помимо стремления властей края к развитию системы транспортных перевозок (в том числе и водного транспорта), определенную роль здесь могли сыграть и события разразившейся в 1853 году Крымской войны, в ходе которой английские корабли обстреляли и разрушили крепость Бомарсунд на финляндском побережье. Это не могло не подтолкнуть власти Российской империи к принятию после окончания войны мер по более эффективному развитию путей сообщения.

В сентябре 1857 года, после подрыва разделявшего озеро перешейка, воды Вуоксы под большим напором пошли в Суванто, и, соответственно, резко увеличился водосброс в реку Тайпалеенки, которая с тех пор представляет собой водную артерию шириной до 100–150 м и глубиной до 8 метров с довольно быстрым течением. Цель данного проекта, однако, достигнута не была: проход судов через новую протоку, где образовались пороги и вода пошла со скоростью 9 м/сек., стал практически невозможен. Направлявшимся впоследствии в Антреа [ныне Каменногорск] пассажирам небольшого пароходика «Сяхкё» («Электричество»), начавшего с 1894 года регулярные рейсы по озеру Суванто, приходилось делать в Кивиниеми пересадку на пароход, ходивший по водной системе Вуоксы. Люди, жившие в тех местах до начала советско-финской Зимней войны, помнят, насколько высоким был уровень воды как в этих водоемах, так и в Ладоге. В отдельные годы, когда задували сильные ветры с востока, вода в устье Тайпалеенки поднималась и заливала прибрежные участки местности у деревень Тайпале и Теренттиля. Приезжая теперь в составе туристских групп поклониться родным местам, они с горечью отмечают заметное падение, до 2–3 метров, уровня воды в Ладоге, да и река в устье была, по их словам, значительно шире.

ВОЛОСТЬ МЕТСЯПИРТТИ

Метсяпиртти отделяется от волости Саккола

В начале 70-х годов XIX в связи со все чаще возникавшими практическими трудностями, связанными как с проведением церковных обрядов, так и с административным управлением в отдаленных районах, появляется необходимость в создании новых церковных приходов и волостей. Проблема образования самостоятельного прихода Метсяпиртти с определением его волостных административных границ впервые была затронута на рабочем заседании церковного совета 23 июля 1871 года. Для подготовки проведения практических мероприятий по выделению новой церковноприходской и административно-территориальной единицы из состава волости Саккола были выбраны специальные уполномоченные — Хейкки Хатакка и Ааро Коркка.

Население в деревнях района Метсяпиртти уже достигало почти 2700 человек. Вопрос отделения от волости Саккола волновал, прежде всего, руководителей капелланского прихода Метсяпиртти (как отмечалось выше, там уже существовал свой лютеранский молитвенный дом), которые и выступали за то, чтобы претворить эту идею в жизнь. Через несколько лет, в 1878 и 1879 годах церковный совет проводил второе и третье слушания по данному вопросу. Со стороны руководителей прихода и волостных представителей Саккола было высказано заверение в том, что препятствий для отделения Метсяпиртти не будет.

Все это происходило уже в период т.н. «большого передела», в процессе которого бывшим донационным крестьянам выделялись участки земли. Некоторые земли при этом закреплялись за государством. Так, река Тайпалеенйоки, согласно решению Сената от 11-го декабря 1878 года, объявлялась государственной рыболовецкой зоной, а примыкающий к ее устью залив Иголканлахти — ее защитной акваторией.

В этой рыболовецкой зоне были определены три маленьких участка для возведения необходимых строений. Нижняя тоня (Ala-араја) располагалась напротив устья небольшой, впадающей в Тайпалеенйоки с севера речки Каарнайоки. Местные жители, говорившие на особом местном диалекте Метсяпиртти, имеющем определенные

отличия от норм литературного финского языка, называли ее также «Каарйоки» [ныне эта речка называется Федоровка].

Чуть выше по течению Тайпалеенйоки, у порога Кемпинкоски (Кемпилянкоски) находилась верхняя тоня (Ylä-araja), а у самых истоков реки — рыбацкая заводь Коукунниemi. Кроме того, самостоятельный земельный надел, состоявший из 5 участков общей площадью 1/4 гектара, был создан при мельнице Салми («На проливе»). Ответственными за проведение указанных землеустроительных работ были Симо Вискари из Вилаккала (в настоящее время населенного пункта на месте этой деревни не существует) и Элиас Кяппи из деревни Нойсниemi [ныне пос. Мыс, что примерно в 8 км западнее пос. Лосево]. Кроме того, они обмерили и определили участок под кладбище Метсяпиртти и надел приходского священника.

Параллельно с отделением территории района Метсяпиртти с преобразованием в самостоятельную административно-территориальную единицу (волость) проводились собрания и по поводу планов создания самостоятельного церковного прихода Метсяпиртти. Основная причина для этого, как отмечалось на церковном собрании прихожан, состоявшемся в церкви Метсяпиртти 27 июля 1871 г., заключалась в том, что для малоимущих жителей данного района поездки в церковь Саккола были слишком долгими и дорогостоящими. Однако жители левобережной части района стали высказываться против этой идеи, так как для них было удобнее добираться до церкви Саккола по дороге вдоль северного берега Суванто, нежели ехать в церковь Метсяпиртти, всякий раз переправляясь через бурную реку Тайпалеенйоки. Высказывалось и такое предложение: если будет осуществлено образование самостоятельной волости Метсяпиртти, левобережные территории следует оставить в составе Саккола. 8-го января 1879 года в церкви Саккола состоялось собрание прихожан, на котором были заслушаны мнения представителей деревень района Метсяпиртти относительно вынесенного ранее, 22 сентября 1878 года, решения оставить эти деревни за капелланским приходом Метсяпиртти. Против выступили только представители деревень Коукунниemi, Теренттиля, Тайпале и Рааю, и на собрании прихожан, состоявшемся 23 марта 1879 г., исполняющий обязанности капеллана Юлиус Селим Тойкка был выбран в качестве ответственного лица, которому поручили заниматься разъяснениями по протестам и жалобам. Из священнослужителей прихода Саккола за отделение Метсяпиртти выступал только пробст Петтер Адольф Ашан.

4 мая 1884 г. на собрании в церкви Метсяпиртти пастор Адольф Хаккарайнен зачитал решение Сената, в котором говорилось, что образование самостоятельной церковной общины пока что является делом преждевременным. Однако через пять лет вопрос этот снова был поднят — исполняющий обязанности настоятеля прихода Саккола Адольф Аларик Неовиус*, присутствовавший на собрании прихожан в Метсяпиртти 28 июля 1889 года, объявил о том, что к приходу местной часовни (капелланскому приходу) относятся те деревни, которые расположены на территории района Метсяпиртти, что прошедших обряд причастия дворохозяев насчитывается здесь 1525 человек, безземельных — 639 человек и что общая численность местного населения составляет около 4000 человек.

Лишь 12 июля 1894 года Сенат утвердил решение, согласно которому деревни района Метсяпиртти подлежали выделению в самостоятельный «императорский церковный приход». Таким образом, длившиеся на протяжении 20 лет споры и тяжбы по поводу отделения прихода закончились официальным его признанием.

Однако прошло еще 9 лет, прежде чем практические мероприятия, связанные с отделением, завершились, и новый приход полностью оформился только к 1903 году. Первое собрание его прихожан с избранием церковного совета состоялось 17-го мая 1903 года. Членами церковного совета первого состава стали: крестьяне Аапро Коркка (дер. Суниккала), Альберт Жатакка (дер. Мартинкорхола), Йоосеппи Лаулайнен (дер. Тайпале) и Юхо Ламппу (дер. Рааю), и купцы Юхо Ахтиайнен (дер. Сааройнен) и Хейкки Мюёхянен (дер. Косела).

С отделением района Метсяпиртти от волости Саккола наряду с церковными органами, игравшими большую роль в жизни финляндского общества и во многих случаях выполнявшими государственные функции, постепенно формировалась и система волостного муниципального самоуправления, причем муниципальные и церковные органы взаимно дополняли друг друга. Волостной (муниципальный) комитет сформировался примерно в 1903 году, однако более подробная ин-

* Этот человек известен больше как историк-этнограф и собиратель народных сказаний; его большая заслуга состоит в том, что он написал большое количество древних карельских преданий, которые напела ему великая ингерманландско-карельская народная сказительница Ларин Параске.



Илл. 24. Банкноты Великого княжества Финляндского, бывшие в обращении в последние годы пребывания Финляндии под короной России.

формация о нем и его работе в начальный период отсутствует, поскольку его архив, хранившийся в доме главы волостного комитета (правления) Йоосеппи Ээва, сгорел в 1922 году во время пожара. В те годы волостной совет не имел еще своего помещения, и документацию председатель хранил у себя. Кроме того, часть архива за более поздний период пропала в период Зимней войны, и данные по муниципальному управлению волостью Метсяпиртти приводятся авторами упоминавшегося выше основного источника на основании сведений из Главного статистического бюро которые лишь частично восполняют утраченные данные.

Известно, например, что первым главой муниципального волостного комитета — во всяком случае, до 1917 года — был купец Хейкки Мюёхянен. По сведениям, полученным от Симо Суси, портного из Метсяпиртти, оклад председателя составлял в те годы (т.е. еще в царские времена) 500 финских марок в год, а членами первого волостного комитета были Симо Хямяляйнен из деревни Таппари, Аапро Хатакка (дер. Хатаккала), Яакко Корскиваара (дер. Васкела) и Симо Укконен (дер. Кирвесмяки). В 1917 году главой волостного комитета стал Альберт Хатакка из Мартинкорхола.

До конца 1917 года высшим органом местного самоуправления волостного уровня было волостное собрание, т.е. собрание местных жителей, имеющих право голоса. Председательствовал на нём учитель из приходско-волостного центра Метсяпиртти Ээро Тойвио. За исполнение обязанностей по этой выборной должности он получал 150 марок ежегодно. После его смерти в 1917 году этот пост занял учитель Туомас Тойвиайнен из дер. Теренттиля. На волостном собрании решения принимались путем голосования, причем один человек мог иметь не один, а несколько голосов (их число определялось размером выплачиваемых им налоговых отчислений со своих доходов).

Однако в конце 1917 года финляндский Сейм принял новый закон о муниципальных органах местного самоуправления, который упразднял волостные собрания, и решение вопросов местного самоуправления отныне передавалось в ведение совета волостных уполномоченных (куннанвалтуусто), состав которого поначалу избирался сроком на 1 год, а впоследствии — на 3 года. В совете волостных уполномоченных Метсяпиртти было 17 членов.

В начальный период существования самостоятельной волости Метсяпиртти ее руководству пришлось решать массу вопросов, свя-

инных с разделом общего с волостью Саккола имущества, прежде всего недвижимого, а также с распределением обязанностей по оплате расходов на строительные работы и по налоговым отчислениям. Для этого создали совместную с представителями от волости Саккола комиссию, в которой интересы Метсяпиртти представляли глава волостного комитета Хейкки Мюёхянен, председатель волостного собрания Ээро Тойвио и дворохозяин Хейкки Хатакка. Так, решение суда решено было оставить в совместной собственности обеих волостей. А что касается затрат на строительство и содержание зданий народных школ, волость Саккола взяла на себя обязательство выплатить волости Метсяпиртти компенсацию, поскольку в волости Саккола до раздела было построено 4 народные школы, а в Метсяпиртти — одна.

Экономическое развитие новой волости предполагало получение финансовой помощи в виде займов из государственной казны. Так, в 1907 году волостной комитет взял заем в 15 000 марок для выдачи крестьянам 2-процентных ссуд в размере до 400 марок на развитие земледелия. В 1910 году общая сумма займов, полученных волостью, составляла 24 000 марок. В 1912 году был получен заем (15 000 марок) из Фонда строительства церковных усадеб. В 1917 году Центральным акционерным банком, представлявшим Ассоциацию сберегательных банков, было выделено в порядке займа 60 000 марок, а еще через три года — еще одна такая же сумма.

12 июля 1922 года министерство сельского хозяйства уже независимой Финляндии выделило из недавно созданного Фонда содействия развитию сельского хозяйства для волости Метсяпиртти заем в 100 000 марок. 9 декабря 1927 г. Фонд строительства церковных усадеб выделил волости 85 000 марок, а 9 февраля 1928 г. — 125 000 марок под 8% годовых.

30 ноября 1928 года министерство сельского хозяйства предоставило волости заем в 75 200 марок на расчистку и освоение новых сельхозугодий на залежных землях. 25 апреля 1929 года волость получила от министерства сельского хозяйства 250 000 марок (из запрошенных 350 000) на закупки семенного зерна и семенного картофеля.

Естественно, взятые в долг средства создавали определенную задолженность волости перед государством: в 1910 году ее

размер составлял 37 500 марок (в тогдашней валюте Великого княжества), в 1930 г. — 1 110 000 марок, а к 1939 году задолженность уменьшилась до 884 600 марок. В связи с тем, что финансово-экономическое положение в стране несколько улучшилось по сравнению с ситуацией 1920-х годов и местные муниципалитеты благодаря этому имели возможность постепенно погашать задолженности, а в Метсаяпиртти, как и в других районах Финляндии, строились новые объекты недвижимости, вышеприведенная сумма долга являлась не очень существенной.

Сумма доходов на 1938 год составила 1 422 700, а расходов — 1 411 900 марок. Доходы от налоговых поступлений составили 616 100 марок. К концу отчетного периода финансовые накопления равнялись 3 178 700, а долги — 884 600 маркам¹³.

Народные школы

Народные школы поначалу создавались как местные муниципальные учреждения, которые открывались и содержались волостными органами власти. Однако еще до основания постоянных школьных учреждений низшего звена заботу о распространении грамотности среди населения взяли на себя местные церковные приходы, которые нанимали за плату учителей и организовывали т.н. разъездные школы (киертокоулу): учитель приезжал поочередно в разные деревни и обучал там крестьянских детей чтению и письму.

Кроме того, духовенство создавало т.н. конфирмационные школы (риппикоулу), посещение которых со сдачей экзаменов на знание катехизиса, церковной истории и основных положений закона Божьего было обязательным условием как для прохождения обряда церковного причастия, так и для вступления в брак. В Саккола вопрос об организации школьного обучения впервые был поднят в 1757 году на одном из церковных собраний прихожан. Стать разъездным учителем предложили приходскому кантору¹⁴, однако предложение это тут же отвергли, когда выяснилось, что дочь кантора даже не умеет читать по складам. В конце концов вопрос разрешился в начале XIX века. В 1822—1862 годах разъездным учителем был Юрьё Кело, а после его смерти эту должность занял его сын Юхана Кело, который, однако, сам через два года скоропостижно скончался. После него в разъездной школе в течение 30 лет учительствовал Элиас Ламппу.



Илл. 25. Народная школа церковной деревни Метсяпиртти. На перемене. 1921 год.

Первая постоянная народная школа в Саккола открылась в 1874 году, а в 1894 году церковный приход постановил, что дети, не посещающие народную школу, для сдачи экзамена в конфирмационной должны были ежегодно присутствовать на уроках в разъездной школе в течение не менее 3-х недель. За соблюдением прихожанами этого нового правила неустанно следил пастор¹⁵ О. Бергстрём, сменивший впоследствии фамилию на Вуоривирта.

9 ноября 1889 года на церковном собрании прихожан Метсяпиртти было рассмотрено предложение местного церковного совета о создании в районе своей разъездной школы и об учреждении должности ее учителя. Церковный совет предложил назначить ему жалование в размере 60 рублей в год, но это не получило поддержку со стороны прихожан, опасавшихся, что на них ляжет бремя дополнительных расходов. Однако через несколько лет разъездная школа в Метсяпиртти все же была создана, первым ее учителем стала Анна Йоронен. В 1905 году создали еще одну разъездную школу, первым учителем в которой стал кантор Тахво Куоппа с назначением ему жалования в размере 400 марок в год.

Разъездная школа в течение 3 недель работала в одном школьном округе, а затем переводилась в другой. Согласно положению,

принятому в 1916 году, один учитель обязан был отработать в школе в общей сложности 36 недель. Кроме того, начиная с указанного года, обязательная учебная программа существенно расширялась: помимо чтения по складам и заучивания наизусть (входивших ранее), в нее вводились такие предметы, как библейская история, катехизис, церковное пение, христианское учение, основы правописания, арифметика, география Финляндии, география Палестины, основные события церковной истории. Учебные пособия для занятий и учебные часы определялись духовенством по согласованию с учителями.

Со временем, когда уже стали создаваться постоянно действующие народные школы, разъездные школы для крестьянских детей постепенно стали утрачивать свое значение и закрываться.

В Метсаяпиртти своя постоянная народная школа начала работать в 1884 году, то есть через 10 лет после открытия первой народной школы в Саккола. Решение об этом было принято на состоявшемся 19 сентября 1880 года в церкви Метсаяпиртти собрании прихожан, на котором избрали руководство по организации подготовительных мероприятий, в состав которого вошли Абрам Коркка (дер. Суниккала), Пааво Ээва (дер. Косела), Мартти Туокко (дер. Метсаяпиртти), Каапре Хюютиэ (дер. Малакки), Саломон Лаулайнен (дер. Тайпале) и Симо Паксу (дер. Рааю). Через месяц, однако, вместо Каапре Хюютиэ был выбран Адам Хямялайнен (дер. Сааройнен).

Стройматериалы для здания школы, открывшей двери для своих первых учеников осенью 1884 года, доставлялись из деревни Сааройнен: в строительстве использовались бревна и другие материалы, полученные при разборке главного здания бывшей помещичьей усадьбы. Помимо функционировавшей в 1922–1939 гг. разъездной народной школы для обучения грамоте детей из Косела, Теренттиля и Тайпале, были открыты народные школы в Сааройнен (1907 г.), Теренттиля (1909 г.), Йознтака (1921 г.), Рааю (1922 г., для детей из деревень Рааю и Васкела) и Виисйоки (1930 г.).

Почта, телефон

Почтовое обслуживание Метсаяпиртти до 1919 года осуществлялось через почтовую контору Саккола, а затем, с 1919 г., через почтовую контору Рауту. Первым заведующим почтовой конторой в Сакко-

ла, по данным за 1883 год, была Хилма Континен. В Метсаяпиртти в первое десятилетие XX века обработкой почтовых отправлений ведал учитель Ээро Тойвио, затем с 1909 г. по 1919 г. — кантор Эмил Корхонен, в 1921—1922 гг. — Тахво Хатакка. В дальнейшем в Метсаяпиртти создали свое почтовое отделение, функционировавшее сначала в Доме приезжих (небольшой местной гостинице), расположенном в самой деревне Метсаяпиртти, потом в здании народной школы, и им заведовал учитель Вяйне Месканен, а затем почта разместилась в доме Аапро и Мартти Пауссу, где ею заведовал Аапро Пауссу.

В начале XX века почту из Саккола в Метсаяпиртти привозили на лошадях 3 раза в неделю. В конце 30-х годов, когда почту доставляли уже через Рауту, ее привозили уже 6 раз в неделю. Однако в отдаленные уголки волости, расположенные вблизи советской границы, корреспонденции из приходско-волостного центра привозили всего 3 раза в неделю. Маршрут доставки проходил от деревни Метсаяпиртти через хутора Хатаканмяки (горка Хатакка), Паукунмяки (горка Паукку), деревни Малакки, Йознтака, Виисйоки, Сааройнен и заканчивался в Таппари. А те населенные пункты, которые находились на левом берегу р. Тайпалеенйоки, обслуживались, как и раньше, почтовой конторой волости Саккола.

В предыдущей нашей книге, рассказывающей о волостях Муолаа и Эюряпяя в центральной части Карельского перешейка, приведены некоторые сведения о развитии телефонной связи в указанных районах. К сожалению, в используемой как основной источник книге «Метсаяпиртти», а также в книге «История Саккола» их составители не представили практически никакой информации о процессе обеспечения этих волостей телефонной связью, поэтому по Метсаяпиртти приводятся лишь довольно скудные данные по состоянию на 1938—1939 годы, взятые из телефонного справочника по Выборгской губернии¹⁶. Согласно им, перед началом Зимней войны на всю

METSÄPIRTTI

7—21.

»valtion»

Ala-Vuoksen Osuusliike i.l., Saaroinen ..	3
Ala-Vuoksen Osuusliike i.l., Metsäpirtti ..	24
Eeva, Simo, liikemies ..	11
Koskenvuo, K. A., apteekkari ..	17
Kunnan Säästöpankki ..	23
Kunnantoimisto ..	7
Leimola, Eino, kauppias ..	9
Metsäpirtin Osuuskauppa ..	6
— Varasto ..	12
— Joentaan myymälä ..	15
— Saaroisten myymälä ..	22
Myöhänen, veljekset, kauppias ..	2
Peltonen, Johannes, maanvilj.	4
Peltonen, Mikko, kamreeri ..	5
Silventoinen, Eino, kunnanlaakävi ..	18
Suojeuskunta, Harjoitustalo ..	14
Tikka, Vilho, opettaja ..	21

Илл. 26. Абоненты телефонной сети волости Метсаяпиртти (фотография, сделанная со страницы вышеуказанного телефонного справочника по Выборгской губернии).

волость Метсаяпиртти, территория которой составляла 187 км², а численность населения — 5162 человека¹⁷, приходилось всего 17 абонентских номеров, связь с которыми осуществлялась в те годы через телефонный коммутатор. Из них четырьмя номерами располагала кооперативная торговая сеть Метсаяпиртти, в которую входил головной магазин и склад, а также торговые точки в деревнях Йознтака и Сааройнен. Два номера имели местные филиалы торговой сети «Ала-Вуоксен Осууслийке» («Нижневуоксинская кооперативная торговая сеть») в Метсаяпиртти и Сааройнен. Телефон был, разумеется, в волостной канцелярии (куннантоймисто), в Доме шюцкора и в аптеке. Из фермеров телефон (с абонентским номером «4») имел только Йоханнес Пелтонен — видимо, и средства позволяли, и необходимость была. Был телефон также и у учителя Вилхо Тикка. Среди прочих абонентов в справочнике значатся «коммерсант», «купец», «волостной врач», «заведующий бухгалтерией» и другие.

Хозяйственная жизнь

Период помещичьего землевладения наложил свой существенный отпечаток на экономику края, и более или менее заметный прогресс в его хозяйственном развитии стал отмечаться только со второй половины XIX века, однако крестьяне еще долго использовали в своих хозяйствах деревянные плуги и бороны-суковатки. Как и в некоторых других районах Выборгской губернии, в Метсаяпиртти все еще продолжали применять подсечно-огневой способ земледелия. Многие крестьяне, чтобы прокормить семьи, занимались отхожим промыслом, т.е. уезжали на заработки, прежде всего в Санкт-Петербург. Туда возили на продажу сено, рыбу, молоко, масло, мясо, новогодние елки, метлы и т.д., а обратно везли муку, крупу и другие магазинные продукты, хозяйственные инструменты и другие предметы, необходимые в хозяйстве. Некоторые нанимались на сельхозработы и на извозный промысел в приграничную Северную Ингерманландию. Извозчики, особенно в зимнее время, требовались и в столице империи, особенно на масленицу, когда по льду Невы носились на бешеной скорости на своих санях «чухонцы», катая раскрасневшихся подвыпивших городских господ.

Согласно приводимой финскими исследователями статистике, в 1910 году пахотных земель в Метсаяпиртти было 1741 гектар, пастбищных лугов 1172 гектара, а также 15 808 га лесных и залежных угодий.

Однако после революции в России и образования независимой Финляндской Республики граница закрылась, и местным жителям, которые до этого ездили на заработки в Россию, пришлось начинать поиск средств к существованию в родных краях. Некоторые крестьяне уходили в лесозаготовительные артели или нанимались перевозить грузы, поскольку делимые между родственниками при наследовании земельные участки, как правило, не могли служить источником достаточных доходов, а лесорубы и возчики требовались в волостях Валькярви, Пюхьярви и Ряйсяля. Кроме того, в Метсаяпиртти во все времена был широко развит рыболовный промысел, и это занятие во многих семьях по традиции переходило от отца к сыну.

В результате закрытия границы с Советской Россией, когда крестьяне уже не имели возможности ездить на заработки в Петроград, посевные площади в Метсаяпиртти значительно увеличились — на 1056 гектаров за счет распахивания лугов (108 га) и в результате вырубки и раскорчевки лесных угодий (948 га).

Общая площадь пахотных земель составила, таким образом, 2797 га. С 1920 года государство начало выплачивать крестьянам денежные компенсации на разработку целины и лугов под пахотные угодья. К 1929 году эти площади составляли уже 4489 га. Под сады и огороды было занято 8 га, под покосы — 365 га, под пастбища — 274 га, под естественные пастбища — 274 га. В 1939 году перед началом советско-финляндской войны обрабатываемых сельхозугодий было в Метсаяпиртти почти 6000 га, что составляло примерно 30% всей площади территории волости.

Основными посевными культурами в Метсаяпиртти были овес и рожь. Пшеницу начали сеять только после установления независимости страны. Распространено было и картофелеводство, причем посадки увеличивались из года в год: к 1920 году площади, занятые под картофель, увеличились вдвое в сравнении с 1910 годом. В конце 1930-х годов стали разводить сахарную свеклу, поскольку в Антреа [ныне район поселка Каменногорск] открылся завод по производству сахара-сырца.

Распространение знаний по совершенствованию ведения сельского хозяйства — большую роль здесь играли специалисты местного

сельскохозяйственного общества «Мааталоуделлинен Раясеутуйминта» («Ведение сельского хозяйства в приграничье») — способствовало появлению все более прогрессивных форм обработки сельхозугодий. В 1920-х годах, когда постепенно стало внедряться скрытое дренирование почв, в Метсаяпиртти с помощью проложенных под землей дренажных трубопроводов осушили 51 гектар пахотных угодий, из них 22 гектара с использованием элементов из обожженной глины, 2 гектара — дощатыми водоотводами, 11 гектаров — водоотводами каменной кладки.

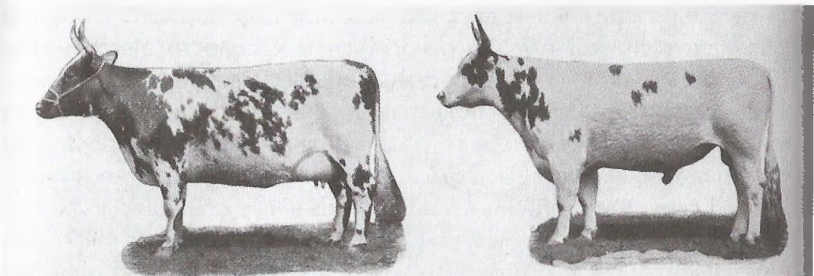
Деревянные плуги и бороны-суковатки постепенно вытеснялись оборотными плугами и более совершенными боронами. В волости одна за другой появлялись сенокосилки, конные грабли и конно-приводные молотилки. В 1910 г. в волости было 62 косилки. Для полевых работ закупались жнейки и сеялки. Согласно статистике, в 1929 году в волости имелось 3 трактора, 48 молотилок, 14 топливных двигателей и 2 электромотора.

В 1910 году в Метсаяпиртти насчитывалось в общей сложности 1710 голов крупного рогатого скота, из которых 1310 до двухлетнего возраста. В течение последующих десяти лет это поголовье увеличилось более чем на тысячу единиц.

Закрытие пути в Петроград, где до революции люди из Финляндии сбывали молочные и другие продукты животноводства, в первые годы финляндской независимости сильно ударило по местной экономике; теперь ближайший молокозавод находился в Выборге, куда возить молоко крестьянам было далеко и невыгодно. Однако уже в 1926 году в Метсаяпиртти был организован молочно-закупочный кооператив, приобретающий у крестьян молочные продукты и поставлявший оптом, три раза в неделю, сливки в Выборг на молокоперерабатывающий завод «Валио». Первое время сливки возили на санях и подводах на станцию Рауту, до которой от приходско-волостного центра Метсаяпиртти было 18 километров, и далее груз следовал в Выборг по железной дороге. В дальнейшем доставка осуществлялась уже непосредственно в Выборг на автомашине кооператива, при этом дорога занимала несколько часов — за это время сливки не успевали скисать. В зимнее время этот продукт поступал в кооператив примерно от 40—50 человек, поскольку за сливки, в связи с более продолжительной сохраняемостью, платили более высокую цену, нежели летом, когда и сдатчиков было, соответственно, почти вдвое меньше.



Илл. 27. Корова и бык, представители восточно-финляндской породы крупного рогатого скота.



Илл. 28. Корова и бык, представители айрширской породы крупного рогатого скота.

Следует также добавить, что на молокозавод сдавалась только небольшая часть сливок, так как крестьяне предпочитали самостоятельно сбивать и продавать масло, хотя доход от такого занятия был, конечно же, ниже. Эти трудности вызывали, в свою очередь, незаинтересованность крестьян в увеличении надоев и разведении высокопродуктивных пород крупного рогатого скота. Согласно статистике, в конце 1920-х годов надой от коров в Метсаяпиртти были самыми низкими по сравнению с другими волостями восточной части финляндской территории Карельского перешейка. В среднем от каждой коровы получали 1550—1560 кг молока в год. Производство домашнего масла в волости составляло примерно 65 тонн ежегодно.

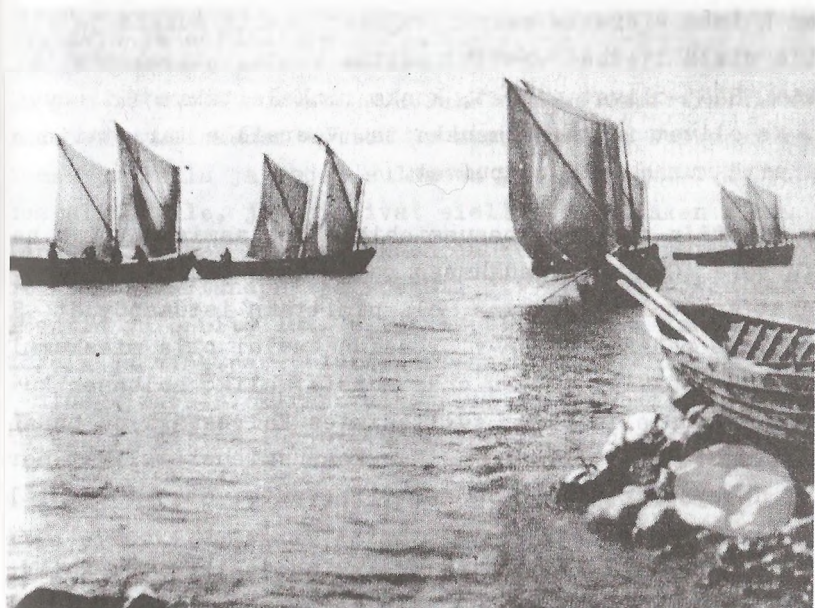
Но в дальнейшем все же стали приниматься меры по улучшению породы скота. В Косела создали племенное хозяйство, для которого в Вуоксенниска приобрели отличного племенного быка так называемой восточно-финляндской породы. Со временем такое же племенное хозяйство создали и в Васкела. При этом большую известность получил дворохозяин Абрам Хатакка, занимавшийся этой

работой и закупивший в области Северная Карелия чистопородных восточно-финляндских коров¹⁸. Скотина благородной айрширской породы была только в хозяйстве Симо Укконена в деревне Кирвесмяки.

Свиноводство было хорошо развито не только в волости Саккола, получившей в этом отношении широкую известность во всей Финляндии, но также в волостях Рауту и Метсяпиртти. В послевоенные годы бывшие жители волости Саккола, расселенные в основном в центральных районах нынешней Финляндии и создавшие общество памяти родных мест («Суванто—Сяятиэ» — «Фонд памяти края Суванто»), даже придумали для своего землячества довольно забавный герб с изображением двух веселых и резвых поросят. С полным правом этот символ мог бы относиться и к волости Метсяпиртти, долгое время входившей в состав Саккола. Свиноводство давало возможность с выгодой использовать остающееся после сбивания масла снятое молоко — обрат — для подкармливания поросят. По данным статистики, в 1929 году в волости Метсяпиртти насчитывалось 583 свиноматки. Данные, зафиксированные обществом «Мааталоуделлинен Раясеутуйминта», свидетельствуют, что в 1932 году из Метсяпиртти было отправлено на продажу 5200 поросят, цена же одного поросенка составляла тогда 150—200 марок. В октябре — ноябре 1939 года кооперативная торговая сеть Метсяпиртти поставила на скотобойню в Выборге более 1000 свиней.

Для сельхозработ и гужевых перевозок использовались лошади, которых в 1910 году насчитывалось 589, а в 1920 году — 749 голов. В дальнейшем отмечалось некоторое уменьшение конского поголовья, поскольку основное внимание стало уделяться разведению крупного рогатого скота.

Поскольку волость располагалась непосредственно у Ладожского озера, многие жители, в основном из деревень Таппари, Сааройнен, Марттина, Виисйоки, Лявякюля, Рантакюля, Нэусаари, Косела и Тайпале, профессионально занимались рыбной ловлей. Еще в царские времена прибрежные воды бороздили двухпарусные баркасы, на которых выходили в «море» — так местные жители называли Ладогу. В устье Тайпалеенйоки, когда по весне начинал сходить лед, вели лов корюшки, поднимавшейся в реку. Для лова использовали неводы и мережи. Рыбы иногда было так много, что одно судно доставляло улов, который вывозили подводами в несколько приемов. Далее ее подсушивали на крышах, а затем везли на продажу в



Илл. 29. Рыбачьи баркасы выходят в Ладогу из гавани Сааройнен.

Петербург, причем перед отправкой обливали горячей водой и, пересыпая солью для лучшей сохранности в дороге, укладывали в мешки.

Лов крупной рыбы (лосося и сига) вели сетями, начиная выходить в Ладогу на баркасах, когда на озере еще плавали льдины. На лосося забрасывали сети длиной 35–40 метров и высотой примерно 4 метра с размером ячейки приблизительно 6 см. Сети изготавливали из льняного шнура в три нити (16-го размера), иногда использовали — правда, реже — хлопчатобумажное сырье. Сети ставили рядами по 18–20 сетей — местные рыбаки так и называли эту систему — «рятью», т.е. «ряд». Глубина установки сетей задавалась при помощи привязываемых по нижнему краю концов нужной длины с камнями-грузилами. Верхние края удерживались в воде в вертикальном положении при помощи пробковых пластинок. Если сети в летний период использовались практически постоянно, то их обычно хватало всего лишь на два, реже на три сезона, поскольку мягкая вода разрыхляла их и делала негодными, хотя рыбаки и использовали такой способ продления срока службы сетей, как окуливание их ды-

мом. Весной применяли — главным образом для ловли гольца и сига — т.н. нитяной ряд, в котором в качестве основной нити использовался прочный хлопчатобумажный шнур, имеющий, как правило, темно-синюю окраску. На эту нить, длина которой могла составлять в общей сложности до 20—30 километров, ставились с интервалом в 10 м крючки с наживкой. В июле на эту снасть хорошо ловился судак.

Рыбачьи баркасы, на которых выходили в Ладожское озеро ловить крупную рыбу, имели более высокие борта по сравнению с плавсредствами рыбаков, которые вели лов в Финском и Ботническом заливах, поскольку на

Ладоге в ветреную погоду волна обычно более крутая. На таких баркасах устанавливали парусную мачту или две мачты — с кливером и гротом, как это делали еще в стародавние времена, однако в 20-х годах XX века стали появляться лодочные моторы, которыми члены рыболовецких артелей постепенно оснащали свои суда. Хотя использование мотора и требовало больших материальных затрат, нежели лов под парусами, тем не менее на моторном судне, в отличие от парусного, можно было выходить на воду и в безветренную погоду, и, кроме того, доставка улова в ледники осуществлялась гораздо быстрее.

Рыбаки Метсаяпиртти вели лов не только в своих прибрежных водах, но отваживались уходить и за несколько десятков километров — к острову Мантсинсаари (у северо-восточного берега Ладоги, относившегося до Зимней войны к волости Салми), и к расположенным юго-западнее острова Валаам островам Ялаянсаари, Воссинойнсаари, Хейнясенмаа и другим, куда рыба уходила с наступлением



Илл. 30. Умелый рыбак свое дело знает!

осени. В более теплое время рыбные косяки мигрировали к югу, за русскую границу — там финские рыбаки имели возможность совершенно свободно вести лов в царские времена. Однако с образованием Советской России и закрытием границы привычный уклад рыболовного промысла был нарушен, и потребовались дипломатические усилия на уровне министерства иностранных дел Финляндии, которое добилось от правительства СССР разрешения для рыбаков финляндского Приладжья вести лов в 40-километровой зоне советской приграничной акватории. Однако в конце 1930-х годов советские пограничники, выполняя указания, исходившие свыше, стали осуществлять под самыми различными предлогами массовые задержания финских рыбаков: для советской стороны важно было показать, что финны проводят шпионские операции, готовясь в дальнейшем перейти к открытым враждебным акциям. Эта была составная часть мероприятий по оказанию давления на политическое руководство Финляндии с целью вынудить его пойти на уступки тем советским предложениям, которые стали выдвигаться, начиная с 1938 года. Однако речь об этом будет идти ниже.

Рыболовный промысел таил массу опасностей, которым люди подвергали себя, уходя далеко от берега. Если на Ладоге начинало внезапно штормить, то лов мог закончиться трагически: баркасы переворачивались, и люди тонули в бушующих волнах. Записанные и дошедшие таким образом до нас рассказы бывших ладожских рыбаков, расселенных после войны в глубинных районах Финляндии, являются яркими свидетельствами беспомощности человека перед грозной стихией. Вот выдержка из размещенных на Интернет-сайте землячества волости Метсаяпиртти (www.metsapirtti.net) воспоминаний Пентти Ахтияйнена, которому в молодости доводилось ходить по Ладоге на парусном баркасе:

«Погода на Ладоге бывала иногда совершенно непредсказуемой, и не всегда помогали осторожность и спасательные средства. Спокойная поверхность моря в мгновение ока превращалась в бушующие волны, легкий ветерок — в яростный шторм. Да и зимой рыбак не мог спокойно заниматься своей работой. Берега открытые, островов, чтобы сдерживать движение ледяных масс, нет.

В одну из зим я занимался подледным ловом налима на донки. Как-то раз в середине зимы, в 1930-х годах, я отправился

по льду проверить свои снасти. Недалеко от берега у деревни Сааройнен на отмели, которую мы называли «Кивикко» (Камни), всегда было узкое разводье, которое мне пришлось преодолевать. Как оно себя ведет, мы хорошо знали. При сильных морозах полынья расширялась, что объяснялось, скорее всего, тем, что мороз сжимал ледовую поверхность на всей Ладоге. А вот в легкие морозы разводье было узким. Причем человек всегда мог спокойно перебраться через него. Когда весной льды начинали таять, от этой полыньи ветром обычно отрывало огромную льдину. Думаю, что на противоположном берегу, на русской стороне, имелось такое же разводье-«противовес».

Я уже успел проверить донки, как заметил, что с северо-западной стороны начал подниматься ветер — это всегда был недобрый признак. Северная часть Ладоги тогда не была подо льдом, да и, по всей видимости, центральная ее часть тоже не имела сплошного ледового покрытия до противоположного берега. Я поспешил к краю разводья и увидел, что оно уже расширилось примерно до метра. Я быстро перебросил на другую сторону пойманную рыбу, потом перепрыгнул сам и поспешил к дому.

На льду, конечно же, могли быть и другие рыбаки. Лишь бы они успели выбраться на берег, с надеждой в душе подумал я. Вот уже и вечер стал наступать. Жители деревни с тревогой на сердце ожидали их возвращения. Отправиться на помощь было невозможно, ибо все лодки находились далеко на берегу. Когда поутру начало светать, люди поспешили к Ладоге. Она вся так и ходила волнами. Потом мы узнали, что оттуда не вернулся рыбак Симо Пелтонен. У него осталось четверо детей. Из них трое его сыновей сейчас живут в городе Уусикаупунки.

В летнее время надо было только уметь справляться с парусами, однако иногда шторм все же заставлял врасплох; в грозную погоду на воде иногда возникали внезапные течения.

Однажды мы вышли в Ладогу на лодке втроем с Юхо Пелтоненом и парнем по фамилии Торикка. Мне тогда было лет 14—15. Погода стояла прекрасная. Однако через какое-то время на небосклоне стали собираться мрачные тучи, как часто случалось и раньше. Мы спешно начали собираться в обратный путь. Пройдя какое-то расстояние, мы увидели поднявшийся от воды в воздух высокий темный столб воды высотой метров десять —

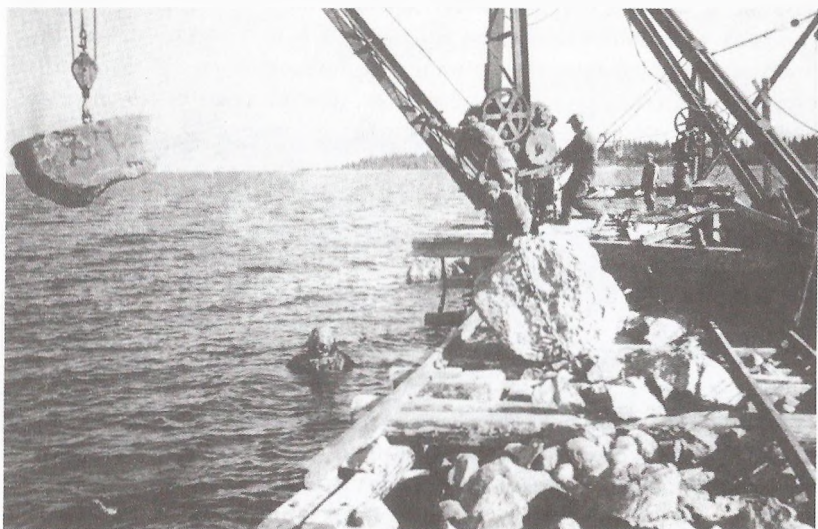


Илл. 31. Строительство рыбацкого баркаса.



Илл. 32. Спуск баркаса на воду.

это был смерч, поднятый быстро начавшимся штормом. Пришлось срочно спускать паруса. Торикка удивительно быстро вытащил мачту с малым парусом, что стояла в середине баркаса, и крикнул, чтобы я вычерпывал воду. Однако шторм уже бушевал вовсю, поэтому мы изо всех сил вцепились в борт, чтобы не



Илл. 33. Строительство волнолома Сааройнен – Саунасаари. Для проверки качества донной кладки использовали также водолазов.



Илл. 34. Строительство искусственной лодочной гавани у деревни Таппари.



Илл. 35. Волнолом Сааройнен летом 2003 года.

вывалиться. Кругом ревела вода. Юхо Пелтонен, сидящий на носу, молился и в ужасе кричал: «Мы тонем!»

Однако, к счастью, на этот раз все обошлось: шторм стал стихать. Лодка наша была полна воды, мы лежали в ней среди разбросанных как попало снастей, часть которых, конечно же, смыло за борт. Большая фок-мачта отломилась и вместе с парусом уплыла неведь куда. Небо начало быстро проясняться — и вот уже снова засветило солнце, шторма как будто и не было!

По весне, когда наступало тепло, да и в летнее время тоже, на Ладоге время от времени возникали сильные вихри. Как-то братья Лаулайнен из Тайпале и с ними Вяйнё Лопонен, племянник Алекси Мюёхянена, возвращались в родную гавань после проверки своих сетей. Было это 13-го июня 1934 года. Уже вечерело. Погода стояла отменная, по небу плыли кучевые облака, ветер был с юго-запада. Лодка их уже подошла к краю отмели Кивикко, что напротив Сааройнен, времени было около трех часов дня. Уже виднелся старый маяк на берегу. Но внезапно их настиг вихрь, вызванный сильным порывом ветра с юга. Паруса спустить не успели, и вихрь тут же опрокинул лодку. До берега оставалось где-то около трех километров.

Лодка вместе со всеми снастями перевернулась вверх дном. Лишь мальчик Вайнё Лопонен смог как-то продержаться на лодке в течение двух часов и дожидаться наконец-то спасателей, остальные утонули. Вайнё потом часто вспоминал, как один из братьев Лаулайнен, Ялмари, успел напоследок крикнуть: «Передай привет Хилье! Я ухожу в подводное царство Водяного!». Из утопленников впоследствии нашли только Ялмари, у которого осталось четверо детей. Самому же Ялмари и его брату тогда не было еще и 30 лет. Насколько помню, в 30-х годах, за тот период, когда я ходил рыбачить, из рыбаков Сааройнен и прилегающих деревень в Ладоге утонуло четырнадцать человек».

Но все же, несмотря на эти печальные случаи, жизнь продолжалась, и баркасы вновь выходили на лов, поскольку для многих жителей прибрежных районов Карельского перешейка, в том числе и Метсяпиртти, рыболовный промысел являлся основным источником средств к существованию. Кстати сказать, рыбацкие суда люди тоже строили сами или же нанимали для этого толковых мастеров.

В начале 1930-х годов, поскольку уже было немало случаев гибели людей на озере во время шторма, в том числе и из-за невозможности укрыться от волн вблизи от берега, официальные власти приняли решение о строительстве каменного волнолома у мыса Саунасаари, что напротив деревни Сааройнен. Проектом предусматривалось возведение уходящей в озеро от берега 560-метровой стенки из гранитных плит, с бутовым заполнением внутри сооружения. На конце волнолома установили маяк. Одновременно с возведением волнолома проводились дноуглубительные работы. На эти цели было выделено около 5,5 миллионов марок.

Глубину у конца волнолома довели до 8 метров, так что в этой гавани в случае шторма могли укрываться не только баркасы, но и более крупные суда. На средства из волостного бюджета к гавани Сааройнен была подведена новая дорога. Работы по строительству волнолома и обустройству гавани велись в период 1930—1934 годов, когда в Финляндии, как и в большинстве западных стран, свирепствовал экономический кризис, так что эта стройка многим предоставила рабочие места.

Небольших размеров стенку-волнолом — для укрытия от штормовой погоды прежде всего небольших рыбацких лодок — сложили и жители приграничной деревни Таппари. В качестве материала исполь-

зовались камни с прибрежной полосы. Волнолом этот начали строить в 1923 году всего в нескольких сотнях метров от советской границы.

Если говорить о промышленности, то она была представлена в Метсаяпиртти прежде всего мельницей «На проливе» (Салмен мюллю), которая находилась в деревне Косела и принадлежала братьям Мюёхянен. При мельнице имелись пилорама и небольшая электростанция, питавшая электроэнергией, помимо дер. Косела, и другие деревни волости через кооперативы потребителей электроэнергии Сааройнен, приходско-волостного центра, Хатаккала и Коукунниemi-Тайпале. Еще одну мельницу с пилорамой недалеко от своего дома построил на р. Виисйоки местный житель Тахво Пелтонен, однако это предприятие просуществовало недолго: после смерти владельца оно быстро обанкротилось.

В некоторых хозяйствах занимались кустарным производством домашней утвари — например, изготавливали на продажу деревянную посуду.

Были в волости Метсаяпиртти и свои финансовые учреждения. Первым по решению руководства волости в 1905 году был учрежден «Сберегательный банк Метсаяпиртти». В дальнейшем, в связи с растущей популярностью кооперативного движения и в целях упорядочения его финансирования, в волости создаются т.н. кооперативные кассы — в январе 1909 года в Сааройнен, а в августе 1924 года — в Васкела. Последняя с 1938 года стала называться «Кооперативная касса Метсаяпиртти».

Кроме того, в Метсаяпиртти в 1909 году создаётся «Общество земледельцев Метсаяпиртти», а перед самым началом первой мировой войны — местный филиал объединения «Мартта», общешведской женской ассоциации, занимавшейся выработкой рекомендаций для домохозяек по содержанию домашнего очага. В 1920 году создается «Рыболовецкое общество Метсаяпиртти». В Метсаяпиртти, Тайпале и Сааройнен учреждаются молодежные общества (клубы) для приобщения местной молодежи к культуре и искусству. Для распространения культурно-просветительских начинаний среди рабочих людей создается местное рабочее объединение. Для популяризации военных знаний и содействия делу обороны страны в Метсаяпиртти (равно как и по всей Финляндии) после обретения страной независимости создаются местные отделения военно-патриотических организаций «Шюцкор» и «Лотта Свард»¹⁹.

Метсяпиртти — район пограничный

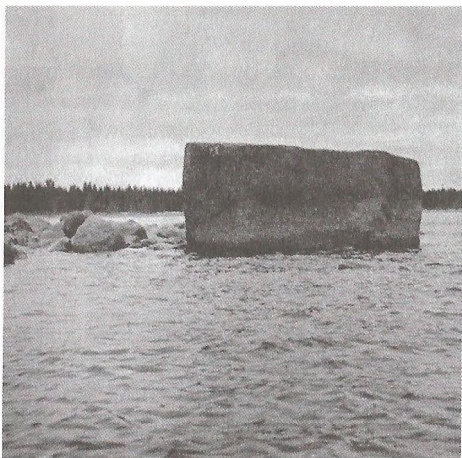
Первое обозначение межгосударственной границы у Метсяпиртти датируется 1609 годом, когда в соответствии с положениями Выборгского трактата Корельский уезд с г. Корела был передан в состав шведского королевства. Василий Шуйский пошел на эту территориальную уступку ради военного союза со Швецией против поляков. Граница сия носила чисто формальный характер и предназначалась прежде всего для разграничения экономических интересов двух государств. Каких-либо сложностей при переходе с территории одного государства на территорию другого практически не было. После включения, согласно Столбовскому мирному договору 1617 года, прибалтийских территорий в состав Швеции разграничительная линия на приладожском участке местности Карельского перешейка стала административной границей между двумя новыми провинциями шведского королевства — Кексгольмским и Ингерманландским ленами.

По окончании Северной войны бывшая линия русско-шведского рубежа 1609 года стала административной границей между Санкт-Петербургской (с 1704 по 1710 гг., она называлась Ингерманландской) и Выборгской губерниями. А с 1811 года, после образования автономного Великого княжества Финляндского, этот рубеж считался линией административно-территориального разграничения между метрополией и автономным княжеством. В дальнейшем, с учетом законодательных различий и расширением прав автономии (особенно после введения в 1860 году в обращение финляндской марки), эта граница стала таможенным рубежом, и следующие через нее лица подвергались таможенному досмотру. На Карельском перешейке таможенные посты были учреждены в следующих пунктах: Тююне (Дюны) — Сестрорецк, Раяйоки — Валкеасаари (Белоостров), Яппинен — Майнила, Тонтери — Кальяала (Каллелово), Термола (Термоллово), Ристикиви («Крестовый камень»), Липола — Кирьясало, Раасули — Коркеамяки, Сиркиянсаари — Коронсаари и Таппари. Последний из вышеперечисленных пунктов таможенного контроля — Таппари — относился уже непосредственно к территории района Метсяпиртти, связанного с Россией (Северной Ингерманландией) единственной дорогой, которая шла от Таппари вдоль ладожского побережья через большую ингерманлан-

дскую деревню Мииккулай-си (этот пункт, расположенный ныне на территории Ржевского полигона, на современных российских картах значится как «Никулясы») в сторону Вуолее — Матокси. В старые доброй памяти царские времена местные жители из Метсяпиртти беспрепятственно, пройдя таможенный досмотр, везли свою сельхозпродукцию на рынки Санкт-Петербурга, либо же в ближайшие к границе ингерманландские деревни, а выходцы из приграничных населенных пунктов Северной Ингерманландии

приезжали в Метсяпиртти наниматься в работники к местным дворохозяевам, приходили туда покупать скотину. Многие жители Метсяпиртти имели по другую сторону границы родственников, поскольку браки с юношами и девушками из североингерманландских селений были не такими уж и редкими.

Однако в 1917 году ситуация стала резко меняться. По обе стороны границы все сильнее ощущалась растущая напряженность, обусловленная приближением революции в России. На территории волости Метсяпиртти в целях недопущения распространения здесь анархии и беспорядков, угроза которых становилась все более реальной по мере углубления кризиса власти в Российской империи, была создана местная организация самообороны и поддержания общественного порядка — суойелускунта или «корпус охраны». Датой основания «корпуса охраны» (шюцкора) в Метсяпиртти принято считать 20 сентября 1917 года — в этот день вернувшийся накануне из Германии егерь²⁰ Антти Хайконен провел первое занятие по военной подготовке для 200 человек, пожелавших вступить в местный «корпус охраны». Волостным начальником шюцкора стал учитель Каарло Сихво, а его заместителем — Сантери Вискари. 28-го января 1918 года в Финляндии в газете



Илл. 36. Межевой знак Столбовской границы — Вороний камень (по-фински — Варискиви) на восточном берегу Ладожского озера. Снимок 1930-х годов.



Илл. 37. Хейкки Херман Кальюнен (род. в 1893 году в г. Сортавала) на Карельском перешейке в период гражданской войны в Финляндии.

«Тюёмиес» («Рабочий») был опубликован приказ Рабочего Исполнительного комитета о введении в стране «революционного военного положения». Фактически это означало начало гражданской войны. В восточной части Карельского перешейка вдоль железнодорожной линии Рауту—Пюхьярви активизировал свою деятельность отряд финских красногвардейцев под командованием Хейкки Кальюнена, известного своей беспощадностью по отношению не только к членам шюцкора, но и ко всем, кто не собирался примкнуть к красным. Х. Кальюнен начал проводить свои рейды еще в декабре 1917 г. — начале января 1918 года. На территории самой волости Метсъяпиртти боевых действий между белыми и красными как таковых не было, однако отряд шюцкоровцев из Метсъяпиртти, со-

стоявший из 40 человек под командованием Каарло Сихво, участвовал совместно с отрядом шюцкора волости Саккола в попытке блокировать у железнодорожной станции Саккола (ныне это станция Громова) продвижение отряда Кальюнена по железной дороге от станции Рауту на север. Попытка эта оказалась неудачной, поскольку шюцкоровцы были плохо вооружены (например, в отряде, пришедшем из Метсъяпиртти, было всего 6 винтовок). В дальнейшем, когда уже сформировался фронт и начались серьезные бои, в них приняли участие и выходцы из Метсъяпиртти — кто на стороне белых, кто на стороне красных. Участвовали они главным образом в сражениях у станций Антреа и Рауту.

Недалеко от Метсъяпиртти по ту сторону границы находился примыкавший к финляндской волости Рауту район Кирьясало, известный как центр начатого в 1919 г. антибольшевистского восстания на территории Северной Ингерманландии. Собственно, активные действия против большевистских войск осуществлялись фактически с тер-

ритории Финляндии, куда бежавшие из Северной Ингерманландии люди, преимущественно финны по происхождению, недовольные насильственными мероприятиями Советской власти (конфискация части имущества, мобилизация в Красную Армию, произвол местных представителей новой власти²¹), начали уходить еще в 1918 году, многие из них вступили в вооруженное формирование, преобразованное затем в 1-й Североингерманландский полк. Этот полк, командование которым принял подполковник Георг (Ирьё) Эльфвенгрен, ранее служивший в русской царской армии, а затем (в 1918 г.) командовавший белым фронтом в Рауту, занимавший должности командира полка, начальника Терийокской комендатуры, командовавший Выборгским и пограничным округами шюцкора (1918—1919 гг.), предпринял наступление в направлении станции Лемболово, причем часть сил была перебросена к Ладоге, где отряд численностью в 34 человека наступал из Метсаяпиртти на деревню Мииккулайси (Мииккулайнен), и к вечеру 28 июля 1918 г. относившиеся к Мииккулайси Верхняя деревня и Нижняя деревня, а также Йознсуу, т.е. поселок в устье р. Авлога (Аулокка) были им взяты. В районе Мииккулайси было до 170 человек красных войск, при приближении белого отряда они частью разбежались, а частью сдались в плен (поэтому есть основания полагать, что отряд, шедший из Метсаяпиртти, был все же более крупным). По некоторым данным, в Мииккулайси белые творили погромы и расстрелы местных жителей, заподозренных в сочувствии к красным, деревня же была фактически уничтожена.

После заключения в 1920 г. Тартуского мирного договора положение на границе стало относительно стабильным. В 1923 г в СССР были выработаны новые правила, касающиеся возвращения беженцев к своим очагам в Северной Ингерманландии. Помимо ранее существовавшего официального пункта пропуска в Раяйоки (напротив Белоострова — Валкеасаари), на финской стороне были открыты также пункты в Раасули и Таппари. Пропуск осуществлялся группами, насчитывавшими иногда до сотни человек и более. Люди шли со своим домашним скarbом и скотиной. Однако — по данным известного петербургского исследователя этнической истории ингерманландских финнов А.В. Крюкова — из прежних жителей в Мииккулайси вернулось не более 50—60 %, остальные же остались в Финляндии. Деревня была заново отстроена, и, согласно переписи 1926 года, в Верхней деревне (включая Соkelово) к тому времени было 134 дома, в Нижней — 137. Кроме того,



Илл. 38. Финский пограничник у места впадения в Ладогу ручья Раяоя. Фото 1930-х годов.



Илл. 39. Финский пограничный патруль Метсаяркти. Общеармейский мундир образца 1922 г., головной убор - пограничная фуражка.

в расположенных поблизости деревнях Салокюля и Тозероно насчитывалось соответственно 11 и 18 домов.

Через леса севернее Мииккулайси к границе вели несколько прорубленных, по всей видимости, еще в царские времена, просек. На болоте Лумисуо — согласно данным, полученным А.В. Крюковым от ингерманландских финнов, которые в 1920—1930 гг. жили в Мииккулайси и в прилегающих районах — было место нелегальной контрабандной торговли с границей (напр., торговали скотом и предметами домашнего обихода). Возникло это торжище, по всей видимости, еще до революции, но люди ходили туда купить или продать что-нибудь и в 1920-е годы.

Нынешняя жительница поселка Пери Лидия Максимовна Поличихина (родилась в 1933 г. в пос. Харпала (Гарболово) в Северной Ингерманландии) рассказала, что ее дед, Николаев Николай Николаевич (фамилия, имя и отчество русские, поскольку был взят на воспитание из сиротского приюта в финскую семью — так, во всяком случае, бывало в царские времена, когда русских сирот брали в

финские семьи), часто бывал на том «базаре», где крестьяне из соседней финской волости Метсяпиртти продавали муку, коров, овец. Дед, к примеру, однажды купил гармошку. А как-то раз (было это уже после революции, когда советские власти стали постепенно ужесточать пограничный режим) купил он там корову, с которой направился домой. Был он без одной ноги, поскольку потерял ее еще на русско-японской войне, и поэтому ходил на деревяшке. На пути встретились пограничники, и дед убежал от них по лесу — на одной ноге, да еще с коровой, но в конце концов все же благополучно добрался до дома в деревне Путкела (на нынешних картах — Путкелово).

Вот как описывает бывший житель волости Метсяпиртти Й. Хямляйнен приграничную местность в своей волости и по ту сторону границы:

«В отличие от других приграничных волостей, участок Метсяпиртти не имел естественных рубежей — рек или озер, которые могли бы разделять два государства. Особенностью местных условий являлось и то, что по другую сторону границы до ближайшего населенного пункта было более 10 километров глухих лесов. У самой границы там находились лишь дом Пааво Паавилайнена и служебный дом лесника, ведавшего этими обширными и безлюдными лесными угодьями²².

На берегу Ладоги, в нескольких десятках метров от береговой линии, возвышалась над поверхностью воды вершина большого камня, который считался пограничным. У этого камня в Ладогу впадал, исчезая под береговым валом, небольшой ручей Раяоя, по которому и шла граница. По весне этот медленно текущий ручеек сбрасывал в прозрачные водные объятия «Карельского моря» воду, поступающую с болота Лумисуо, причем вода эта бывала иногда довольно мутной. У дома Паяри пограничная линия покидала этот извилистый, во многих местах окаймленный кустарником, ручей и шла через леса и болота более или менее по прямой; на каждом мало-мальски выделяющемся её изгибе стоял выложенный из камней пограничный знак с порядковым номером. Напротив дома Паяри был знак № 1, у роуци Хуутокангас — знак № 10 и т.д.

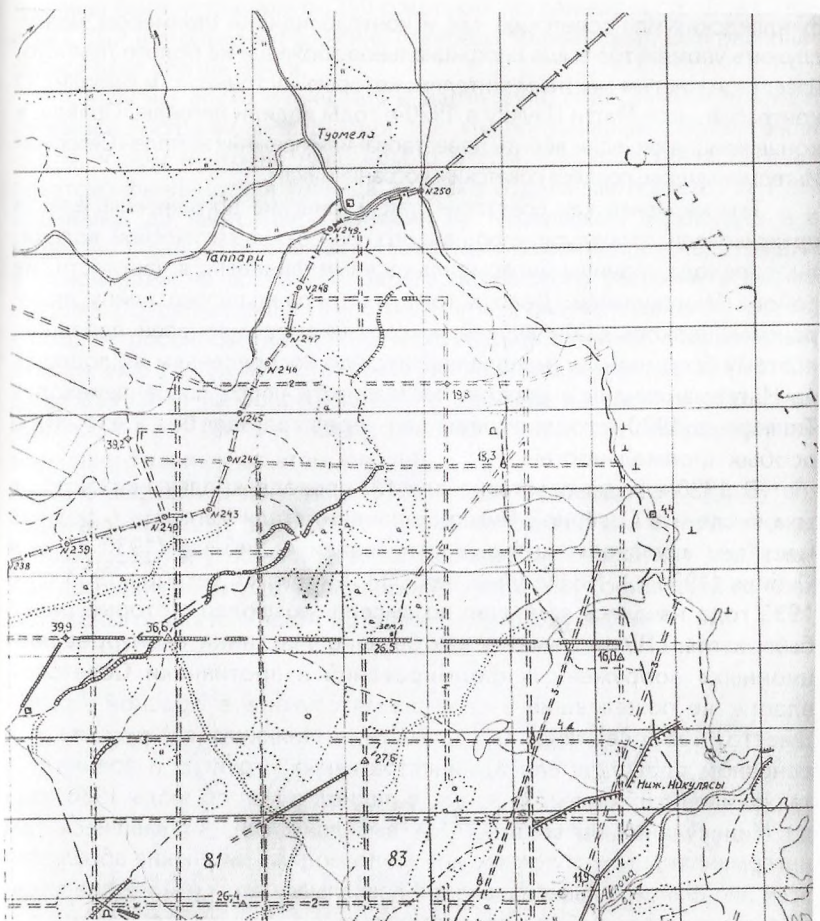
В первые годы XX века у границы, на берегу Ладоги, стояли жилища двух рыбацких семей. Вблизи от берега, рядом с таможней Таппари, находились домики двух инспекторов тамож-

ни. У дороги, идущей вдоль пограничного ручья Раяоя и сворачивающей затем в сторону Мииккулайси, находился дом наследников Каарле Хямяляйнена. Других жителей, если не считать хозяйства Паяри, на границе не было.

После проведения генерального межевания приграничные леса и заливной луг Аланийттю перешли во владение жителей деревни Виисйоки. Лугами и лесными участками на возвышенности Лей-масаари также стали владеть крестьяне из Виисйоки. Затем шли приграничные участки, которыми владели дворохозяева из деревень Паукунмяки и Сааройнен. На этих отдаленных землях поселились несколько семей арендаторов-торпарей. Одним из таких поселенцев был бывший унтер-офицер финляндского войска Мартти Кииски, который прославился в округе как знаменитый охотник на медведя и лося в этих глухих краях. Рядом с границей жил Туомас Суйкканен. На расстоянии нескольких километров от границы построил себе курную избу, вкопанную в землю, Юхана Паукку. На хуторе Ряйккёля жил Симо Торикка, также известный в окрестностях охотник. Поскольку места здесь были необжитые, каждый стремился поставить себе избушку вдали от соседей, в том числе и Нуути Урпанен. В дальнейшем там, вблизи болота Колмиканта, отстроились Симо Паукку, братья Леппянен, дворохозяева Виртанен, Аанро Ламппу и Туомас Суйкканен. Особой славой пользовался мастер по изготовлению корзин Яакко Суйкканен — Кор-Юакко (Kor-Juakko). В районе болота Хейнясуо возделывал землю один из первых местных жителей Каапре Сало (т.е. «лесной Каапре»). Позднее гряды рядом с границей стали считать относящейся к участку, на котором стояла лесная баня. По всей видимости, в ней жили во время полевых работ. В XX веке там уже, однако, не было возделываемых участков.

Местные жители собирали в этих лесах на зиму в огромных количествах бруснику, солили и мариновали грибы, что было для них огромным подспорьем. Обширные заболоченные открытые пространства к осени покрывались ковром из ягод клюквы, и журавлиные стаи, летящие на юг, часто садились там, чтобы основательно подкрепиться на дороге».

* Это прозвище можно перевести примерно как «Яшка-корзинщик».



Илл. 40. Обозначение прохождения линии госграницы на советской топографической карте-схеме довоенного периода (приладожский участок, примыкавший к деревне Таппари).

С подписанием 14 октября 1920 г. в г. Тарту мирного договора граница между Советской Россией и Финляндией на Карельском перешейке получила официальный статус. Однако, как уже говорилось выше, несанкционированные переходы границы местными жителями как с той, так и с другой стороны продолжались, поскольку граница охранялась слабо. Через границу ходили как агенты разведслужб, причем не только

финляндских или советских, так и контрабандисты (примером может служить упомянутое выше неофициальное торжище на болоте Лумисуо, известное многим местным жителям, которые частенько там бывали). О контрабандисте Матти Паукку в 1920-е годы ходили легенды. Правда, в конце концов он, если верить повествованиям прежних жителей Северной Ингерманландии, попался советским пограничникам.

Тем не менее как советские, так и финские пограничные власти практиковали процедуру упрощенного, без бюрократической волокиты, перехода границы ингерманландскими финнами, в частности, из района Мииккулайси. Дело в том, что в гражданскую войну лютеранская церковь в Мииккулайси сгорела вместе со всей деревней, поэтому богомольцев, направлявшихся по воскресеньям на лошадях из Ингерманландии в церковь Метсяпиртти через погранпереход в Таппари, в 1920-е годы пропускали через границу без каких-либо особых формальностей.

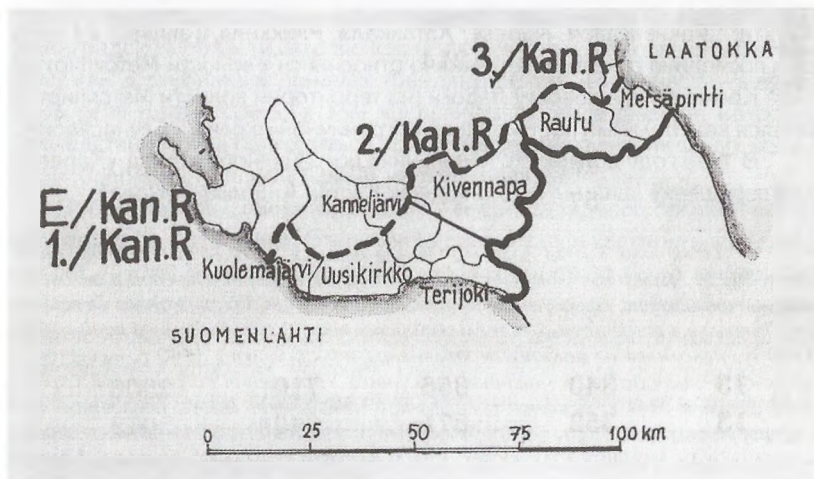
В 1930-е годы советские власти, проводя коллективизацию, в том числе и в Северной Ингерманландии, стали изгонять с родных мест т.н. «кулаков», которых отправляли в Хибины (1930 г.) и в Сибирь (1931 г.). После убийства С.М. Кирова (1 декабря 1934 г.) с 1935 года началась кампания по выселению людей, которые ранее были взяты ГПУ на заметку как бывшие участники «контрреволюционных» вооруженных формирований и противники Советской власти, не пожелавшие в свое время служить в Красной Армии. Вместо них поселялись (в частности, в Мииккулайси) русские — в основном представители административных структур и военные, а также члены их семей. А затем, в период с мая по июль 1936 года из Мииккулайси на восток были выселены все остававшиеся там ингерманландцы — советские власти проводили выселение абсолютно всех лиц финской национальности, поскольку в этом районе предстояли строительные работы по возведению приладожского участка Карельского укрепрайона, железобетонные ДОТы которого можно видеть там и в настоящее время. Кроме того, планировались мероприятия по концентрации войск и боевой техники, размещению военных гарнизонов и строительству военных городков в преддверии будущих стратегических инициатив советского командования.

В 1930-х годах совместно с представителями финляндских властей на границе проводились мероприятия по демаркации границы, которые на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии в основном завершились к 1934 году. На Карельском перешейке вдоль

границы были установлены 250 советских пограничных столбов с гербом СССР и столько же финских (с гербом Финляндии). Они располагались друг против друга.

Сразу же после окончания в марте 1940 года Зимней войны и переноса госграницы за Выборг все эти пограничные столбы были сняты, чтобы ничто не напоминало о том, где проходила бывшая советско-финляндская граница. Однако отдельные погранзнаки сохранились до настоящего времени на Карельском перешейке и в Карелии. Один из них — так называемый Вороний камень, стоящий у самой воды на восточном берегу Ладожского озера чуть южнее поселка Погранкондуши, высотой почти в два человеческих роста, считался российско-шведским межгосударственным пограничным знаком еще со времен Столбовского мирного договора 1617 г. Он даже сохранил на боковой стороне выбитые на граните обозначения: «251-А 1934» — номер данного знака и год завершения демаркации границы на этом участке.

По состоянию на конец 1930-х годов финляндскую службу пограничной охраны, в мирного время находившуюся в подчинении министерства внутренних дел, на Карельском перешейке представлял пограничный отряд «Карельский перешеек», состоявший из трех рот, зоны ответственности которых были следующие:



Илл. 41. Зоны ответственности пограничного отряда «Карельский перешеек».



Илл. 42. Полковник
К.А. Инкала.

1-я рота (штаб в приходско-волостном центре Терийоки [ныне Зеленогорск], где находился также и штаб всего погранотряда «Карельский перешеек»): относящийся к части волости Куолемаярви участок побережья Финского залива от оз. Кипиноланъярви [ныне оз. Высокинское] — все побережье волости Уусикиркко — все побережье волости Терийоки до устья р. Сестры — участок госграницы по р. Сестре (Раяйоки) до Сомерикко (чуть южнее населенного пункта Яппинен [ныне Симагино] на Выборгском шоссе, что напротив деревни Майнила на советской стороне), погранзаставы в населенных пунктах Юккола, Пуумала, Ино, Ваммелсуу, Куоккала, Раяйоки, Тулокас, Сомерикко;

2-я рота (штаб в приходско-волостном центре Кивеннапа [ныне пос. Первомайское]): участок госграницы от Сомерикко до дер. Липола [ныне урочище Котово], погранзаставы в населенных пунктах Кивеннапа, Мустапохья, Мюллюмяки, Тонтери, Лайноя, Уконкорпи, Риихие, Ристикиви, Липола;

3-я рота (штаб в приходско-волостном центре Рауту [ныне пос. Сосново]): погранзаставы в населенных пунктах Вепса, Кярсяля, Раасули, Хуухти, Сиркиэнсаари, Корлее, Хатаккала, Ряйккёля, Таппари, из которых последние три административно относились к волости Метсяпиртти).

Кроме того, на берегу Ладоги (на территории волости Метсяпиртти) имелся контрольный пост морской пограничной охраны «Саунасаари».

В 1938 году должность начальника пограничного отряда «Карельский перешеек» занимал подполковник Кустaa Аадольф Инкала*.

* Полковник Кустaa Аадольф Инкала родился 21.10.1896 г. в Оулу. Окончив в 1922 г. Кадетское училище, проходил службу в армии. Перевод в ведомство пограничной охраны оформлен 24 мая 1928 г. В 1936–1939 гг. находился на должности начальника погранотряда «Карельский перешеек». В период Зимней войны 1939–1940 гг. находился на должности командира полка. 9 июня 1940 г. назначен на должность заместителя помощника начальника Управления пограничной охраны, а 28 февраля 1941 г. назначен помощником начальника. Звание полковника присвоено 31 октября 1941 г. Во время войны «продолжения» (1941–1944 гг.) проходил службу на штабных должностях и на должности командира бригады. 1 января 1945 г. переведен на должность командира 1-го пограничного полка. С 1946 г. проходил службу в армии.

К людям, которые ходили через границу, в первую очередь к перебежчикам, конечно же, проявляли интерес как финское ведомство государственной безопасности (Центральная сыскная полиция), так и советское ОГПУ. В 1931 г. Центральная сыскная полиция составила справку, согласно которой в обоих направлениях государственную границу пересекли 489 человек, из них ушло в Россию 54, пришло в Финляндию 135, контрабандистов 26, без паспорта — 68, по поручению сыскной полиции — 8; кроме того, есть упоминание о двух лицах, которые «имели связь с Россией без разрешения». То есть, как мы видим, через границу ходили также и люди, имевшие вполне конкретные задания. К сожалению, мы не располагаем данными, в какой мере нарушалась граница на участке у Метсаяспитти, но, надо полагать, условия для ее перехода в этих глухих местах для агентов разведок были вполне подходящими. О некоторых фигурантах, задействованных (в том числе и по линии финской разведки) в этих тайных мероприятиях, рассказывал в своих статьях, публиковавшихся в петербургской газете «Северный торговый путь» в 1996—1997 гг., журналист С.О. Щербаков, имевший специальный допуск к материалам, хранящимся в архивах «Большого дома». Но как бы то ни было, нам все же представляется, что деятельность финской агентуры на территории СССР была ориентирована прежде всего на обеспечение безопасности Финляндии и сохранение прав финских национальных меньшинств на территории Ленинградской области. Что же касается деятельности советской агентуры, как в глубинных районах Финляндии, так и в приграничье, то здесь речь шла о сборе в том числе и такой информации, которая впоследствии могла пригодиться при проведении наступательных войсковых операций Красной Армии на территории Финляндии.

Председатель Совета ветеранов Северо-западного пограничного округа Федор Васильевич Степаненко рассказал, в частности, следующее: *«Случаев перехода границы туда и обратно было много как с нашей, так и с финской стороны, некоторых ходивших наши пограничники знали лично, в том числе и тех, кто проживал на сопредельной стороне. Человек, скажем, приходил, докладывал интересующую нашу сторону информацию, а затем пограничники обеспечивали его уход обратно»*. Кроме того, советские разведорганы при содействии погранвойск занимались похищением финляндских граждан, которых приговаривали (на закрытых слушаниях военного трибунала) к смертной казни, а по прошествии многих лет посмертно

реабилитировали. Автор располагает как устными, так и письменными свидетельствами этих беззаконий.

Очевидно советскую сторону более всего интересовали строительные работы по возведению оборонительных сооружений возле границы. На приладожском участке такие работы велись на левом берегу р. Тайпалеенйоки, а чуть севернее, на мысах Ярисева и Илляппянниemi, устанавливались береговые артиллерийские батареи. В лесу, в нескольких километрах от деревень Теренттила и Тайпале, в 1936 году были построены 4 врытые в землю бетонированные площадки для орудий, которые могли стрелять по целям как у побережья Ладоги, так и в устье и в среднем течении реки Тайпалеенйоки.

Эти и другие сведения, связанные с обороной Финляндии, имели важное значение для Генштаба Красной Армии. На Карельском перешейке в те годы работала советская т.н. прикордонная разведка 5-го Сестрорецкого пограничного отряда. За каждый конкретный участок границы отвечал командир, занимавшийся вербовкой жителей приграничья на территории Финляндии. Собираемая таким путем информация уходила затем в Разведотдел Ленинградского военного округа.

С 1931 г. по 1937 г. на должности начальника Разведывательно-го отдела ЛВО находился Ю.И. Гродис, в заслугу которому советские военные ставят, в частности, сбор разведывательных данных для составления альбома схем с расположением финских укреплений на Карельском перешейке, отпечатанного как совершенно секретное издание в нескольких экземплярах для старшего командного состава РККА на основе материалов, собранных на Карельском перешейке в период с 1928 г. по 1934 г.

При подборе людей, соглашавшихся работать на советскую разведку ставка делалась прежде всего на лиц финского происхождения, перешедших в Советскую Россию из Финляндии после поражения там красного восстания. Вербовались и финны из числа ингерманландцев, поддерживавших Советскую власть, которые соглашались — под прикрытием сочиненной легенды — сделать ходку-другую на ту сторону. Кроме того, советская разведка искала подходы как к местным жителям, так и к служащим финской пограничной охраны, чтобы теми или иными способами склонить их к сотрудничеству для выполнения заданий различной степени сложности (см. Приложение 1, 2).

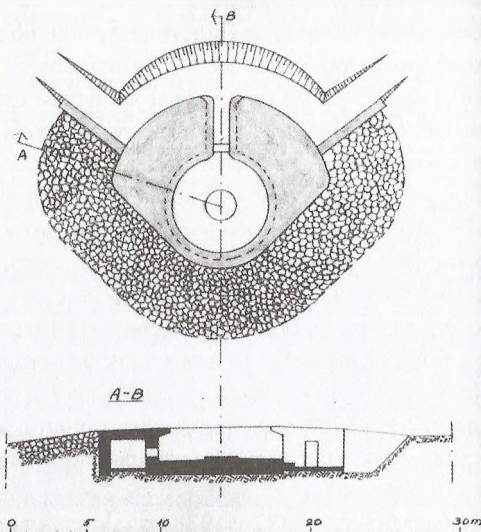
В связи с проведением демаркации границы СССР и Финляндия заключили межгосударственный договор, на основании которого фин-

ские рыбаки приграничных селений на Карельском перешейке и на северном побережье Ладоги получили возможность вести лов на своих рыболовческих судах в советской части акватории озера. Договор этот был заключен по инициативе финской стороны: как уже упоминалось выше, основная масса промысловой рыбы, начиная с мая, переходила в южную, то есть советскую часть Ладожского озера, где пребывала примерно до октября-ноября, и жители финского прибрежного пограничья вынуждены были довольствоваться очень незначительными и непостоянными уловами. Согласно договору, рыбаки волости Метсаяпиртти, желавшие ходить на лов за границу, должны были оформлять специальные рыболовные билеты-разрешения с фотографией. При себе рыбаки должны были иметь список предметов, находящихся на борту (рыболовное снаряжение, инструменты, одежда и т.д.). После перехода морской границы надлежало сделать заход на советскую погранзаставу в Мииккулайси (Никулясы), располагавшейся в устье реки Авлога, и отметить...

Однако в 1937 — 1938 годах начали систематически происходить случаи задержания рыбаков советскими пограничниками. По всей видимости, это было связано с раздуванием шпиономании в СССР, а посему для задержаний (причем в некоторых случаях людей даже везли в Ленинград, где над ними устраивались судебные процессы и выносились обвинительные приговоры) годились любые поводы. Задержанных рыбаков доставляли в Мииккулайси, где наряду с обвинениями в преднамеренном нарушении пограничного режима и угрозами возможных последствий звучали также и предложения о сотрудничестве с советской разведкой, задавались вопросы определенной направленности. В связи с этим финляндский пограничный комиссар на Карельском перешейке подполковник К.А. Инкала вел переписку с начальником Сестрорецкого погранотряда майором Петром Павловичем Орловым, который, в свою очередь, давал разъяснения и предъявлял свои претензии. Таким образом, ситуация вокруг финских рыбаков накалялась, и в конце концов дело дошло до обмена официальными дипломатическими нотами на уровне министерств иностранных дел. Можно сделать предположение, что на финляндскую сторону пытались таким образом оказать давление и сделать финляндское политическое руководство более уступчивым на переговорах с участием представителей министерства иностранных дел



Илл. 43. Юлий Иосифович Гродис.



Илл. 44. Схема одной из оружейных позиций, размещенной в лесу батареи Каарнайоки.

Финляндии, которые с 14 апреля по 7 декабря 1938 года вел второй секретарь посольства СССР в Финляндии Б.Н. Ярцев (Рыбкин).

Подробности переписки пограничных комиссаров представлены документами, хранящимися в Военном архиве Финляндии (см. Приложение 3, 4).

Что пришлось испытать тем рыбакам, которым довелось столкнуться с советскими пограничниками во время лова, явствует из документа, приведенного в Приложении 5. И хотя текст этого объяснения составлен нескладно, но вывод напрашивается один: НКВД силами погранвойск осуществлял давление на финскую сторону, делая козлами отпущения людей, для которых рыболовный промысел являлся добыванием средств к существованию.

Некоторые протоколы прямо указывали на стремление склонить кого-нибудь из финских рыбаков к сотрудничеству с советской разведкой (см. Приложение 6).

Постепенно дело стало принимать политический оборот: посольство Финляндии в Москве получает указание сделать соот-

С.С.С.Р.
Пограничный Комиссар

на
Карельском перешейке

17 мая 1938 г.

№ 4444

5-ая 20.5.38
18 мая 1938
Пограничному Комиссару Финляндии

ТЕРИОКИ.
=====

По Вашему письму № 87/РА от 14.5.38 г. мною произведен порядок регистрации финляндских рыбаков в Никуляках, при чем установлено:

1. Регистрации рыболовецких судов, судовладельцев и лиц, находящихся на судах проводится в соответствии с рыболовной Конвенцией от 25.5.34 г..

Регистрируемым рыбакам задаются такие вопросы, которые необходимы для регистрации и установления необходимых данных требуемых Конвенцией.

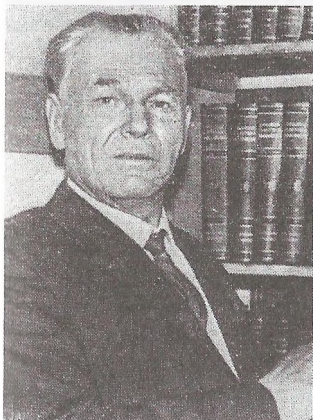
Время на регистрацию затрачивается ровно столько, сколько необходимо для выполнения всех формальностей, требуемых Конвенцией.

2. Требования Пограничных Властей СССР о том чтобы фотокарточки на удостоверениях финляндских рыбаков точно соответствовали оригиналам основаны на Конвенции от 25.5.34 г. Эти же требования будут предъявляться и впредь.

2) Что же касается регистрации, то последняя будет осуществляться до предусмотренного Конвенцией срока.

Пограничный Комиссар СССР
на Карельском перешейке
И А Т О Р

П.П. Орлов
П.П. ОРЛОВ



Илл. 45. Письмо начальника Сестрорецкого погранотряда от 17 мая 1938 г., направленное в Териоки в ответ на письмо подполковника Инкала.

Илл. 46. Ветеран пограничных войск генерал-лейтенант в отставке П.П. Орлов (1960-е гг.).

ветствующий запрос Народному комиссариату иностранных дел. Подполковнику К.А. Инкала в конце августа 1938 г. поступают — для внесения компетентных поправок — два текста. Это были проекты обращений, которые финляндский МИД через свое посольство затем направил в НКВД СССР; к ним же прилагалась сопроводительная записка (см. Приложение 7). На проектах стояла пометка: «Salainen» («Секретно»).

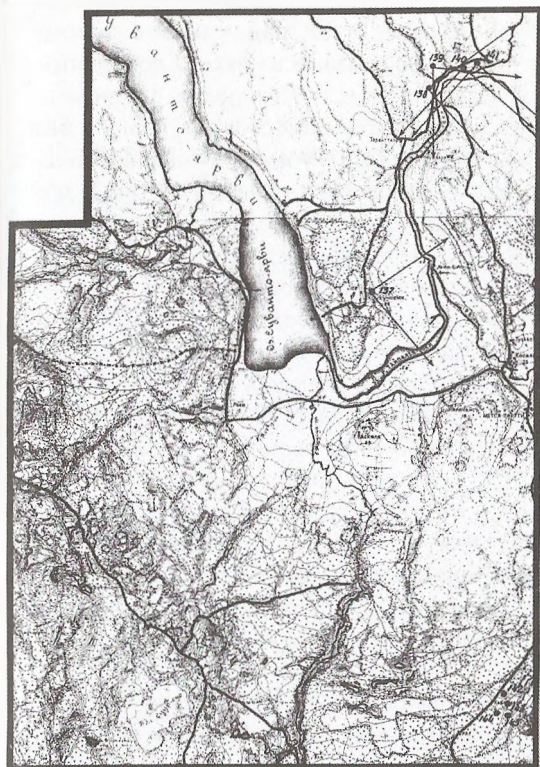
В приложенных текстах были изложены факты задержания рыбаков, высказаны сомнения относительно законности действий советских пограничников и выражены пожелания относительно необходимости нормализации обстановки.

Общая ситуация, сложившаяся на Ладожском озере, представлена также в результатах опроса местных рыбаков, проводившегося, надо полагать, ответственным официальным представителем (см. Приложение 8).

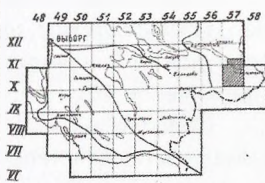
Советская сторона, всегда и во всем считавшая себя, безусловно, правой, конечно же, отвергала все обвинения в искусственном обострении ситуации и притеснениях в отношении финляндских рыбаков. На представление финляндского МИДа был дан, естественно, отрицательный ответ: все это неправда и выдумки. Результаты этих переговоров МИД Финляндии в порядке информирования довел до сведения подполковника К.А. Инкала (см. Приложение 9).

Таким образом, по мере усиления в СССР шпионмании и подозрительности улучшения взаимопонимания между властями обеих стран не наблюдалось. Подобные истории случались в этот период не только на Ладоге, но и на Финском заливе, причем советские пограничные власти вели себя все более агрессивно. Здравицы в адрес высших советских руководителей, забористые бравурные марши («Если завтра война, если завтра в поход...» и другие) заглушали стоны в казематах «Большого дома» и в созданных по всей стране концентрационных лагерях — дутое, показное величие государства было превыше всего. Подтверждением этого является, в частности, тот высокомерный тон, в котором составлял свои ответы, адресованные финской стороне, пограничный комиссар СССР на Карельском перешейке, начальник 5-го (Сестрорецкого) пограничного отряда майор П.П. Орлов.

Меры, предпринимавшиеся финляндскими официальными лицами, способствовали в какой-то мере исправлению положения, но тем не менее ситуация в целом была отнюдь не благоприятной для веде-



Илл. 47. Лист № 15 из «Альбома укреплений Карельского перешейка (Финляндия)» с изображением в виде точек с номерами сооружений военного назначения на территории волости Метtäпиртти. Составлено на основе разведанных.



ния жителями Метtäпиртти рыбного промысла. В своем письме в министерство иностранных дел от 30 ноября 1938 г. (№ 438/РА) подполковник К. Инкала пишет: «В Мииккулайси производилась регистрация и после 20-го мая. Это, однако, не делает менее достоверными рассказы рыбаков о том, что пограничная охрана СССР объявляла им именно об этом сроке. Поправка была внесена, по-видимому, после моего письма № 87/РА от 14.5.38 г., в котором я обращался к пограничному комиссару СССР с просьбой принять меры к урегулированию вопроса».

Однако некоторые задержания рыбаков из Метtäпиртти советскими пограничниками заканчивались и по-другому. В частности, в сентябре 1938 г. было задержано рыболовецкое судно с тремя рыбаками

на борту. Двое из них после разбирательств были отпущены в Финляндию. Третий же — Туомас Леппянен — пострадал за свое легкомыслие: при разбирательстве при нем не оказалось никаких документов — мол, дома забыл. В результате — арест и отправка в Ленинград. Настоятельные письменные просьбы финской стороны вернуть бедолагу к семье результатов не дали. Сын Туомаса Леппянена Вилхо, проживавший тогда в Выборге, улица Маттиланкату 38, кв.2, обращался к пограничному комиссару К. Инкала с просьбой навести справки и ответить, где его отец и что с ним. *«Осенью прошлого года русские задержали на Ладожском озере проживавшего в деревне Сааройнен волости Метсяпиртти моего отца Туомаса Леппянена, который продолжает находиться в России на положении арестованного. По просьбе моей старой матери, поскольку она пока не получила удовлетворительного и ясного ответа, я обращаюсь к Вам с просьбой ответить мне, есть ли надежды на то, что моего отца освободят, и есть ли у Вас какие-либо сведения о состоянии его здоровья и о его местонахождении. Я хотел бы получить достоверный ответ, в том числе и потому, что больная мать очень страдает из-за самых разных слухов в связи с его затянувшимся задержанием. В. Леппянен»*. Однако отец его вернулся в Финляндию только после окончания Зимней войны (см. Приложение 10).

Попытки вызволить Т. Леппянена из советской неволи предпринимались и министерством иностранных дел Финляндии, давшим соответствующее поручение своему полпредству в Москве. Вот ответ финского посольства, касающийся результатов запроса, направленного им в народный комиссариат иностранных дел СССР (содержание ответа в переводе с финского языка): *«Выражая свое уважение, сообщая Министерству о том, что я сегодня снова беседовал с господином Потемкиным²³ по поводу вышеуказанного вопроса, ссылаясь на ноту Посольства от 30 ноября 1938 г. и на беседу, которую я имел с ним ранее, 11 января 1939 г. Он уже не помнил, о чем тогда шла речь, однако обещал снова ознакомиться с сутью данного вопроса»*.

О судьбе Туомаса Леппянена после его возвращения в октябре 1940 г. в Финляндию автору ничего не известно. Исследователь С.О. Щербаков сообщил, что документы о задержании, ведении следственных действий и пребывании в заключении в СССР на Т. Леппя-

M O S K O V A SSA OLEVA LÄHETYSTÖ.

KIRJELMÄ nro 422.

Moskova SSA 8 P:NA huhti KUUTA 1939.

VIITTAUS: ulkoasiainministeriö N

22 P:NA marraskuuta 1938. P:TTYKirje nro 15778

VIITTAUS: K. O. U. M. 3u/361 19 38

48. 30/331 10 38

15/4 - 39		
RYHMÄ	OSASTO	SM
12	51	

Ulkoasiainministeriö

LLE

ASIA: Kalastaja Tuomas LEPPÄSEN van -

gitseminen.

Ilmoitan kunnioittaen Ministeriölle puhuneeni tänään uudelleen Herra POTEKINille otsakeasiasta, viitaten lähetystön noottiin 30 päivältä marraskuuta 1938 ja aikaisemman keskusteluun hänen kanssaan 11 tammikuuta 1939. Hän ei enää muistanut asiaa, mutta lupasi siihen uudelleen perehtyä.

A. P. Iri-Koskinen.

Ministeri.

Илл. 48. Официальное письмо посла Финляндии в СССР А.С. Ирьё-Коскинена в министерство иностранных дел от 8 апреля 1939 г. касательно дела рыбака из Метсюртти Туомаса Леппянена.

нена в архиве «Большого дома» имеются, однако для ознакомления с ними необходимо иметь специальный допуск.

Далекое близкое прошлое

За десятилетия, прошедшие после окончания Второй мировой войны, облик района Метсәпиртти поменялся практически полностью, и теперь эта местность представляет собой обычную российскую глубинку. Все то, что происходило в военные и послевоенные годы в других районах Карельского перешейка и Северного Приладожья, отторгнутых Сталиным и его подручными у Финляндии, коснулось и этих мест. Когда в конце 1939 года началась Зимняя война; многие дома, оставленные эвакуированными в тыл жителями, были уничтожены или повреждены во время массированного обстрела советской артиллерией ранним утром 30 ноября, либо сожжены при отступлении финскими войсками, чтобы задержать продвижение войск агрессора по финляндской территории. Свидетелями этого стали немногие оставшиеся в своих хозяйствах в приходско-волостном центре местные жители, среди которых был Мауно Туокко, оставивший об этом свои воспоминания, опубликованные впоследствии в сборнике «Метсәпиртти, край наш дорогой» (Metsäpirtti meille rakas). Фронт на этом участке остановился на реке Тайпалеенйоки, где финская армия удерживала позиции до самого окончания войны. В 1941 г. финнам удалось на короткий период возвратить свои территории. Но в послевоенное время жизнь здесь стала обустраиваться совершенно по-иному. В 1948 году прежние названия срочно заменили на новые, а населенные пункты стали объединять и укрупнять. Таким образом, вместо двух десятков прежних деревень на территории, относящейся ныне к Запорожской волости, осталось всего пять населенных пунктов. Шестой, т.е. пос. Соловьево (на месте бывшей деревни Тайпале) относится в настоящее время к Громовской волости.

Небольшие деревеньки до войны расположенные вблизи советской границы (Ряйккёля, Салокюля и др.) в послевоенные годы не восстанавливались, и едва заметные следы их в настоящее время можно встретить среди лесных массивов. Во многих местах сейчас полным ходом ведется дачно-коттеджное строительство. Болото Лумисуо [ныне болото Неодолимое] сейчас пользуется популярностью у ягодников, собирающих там клюкву, еще ходят туда охотники и поисковики-следопыты, интересующиеся историей военных действий, происходивших некогда в этих местах.



Илл. 49. Сравнительная карта волостей.



Илл. 50. Герб волости Метсаяпиртти.



Илл. 51. Вид на реку Бурная от полей бывшей деревни Рааю.

ДЕРЕВНИ ВОЛОСТИ МЕТСЯПИРТТИ

Метсяпиртти Metsäpirtti

– южная часть поселка Запорожское

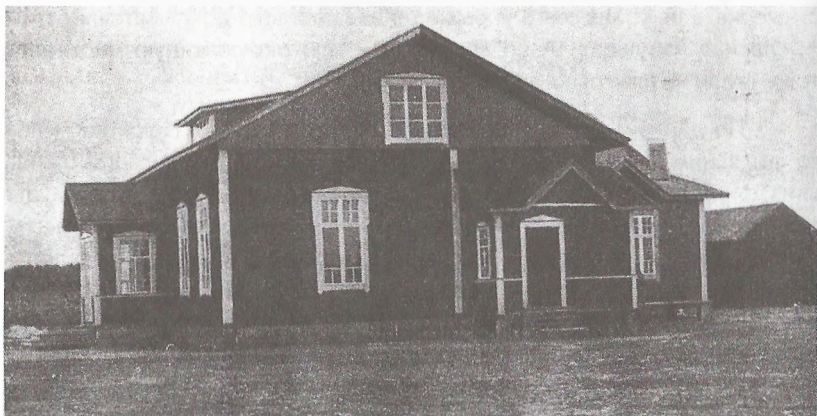
Деревня Метсяпиртти впервые упоминается как топоним в форме «На чеперти» в «Переписной окладной книге Водской пятины». Этот источник датирован 1500 годом, поэтому есть все основания полагать, что данный топоним мог быть отражен также и в более ранних переписных документах, составлявшихся новгородскими и московскими переписчиками, — то есть в любом случае деревня существовала и до 1500 года. Топоним «Метсяпиртти» существовал, по всей видимости, еще задолго до образования одноименной волости. Название «На чеперти» — это искаженная русифицированная форма топонима, имевшего значение «лесная избушка». Такое название в этих местах могло означать, вероятнее всего, укрытие в лесу, «укрывище», где местные жители скрывались при приближении шведских или русских военных отрядов²⁴.

Кроме того, интересная версия относительно происхождения топонима «Метсяпиртти» приводится корреспондентом Хейкки Туокко под названием «Легенда о происхождении названия «Метсяпиртти»²⁵. Эту легенду рассказывал в свое время старик Хейкки Суси, который был известен в округе как «старик из дома Симола», родившийся в 40-х годах XIX века и скончавшийся в 1912 году. В ней рассказывается о том, что в XVI веке русский казачий отряд, расквартированный в «крепости Тайпале», во время вылазки захватил в плен несколько человек «свейских людей», которых доставили в Тайпале на допрос к начальнику. Одному из этих людей, которого звали Уоло Суси, удалось через некоторое время бежать из плена. Он направился из Тайпале по дороге, ведущей в Новгород, и, пройдя немного, забрался в лес Коккокорпи (Орлиная глушь), где соорудил себе «курную избу под большой молодой елью, что на поляне Киссаннакка (Кошачья шубка) у ложбинки Савинотко (Глинистая ложбина). Через некоторое время он привел туда также свою жену и детей. В водоемах была рыба, в лесу полно дичи — жить было можно! Окре-

стные жители, узнав о его укрывище, назвали этот дом «метсяпиртти» — «лесная избушка». А со временем и всю окружающую местность тоже стали называть Метсяпиртти.

По данным, полученным от исследователя А.В. Крюкова, много лет занимающегося изучением этнической истории ингерманландских финнов и топонимическими исследованиями, в том числе и относительно происхождения финских названий на Карельском перешейке, топоним «Метсяпиртти» изначально имел форму «Метсяпертти» с обозначением той же реалии: слово «пертти» — это диалектная восточнокарельская форма литературного финского слова *pirtti* («изба», «избушка»). Автор, кроме того, допускает и такое предположение: этот топоним может происходить от мужского имени-прозвища «Мется-Пертти» Подобная просторечная форма обращения была довольно распространенной в Финляндии — так давались характеристики некоторым местным жителям, зарекомендовавшим себя с той или иной стороны. В данном случае составная часть имени «Мется» — «Лес» характеризует человека по имени Пертти как лесного жителя. Этот финнизированный вариант происходит от шведского мужского имени «Бертиль» (*Bertil*). Одноименная деревня (в настоящее время уже не существующая) находилась в свое время и в восточной части Ингерманландии, на расстоянии примерно 10–12 км северо-восточнее нынешнего райцентра и железнодорожной станции Тосно.

После оккупации этого района шведскими войсками в 1609 году и в особенности после заключения Столбовского мирного договора 1617 г. православное население стало уходить в русские земли. На смену им постепенно стали прибывать крестьяне лютеранского вероисповедания, в деревне Метсяпиртти уже в начале XVII века поселились жители с фамилией Суси (слово *susi* в переводе означает «волк»). В 1631 г. по данным, зафиксированным шведскими официальными переписчиками, в деревне Метсяпиртти насчитывалось всего 2 двора, в числе жителей упоминается также Пауссу Киркинен (Киккери), а в конце века в списке значится Юрье Пауссу (этот человек, по всей видимости, в качестве фамилии использовал имя собственное, обычно использовавшееся как имя). Тогда же в списке жителей д. Метсяпиртти значатся также фамилии Лёлли и Роботти. К 1691 г. количество дворов увеличивается до 5, и, кроме того, там жили 3 безземельных крестьянина-бобыля — Скюття (Шюття), Куоппо и Пааянен.

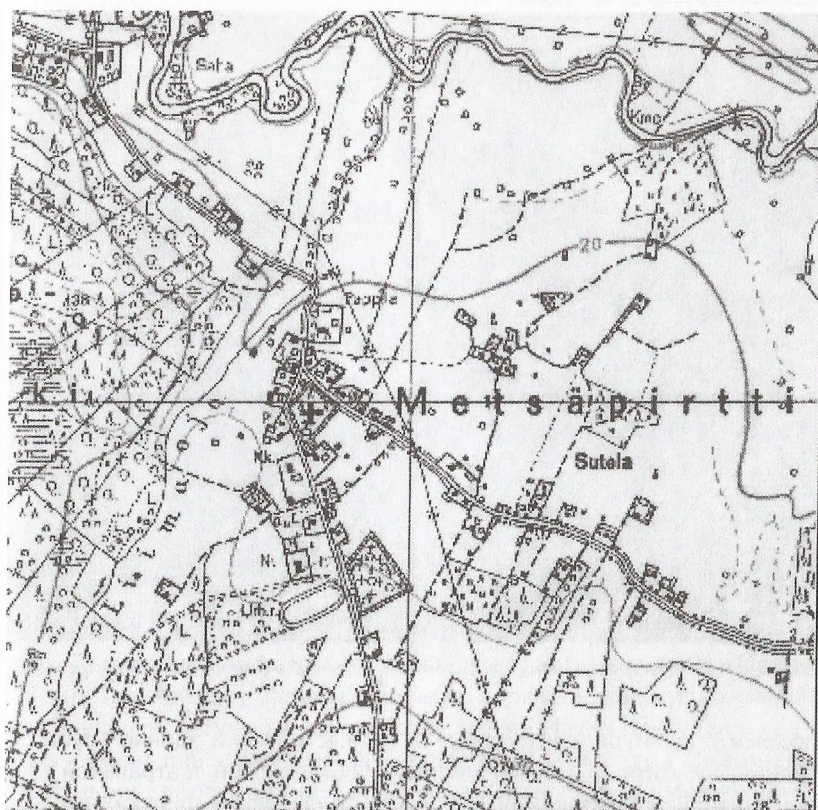


Илл. 52. Здание молодежного клуба в Метсэпиртти.

Большинство жителей деревни носили фамилию Суси, вероятнее всего, это потомки упоминавшегося в приведенном выше народном предании Уоло Суси. В то время деревня еще не являлась значительным населенным пунктом, поскольку центры торговли и ремесел и церковные учреждения располагались в стороне (в частности, в Тайпале, где существовала также и православная часовня). По данным финского исследователя Й.М. Салениуса (XIX—XX вв.), в XVII веке в Рауту существовал церковный приход, охватывавший районы Саккола, Вуоксела и Метсэпиртти. В дальнейшем таковым становится православный приход, образованный в 1865 г., с центром в деревне Палкеала (волость Рауту).

Деревня Метсэпиртти начинает приобретать черты административного центра только в связи со строительством там еще в шведские времена лютеранского молельного дома (часовни, относившейся к лютеранской церкви Саккола). С 1792 г. вместо простенького четырехугольного здания существует уже настоящий церковный храм крестообразной планировки. В последующем, в связи с отделением от Саккола, образуется и самостоятельный церковный приход Метсэпиртти — уже со своей церковью и своим настоятелем прихода. Это и определило выбор данной деревни в качестве административного и приходского центра новой волости.

По всей видимости, постепенное превращение деревни Метсэпиртти в центр религиозной жизни района способствовало тому, что



Илл. 53. Довоенная финская карта деревни Метсепиртти. Крестом отмечена церковь, pappila – усадьба священника (настоятеля прихода), Kk. – народная школа (kansakoulu), Nt. – здание молодежного клуба (nuorisoseuran talo), urh.r. – стадион (urheilurata), saha – пилорама.

ее население после перехода этих земель под власть русского царя все время увеличивалось. Так, если в 1724 году в деревне было 14 крестьянских хозяйств, то в 1818 г. уже 168. В те времена здесь жили люди с фамилиями Пауссу, Куйсма, Суси, Илонен, Туокко, Рааска, Хилтунен, Паукку, Репо.

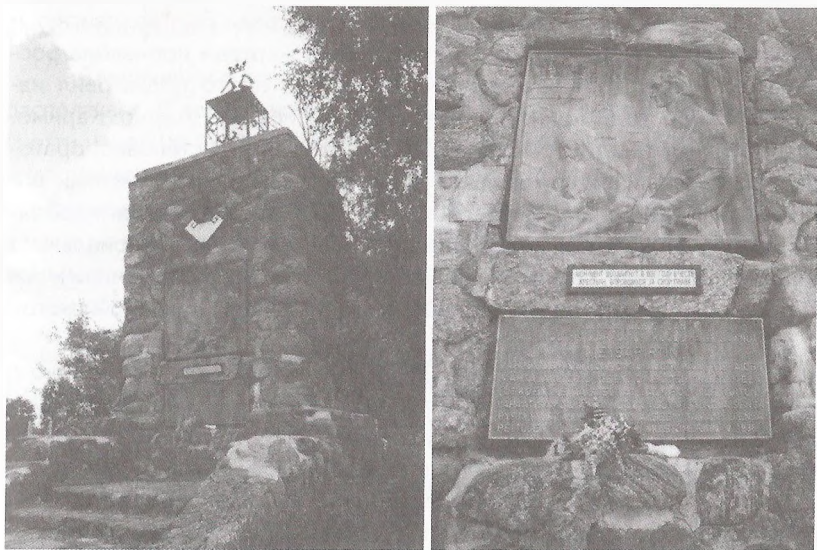
Перед Первой мировой войной в деревне Метсепиртти было создано молодежное общество (клуб) для приобщения местной мо-



Илл. 54. Народное престольно-праздничное многолюдье в приходском центре.

лодежи к культуре и искусству. Было выстроено и здание клуба со сценой, на которой силами местной любительской театральной студии ставились спектакли по мотивам произведений финских писателей. Большим успехом пользовались постановки по произведениям известной финской писательницы Минны Кант «Пастор Юссилайнен» и «Анна-Лииса». Самое активное участие в организации этих постановок принимали местные школьные учителя, прежде всего Ээро Тойвио (председатель молодежного общества) и Каарло Сихво.

В Финляндии, как известно, много поклонников спорта, и эта традиция не обошла стороной и волость Метсаяпиртти, где при молодежном клубе существовали спортивные секции. В апреле 1929 года было официально зарегистрировано спортивно-гимнастическое общество «Сарастус» («Заря»). К сожалению, во время войны его архив, как и архив молодежного клуба, сгорел, однако имена спортсменов из Метсаяпиртти известны. Это учитель Каарло Сихво, основа-



Илл. 55-56. Реставрированный памятник крестьянам донационных земель. Барельеф и табличка.

тель «Зари», сам в прошлом активный спортсмен, это участник Олимпийских игр Альберт Ламппу, участник многих крупных состязаний Эйно Инкинен, бегуны на короткие дистанции Мауно Паксу (впоследствии сменивший фамилию на Пихлакоски) и Арттури Пелтонен, известными спортсменами были также Юрьё Ламппу, Микко Ламппу, Арво Купаринен, Кауко Купаринен, Эмил Пелтонен и Вяйнё Мюёхянен (сменивший фамилию на Реунамо). Вяйне Мюёхянен первым в Метсаяпиртти побил рекорд в метании копья, до этого составлявший 60 метров.

К концу 1930-х годов в районе перекрестка, от которого одна дорога вела на юго-восток — к Ладоге и к советской границе, а другая — к деревне Корлее, что в волости Рауту, сформировалась определенная застройка, сконцентрированная у здания церкви: чуть севернее от перекрестка стояла усадьба настоятеля прихода, южнее, но в непосредственной близости располагались народная школа, здание молодежного общества и стадион. Во время проведения церковных (престольных) праздников у этого перекрестка собиралось большое количество людей, приезжавших в церковь со всей волости.

В 1936 году на перекрестке дорог у церкви был воздвигнут и торжественно открыт памятник крестьянам, жертвам произвола российских помещиков-крепостников, проект которого подготовил известный в те годы финский художник и писатель Аарно Каримо. Церемония открытия проходила в торжественной обстановке, ораторы произносили патриотические речи, был выставлен почетный воинский караул. На металлическом барельефе символически изображалась трудолюбивая крестьянская семья — основа материального благополучия края. Главный барельеф дополнялся расположенной ниже табличкой с текстом следующего содержания (в переводе с финского):

«Трехсотлетние запугивания, издевательства, высылки и смерть не смогли заставить помещичьих крестьян Метсяпиртти склониться в рабстве у чужеземных властителей. С верой в вечность справедливости они добывали победу для будущих поколений. Потомки, живущие свободными людьми на этих землях, воздвигли в их честь этот сложенный из собранных с отеческих полей камней монумент в 1936 году».*

По состоянию на 1939 год в приходском центре значилось около 320 человек постоянного населения.

В первый же день Зимней войны, 30 ноября 1939 года, деревня подверглась яростному артиллерийскому обстрелу с советской стороны — по всей видимости, стреляли орудия калибра 152 мм 402-го гаубичного артполка, часть которого находилась тогда в составе 50-го стрелкового корпуса. По свидетельству Мауно Туокко, бывшего жителя Метсяпиртти, в результате этого артобстрела в приходском центре был разрушен либо поврежден практически каждый дом. Остававшиеся еще жители начали спешно запрягать лошадей в повозки, чтобы, погрузив самый необходимый скарб, направиться к паромной переправе. Деревня Метсяпиртти уже в середине следующего дня, 1-го декабря, была захвачена советскими войсками и в дальнейшем, вплоть до окончания войны оставалась прифронтовым

* Во время военных действий 1939—1940 гг. металлические барельеф и пояснительная табличка были сняты при невыясненных обстоятельствах, и памятник вплоть до начала XXI века выглядел каким-то непонятным сооружением, вызывая кривотолки у советских переселенцев.

населенным пунктом, через который шло снабжение войск, находившихся на плацдарме по другую сторону реки Тайпалеенйоки.

Сведениями о советских переселенцах 1940—1941 годов автор не располагает. В период войны-«продолжения», в 1941—1944 гг., Метсаяпиртти находилась в тылу финских войск, так как линия фронта проходила примерно в 10 километрах к юго-востоку. В июне 1944 г., когда советские войска начали генеральное наступление на Карельском перешейке, на этом участке им противостояли части 19-й бригады финской армии, которые незамедлительно отошли на заранее подготовленный рубеж обороны на левом берегу Тайпалеенйоки.

В 1945 году началось повторное заселение района Метсаяпиртти. Людей везли сюда в основном из Ярославской и Кировской областей²⁶. В деревнях Метсаяпиртти и Косела в апреле 1945 года учредили совхоз, который до 1 октября 1948 г. назывался «Метсаяпиртти», его первый директор Александров самолично ездил вербовать работников для своего хозяйства в Вологодскую, Псковскую, Калининскую и Новгородскую области.

Виноградова Антонина Григорьевна 1925 года рождения так вспоминает свой приезд: *«Наша семья до войны жила в Карелии, в Интерпоселке. Затем последовала эвакуация в Пермскую область. В 1944 году нас повезли обратно, на освобожденную территорию Карелии. Но доехали мы только до Шексны, где прожили до апреля 1945 года. 25 апреля приехал Александров и сказал, что организуется совхоз на освобожденной территории и нужны рабочие. Так мы оказались в Метсаяпиртти».*

Индюкова Анна Федоровна 1913 года рождения рассказывает следующее: *«Наш приезд сюда проходил так. В самом начале августа, 1-го или 2-го числа, 1945 года приехала я на станцию Рауту. Там в течение двух недель мы жили в палатках у вокзала. Потом за нами приехали из совхоза «Метсаяпиртти» на лошади. Там нас разместили в сараюшке, у кладбища. Работали в поле, копали землю под озимые».*

Шорина Юлия Дмитриевна: *«Приехала я сюда из Вологодской области 7 мая 1945 года вместе с Тропаревыми по вербовке Александрова. Поселили в доме, где сейчас живет Лошкарев. Вокруг все было разбито, торчали печные трубы».*

На совхозном поле сеяли овес, работа эта выполнялась вручную. Копали землю тоже вручную.

Поскольку некому было печь хлеб, меня назначили в пекарню. Стала я ездить в Сосново на хлебозавод, где училась печь хлеб. Вообще время было очень голодное. Мука была плохая, поскольку мололи проросшее зерно.

На берегу было много трупов, уже разложившихся. Их собирали и возили в Пятиречье, где хоронили в общей могиле.

Потом я вышла замуж и переехала жить в «Стахановец», где председателем колхоза был мой муж. В 1946 стала работать бригадиром в хозяйстве «Светлана».*

По постановлению общего собрания граждан селения Метяпиртти зимой 1948 г. деревня получила наименование «Запорожье». В рукописной «Летописи поселка», составленной местными краеведами в 1995 г., дается следующее обоснование выбора такого названия: *«Поселок находится на месте, где протекают реки Выюн и Вуокса, которые образуют пороги. Сам поселок находится за порогами. Отсюда и пошло название поселка — Запорожское».*

В 1954 году совхоз «Запорожский» был объединен с совхозом «Гражданский» Ленинградского птицеводческого треста, образованного в пос. Замостье (до войны — дер. Палкеала в волости Рауту) в декабре 1949 года. Практическое слияние совхозов происходило с 1954 г. по 1965 г. Главная усадьба объединенного совхоза (получившего название «Гражданский») — пос. Запорожское (с ноября 1955 г.). Производство совхоза — продукты животноводства. В марте 1960 г. к совхозу «Гражданский» были присоединены колхозы «Новая жизнь» (в поселке Денисово) и «Революция» (в поселке Пятиречье). 1 сентября 1981 г. совхоз преобразован в племсовхоз «Гражданский». 13 февраля 1993 г. племсовхоз «Гражданский» преобразован в племзавод «Гражданский», а в июле того же года — в акционерное общество закрытого типа (АОЗТ) «Племзавод «Гражданский»», администрация которого располагается на втором этаже здания местного Дома культуры.

* Подсобное хозяйство ленинградского производственного объединения «Светлана» в районе поселка Удальцово (Рааю); нынешние местные жители продолжают использовать название подсобного хозяйства применительно к поселку.

Запорожское

Запорожский сельсовет был образован в 1956 году путем объединения Гражданского и Денисовского сельсоветов, а центр сельсовета был перенесен из поселка Денисово в поселок Запорожское. В 1994 году сельские советы упразднены. Бывший сельский совет стал называться администрацией волости, а территория сельского совета — волостью. Вместо должности председателя сельсовета введена должность главы администрации волости.

Согласно статистическим данным по состоянию на 1 января 2000 года в поселке Запорожское (включая территорию бывшей финской деревни Косела) значится по учетным документам 648 постоянных хозяйств, а численность постоянного населения — 1895 человек. В настоящее время территория, где раньше располагалась деревня Метсяпиртти, представляет собой в основном зону послевоенной деревянной индивидуальной застройки. Возле дороги виднеются сельскохозяйственные помещения (скотные дворы), у самой дороги расположена территория машинно-тракторной станции — то есть современное производство продолжает активно функционировать. Недалеко от центра поселка к реке Бурной (Тайпалеенйоки) отходит дорога к парому, находящемуся левее устья речки Вьюн (Виисйоки) и



Илл. 57. Торжественное мероприятие 26 июня 2002 г., посвященное открытию восстановленного памятника помещичьим крестьянам.



Илл. 58. Открытие памятника на кладбище в Метсяпиртти. В почетном карауле стоят женщины в costume своей волости. 2002 год.

предназначенному для перевозки на другой берег сельскохозяйственной техники — на левом берегу р. Бурной находятся сенокосные угодья.

В конце 1990-х годов представителями «Карельского союза», занимавшимися вопросами восстановления довоенных памятных знаков финского периода на Карельском перешейке, было получено разрешение местных властей на приведение в порядок памятников крестьянам Саккола-Рауту, Пюхьярви и Метсяпиртти. Финская сторона провела все реставрационные работы за свой счет. Торжественное открытие обновленного памятника состоялось 26 июня 2002 г. Присутствовать на этой церемонии прибыли из Финляндии три группы довоенных жителей Метсяпиртти, некоторые взяли с собой детей и внуков. На открытии также присутствовали и официальные представители администрации Запорожской волости. Однако, как водится в таких случаях, большого интереса со стороны простых жителей поселка это мероприятие не вызвало.

Запорожское

Косела Kosela

— северная часть поселка Запорожское

Деревня Косела упоминается еще в «Переписной окладной книге Водской пятины» (1500 г.) как «Салма» («деревня Салма у озера у Сванского»). «Салма» (правильно — «Салми») в переводе означает «пролив». Действительно, в древности, когда юго-восточная часть озера Суванто (на русский манер — «Сванское») представляла собой широкий залив, рядом с которым было озеро Уусанлампи (которое местные жители называли также Корхоланъярви) шириной километра полтора — два, соединявшееся с заливом довольно широкой порожиистой протокой. Деревня Салма значится и в писцовых книгах Водской пятины, составленных в 1539 и в 1568 годах.

Название «Косела», закрепившееся впоследствии официально за этой деревней, встречается в поземельных книгах, составлявшихся шведскими государственными переписчиками в разные годы XVII века — в 1616, 1617, 1631 и других, причем его варианты были разные — «Косела» (Kosela), «Косола» (Kosola), «Коссела» (Kåssela) и т.д., хотя, правда, все они довольно созвучные. В метрических книгах церковного прихода Саккола XVIII века, т.е. уже в период нахождения этих земель в составе России, фигурировали два варианта названия — «Косела» (Kosela) и «Косола» (Kāsola). Это название происходит от слова «коски» (koski), означающего «порог», «водопад». Под влиянием местного диалекта произошло выпадения звука «-к-» в середине этого слова при добавлении собирательного суффикса «-ла», и вместо «Коскела» появилось название «Косела», что означает «селение на (речном) пороге».

В 1631 г. в Косела жили Матфей и Паавила (Павел?) Косойнены. В 1646 г. в этой деревне значатся уже три жителя по фамилии Косойнен, а также Эскель Туокко. В конце века жителей с фамилией Косойнен уже нет, вместо них значатся фамилии Кемппи, Ээва (в Метсаяпиртти эта фамилия произносилась как «Йева»), Лабакка и Саволайнен. Кроме дворохозяев в деревне проживал бобыль Туокко, в этот период число дворов в Косела колебалось от двух до пяти.

В период XVIII—XIX веков, когда русскими государственными переписчиками регистрировались все жители в возрасте от 15 до 60 лет, в Косела численность населения увеличилась с 26 (1724 г.) до

113 человек (1818 г.). При этом, чтобы иметь полное представление об этом числе, сюда следует прибавить примерно половину, поскольку в деревнях жили, конечно же, и дети моложе 15 лет, и старики в возрасте более 60 лет. В то время рядом стоявшие хозяйства группировали и присваивали им номера. В 1724 году в деревне Косела хозяином участка № 1 был крестьянин Паукку, позднее дом перешел во владение семейства Ээва, которое в 1724 году владело участком № 2. На участке № 3 хозяином был крестьянин по фамилии Кери, у которого был зять по фамилии Туокко, и этот дом впоследствии перешел к семье Туокко.

В XIX веке, т.е. в период, когда на окраинах Российской империи строятся промышленные предприятия, в Косела была построена мельница. По одним сведениям, она строилась по распоряжению и на средства управляющего имением Сааройнен Александра Кордта, по другим данным, построил ее известный в районе Метсаяпиртти купец русского происхождения Александр Лебедев. Когда во второй половине XIX в. автономное финляндское государство выкупило помещичьи земли и начало проводить т.н. «большой передел» земельных угодий в пользу местных крестьян, участок с мельницей был предложен для передачи крестьянам в коллективную аренду при условии уплаты 4 пенни ежегодно с каждого дома, однако жители в основной своей массе посчитали эту плату очень высокой, и предложение не приняли. В конце концов мельницу купили Вилло Мюёхянен и Хейкки Укконен — зажиточные жители Косела. Первым делом они решили перегородить речку Виисйоки плотиной, чтобы увеличить энергию водосброса, вращающего жернова. Впоследствии полноправным владельцем мельницы стало предприятие «Братья Мюёхянен», так как Хейкки Укконен продал им свою долю. Механизмы мельницы приводились в действие от огромного водяного колеса, вращавшегося в протоке. В дальнейшем Мюёхяненны поставили две турбины, а когда во второй половине 1930-х годов уровень воды в р. Виисйоки упал, дополнительно поставили еще и паровую машину. Работы на мельнице было невпроворот, и в предвоенные годы она работала и днем, и ночью. При мельнице работали также пилорама и небольшая электростанция, вырабатывавшая ток для жителей не только деревни Косела, но и других деревень волости. Для этого в деревнях Сааройнен, Метсаяпиртти, Хатаккала, Коукунниemi и Тайпале создаются кооперативные предприятия по распределению электро-

энергии. Выпуск пиломатериалов осуществлялся поначалу на циркульной пиле, а после установки пилорамы продукция стала отправляться и сторонним заказчикам.

Первым торговым предприятием в Косела и во всем районе Месяспиртти был винно-водочный магазин упомянутого выше купца А. Лебедева. Открыли его во второй половине XIX века. Таким образом, «зеленый змий» начал совращать местных жителей с пути истинного, многие приобретали напитки в долг и затем, не имея возможности расплатиться (по причине пагубного пристрастия), в конце концов приговаривались судом к лишению имущества. Не исключено, что купец А. Лебедев приобретал крепкие напитки для реализации в родной деревне в том числе и у помещика Назарова из русскоязычного района Кююрёля, что в волости Муолаа. Этот помещик в 1854 году основал свою винокурню и поставлял спиртные напитки купцам, торгующим ими на Карельском перешейке, в результате чего многие священники, как лютеране, так и православные, стали отмечать резкий упадок нравственности и благочиния в своих приходах. Однако А. Лебедев через некоторое время закрыл свою винную лавку, вместо которой открыл лавку бакалейную.

Перед Второй мировой войной Косела была относительно густонаселенной деревней, дома в ней стояли довольно плотно друг к другу. К ней относились участки Ораванмяки, Воркке, Туоккола и Эвала. Здесь жили, в частности, такие специалисты, как врач, аптекарь, портной, сапожник, кожевник, мельник, кузнец и скотник, который умел также и врачевать животных. Имелось два магазина — кооперативный магазин и частная лавка одного из братьев Мюёхянен. В самом центре деревни стояла чайная, которую держал Матти Лампу, пользовавшаяся большой популярностью у местных жителей. В этой чайной частенько коротали время крестьяне в ожидании окончания помола своего зерна на мельнице. По состоянию на 1939 год в Косела вместе с Эвала значилось 455 человек постоянного населения.

Основным занятием жителей было, конечно же, земледелие, однако многие занимались и рыболовным промыслом — выходили на баркасах в Ладогу, а также ловили рыбу в протекавшей рядом речке Виисйоки. С Ладоги привозили сигов, ряпушку и корюшку, а в речке ловились иногда довольно крупные лещи. В старые, еще до-революционные времена это давало многим очень хороший дополнительный доход: заезжие перекупщики, периодически бывавшие в

Метсаяпиртти, закупали рыбу оптом и платили наличными; товар они везли в Терийоки, где было много состоятельных русских дачников, или на рынки Петербурга.

Скотина была в каждом хозяйстве — коровы, овцы, свиньи, многие держали кур. Кто имел лошадь, мог наниматься в зимнее время на гужевые перевозки в соседние волости.

Мирная жизнь деревни прервалась разразившейся утром 30 ноября 1939 года Зимней войной. Те, кто не эвакуировался в октябре, теперь были вынуждены в спешном порядке покидать свои дома и уходить в сторону паромной переправы, чтобы перебраться на другую сторону Тайпалеенйоки. Позади горели дома, подожжённые отходящими финскими войсками, чтобы лишить приближающиеся части Красной Армии возможностей расквартирования в теплых помещениях. В дальнейшем в течение всего периода войны через деревню днем и ночью двигались направляемые советским командованием на левобережный плацдарм подкрепления и вывозились раненые и убитые.

Какими-либо данными о заселении Косела в период советской колонизации Карельского перешейка в 1940—1941 гг. автор не располагает. В период с сентября 1941 г. по июнь 1944 г. Косела находилась в тылу финских войск, так как линия фронта проходила примерно в 10 километрах юго-восточнее Косела. К началу развернувшегося 10-го июня 1944 года советского наступления оборону на этом участке занимала 19-я бригада финской армии...

О первых послевоенных годах старожил этих мест Галина Петровна Тропарева, приехавшая в Метсаяпиртти 7 мая 1945 года, рассказывает так: *«Родилась я 26 декабря 1937 года. До войны наша семья жила в Петрокрепости (в моей метрике написано: «Шлис-сельбург»). Когда началась блокада Ленинграда, нас эвакуировали в Вологодскую область. Отца взяли на фронт, он воевал на флоте. Мне рассказывали, что катер, на котором он служил командиром, был разбомблен вражеской авиацией, и его команда переведена в пехоту. Участвовал в боях под Выборгом, там и погиб. Похоронка нам пришла в 1944 году. Я слышала, что его убил финский снайпер, которых тогда называли «кукушками».*

В Вологодской области мы жили на квартире у хозяйки. Нас, детей, со мной было четверо, вместе с матерью — пять человек, так что жили мы там, в чужом доме, очень стесненно, ничего своего не было. Поэтому, когда приехали из Метсаяпирт-

ти и стали уговаривать поехать жить туда, мы тут же согласились. Тем более что нам обещали там отдельный дом.

Поначалу жилось на новом месте очень тяжело. Чтобы прокормиться, дети собирали в поле колоски и картошку. Из лесу носили грибы и ягоды, в бочках замачивали бруснику, которая помогала выжить в голод. Спали на матрацах, набитых соломой. Вместо стула использовали ящик от мин, который стоит у нас в доме до сих пор. Вещи покупали на барахолке. В общем, жили очень бедно.

В окрестностях, да и в самом поселке после войны еще оставались взрывоопасные предметы. Я помню, как подорвалась одна женщина.

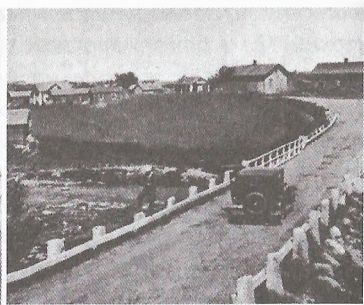
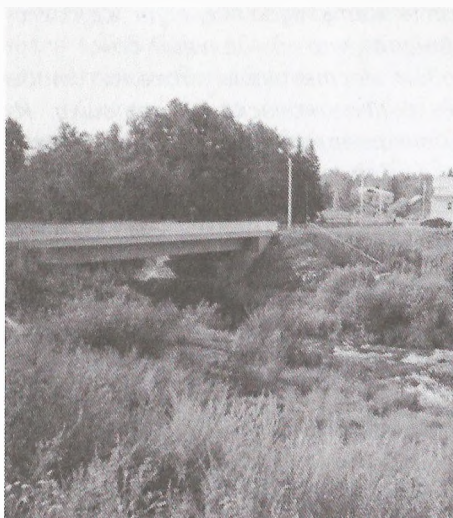
В той части поселка, где мы живем, в 1945 году было примерно 17 старых финских домов, в которых размещали прибывающих новопоселенцев. За речкой было еще примерно 10–11 финских домов. Дома эти, когда мы приехали, стояли в основном пустые, без вещей, однако на дальних хуторах как-то нашли старую обувь и другие мелкие вещи, которые разобрали.

В совхозе «Метсаярвти» занимались полеводством — выращивали картофель и зерновые, причем все делали вручную и на лошадях, которые были доставлены сюда с фронта. Сельсовет находился в поселке Малакки (его потом переименовали в Денисово), куда, если возникала надобность, ходили пешком, это примерно 5 километров. Контора нашего совхоза была в старом двухэтажном финском доме рядом с мостом.

В 1945 году в поселке был магазин, в сарае, где продащицей работала финка, которая плохо говорила по-русски. Потом она куда-то уехала.

В поселке был молокозавод, работала мельница. С 1954 года начала работать Запорожская семилетняя школа».

В библиотеке Запорожского дома культуры хранятся составленные местными любителями краеведения «Летопись поселка» и путеводитель «Знаешь ли ты?» — это папки с машинописными материалами по истории и современности поселка Запорожское. Работа по сбору этой информации проводилась под руководством заведующей библиотеки Марины Юрьевны Смекаловой. Среди них имеется и несколько рассказов-воспоминаний других местных старожилов. Августа Васильевна Быкова (1913 года рождения) рассказала навестившим ее в сере-



Илл. 59. Мост «Салменсилта» (На проливе) в Косела. Довоенное фото.

Илл. 60. Новый бетонный мост через речку Вьон, построенный на месте прежнего моста «Салменсилта» через р. Виисйоки. Август 2003 года.



Илл. 61. Здание местного Дома культуры.

дине 1990-х годов краеведам, что приехала она сюда 2 августа 1945 года. К тому времени сюда уже прибыли Тропаревы, Воробьевы, Виноградовы, Веселова, Шорина, Сиротина. Здесь был совхоз «Метсаяпиртти». Первым его директором был Александров, он сам ездил вербовать людей. Землю копали лопатами под рожь. Норма на одного рабочего — 3,5 сотки в день. Было две лошади — одна слепая, у другой нога простреленная. В 1945 году были хлебные карточки, давали 500 г хлеба на рабочего и 300 г на иждивенца. В дополнение к этому давали еще яичный порошок. Летом собирали колоски. Где

Запорожское

вышка в Хатаккала, там стояли военные, саперы. Их вызывали, если кто-нибудь находил мину или гранату. Сельсовет и почта были в Денисово. Электричества не было, и для освещения использовали керосиновые лампы. В 1956 году сделали свет от мельницы, его давали утром и вечером.

В 1948 г. Косела, как и все прочие населенные пункты волости, была переименована в административном порядке. Селение получило новое наименование «Речная». В первое послевоенное десятилетие деревня практически перестала существовать как отдельный населенный пункт, слившись с новым относительно крупным поселком Запорожское, фактически заново отстроенным на месте деревень Метсяпиртти и Косела и ставшим центром Запорожского сельсовета. Бывшая деревня Косела оказалась в центре данного поселка. В настоящее время там расположены здание администрации Запорожской волости, контора племзавода «Гражданский», почта*, детский сад и школа-девятилетка, в которой в настоящее время около 200 учеников. Здесь расположено также Государственное лесо-охотничье хозяйство (ГЛОХ). В 1960-х годах — поскольку район этот является главной усадьбой племзавода (племсовхоза) — были построены несколько двухэтажных жилых домов (первая двухэтажка появилась в 1962 г.), а в 1980-х — многоквартирные, с городскими удобствами, дома. Для удобства почтового обслуживания в поселке Запорожское (включая также и южную часть, где располагалась деревня Метсяпиртти) есть несколько улиц (причем некоторые из них проходят по автомобильным дорогам): Ленинградская, Механизаторов, Ладожская, Советская (где расположены многоэтажные дома), Луговая, Хвойная, Новоладожская.

По состоянию на 1 января 2000 года в Запорожской волости числилось — с учетом поселков Замостье и Пески (до войны — финские деревни Палкеала и Сиркиэнсаари, относившиеся к волости Рауту) — 2257 человек постоянного населения, количество хозяйств — 795. Основным поселкообразующим сельхозпредприятием является акционерное общество закрытого типа «Племзавод «Гражданский».

* Почтовое отделение «Запорожское» (индекс 188734) в настоящее время обслуживает населенные пункты Запорожское, Денисово, Пятиречье, Луговое (Стахановещ) и Удальцово (Светлана).

Тайпале Taipale – Соловьево

Древнее селище Тайпале, фигурировавшее в русских налоговых записях, в том числе, в «Переписной окладной книге Водской пятины» 1500 года, как Сванский Волочек (т.е. «волоок у оз. Суванто»), существовало как постоянное поселение уже в XIV–XV веках. Такой вывод можно сделать на основании результатов раскопок, проводившихся на огородах деревни Рыбацкое [ныне значащейся на картах как Соловьево], в 1980-х годах под руководством известного советского и российского ученого-археолога профессора Александра Ивановича Сакса, которые выявили наличие в культурном слое фрагментов керамических изделий, датируемых указанным периодом. Это место, фактически контролировавшее передвижение торговых судов и сухопутного транспорта через существовавший там до 1818 года перешеек, было очень удобным для строительства торгово-ремесленного поселения.

В XVI веке в городище насчитывалось 55 дворов. В шведских переписных материалах за 1618 год оно именовалось городом Тайпала (Taipala Stadh), который, наряду с Кексгольмом, обладал исключительным правом торговли. 3 июня 1651 г. город Тайпале был пожалован в качестве феодального имения статскому советнику барону Йохану Адлеру Сальвиусу, владельцу обширных территорий, занимавших большую часть волости Рауту. После Северной войны Тайпале утратил городской статус.

Согласно шведским данным, в Тайпале по состоянию на 1691 год зарегистрировано 12 человек, причем все они были безземельными крестьянами. Это Хейкки Тохтер, Симо Хаухияйнен, Самуэль Кяки, Юрье Каллонен, Эскель Ринкинен, Еро Тимошка, Юрье Лейнонен, Пиетари Лейнонен, Пиетари Лари, Юрье Яппинен, Грельс Хаухияйнен, а также мастер по строительным работам по имени Юрье.

С образованием в 1857 году глубоководной реки Тайпалеенйоки, постоянное устье которой образовалось на месте перешейка-волока, в Тайпале все большее значение начинает приобретать рыболовный промысел. В устье стала заходить из Ладоги рыба, прежде всего корюшка, поднимающаяся вверх по течению реки после схода льда. Кроме того, в устье удобно было хранить маломерные рыболовные суда и рыбацкие снасти, которые в случае шторма на Ладоге были

защищены от непогоды лучше, нежели при хранении на открытом всем ветрам берегу озера-моря.

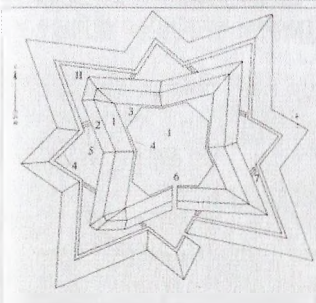
К 1930-м годам деревня Тайпале представляла собой небольшой населенный пункт, жители которого занимались рыболовством и сельским хозяйством. Сама деревня располагалась в устье реки на левом берегу, а на правом стояло несколько небольших деревянных домиков — там производили первичную разделку и сортировку пойманной рыбы. На картах эти строения значились как «калатуват» — «рыбные домики». По состоянию на 1939 год в деревне значилось 236 человек постоянного населения.



Илл. 62. Довоенная карта (конец 1930-х годов) с изображением местности, прилегающей к устью р. Тайпалеенйоки.

Ныне чуть севернее поселка Соловьево (быв. Тайпале) можно увидеть остатки — заросшие травой рвы и валы — располагавшегося здесь некогда фортификационного сооружения редутного типа — так называемого Улицкого шанца (на вышеприведенной карте он обозначен четырехугольным знаком с надписью Muinaislinna, что в переводе с финского означает «Древняя крепость»), построенного здесь предположительно в 1710-х годах. Укрепление строили выходцы из Улицкой части Великого Новгорода. Подобные редуты для обороны Санкт-Петербурга с севера были построены на Карельском перешейке также в районе озера Муолаанъярви (Мульский ретраншемент и Сувек-шанец) и у деревни Кивиниеми (Кивиниемский шанец).

Улицкий шанец: 1 — редут, 11 — ложемент, 1 — контрскарп, 2 — эскарп, 3 — валовая, 4 — банкет, 5 — траверс, 6 — ворота редута, 7 — ворота ложемента



Илл. 63. Схема Улиц-шанца, выполненная краеведом В.И. Смирновым на основании результатов проведения теодолитной съемки на местности.

Улицкий шанец (Улиц-шанец), равно как и остальные вышеперечисленные укрепления, имел сложный изящный

силуэт, бруствер высотой 1,3 м позволял стрелять через него стоя на земле. Восьмиметровые валы непосредственно шанца были окружены рвами, относительно хорошо сохранившимися до наших дней. В дальнейшем, согласно плану начальника инженерной службы русской армии Б.-Х. Миниха, составившего в 1729 г. проект нового штата крепостей, Улицкий шанец предполагалось подвергнуть модернизации и превратить в «пятиугольную бастионную крепостцу со стороны полигона в 128,4 м, с равелинами и прикрытым путем» (этот план был подан на рассмотрение царя Петра II, но так и остался на бумаге).

В годы советско-финской Зимней войны эта деревня вместе с расположенными несколько западнее деревнями Теренттила и Коукунниemi оказалась на линии фронта. Попытки советского командования прорвать здесь финскую оборону, чтобы затем развивать наступление на Кякисалми [ныне Приозерск], к успеху не привели.

10 декабря 1939 г. батальон под командованием капитана Василия Гавриловича Нетребы, воспользовавшись беспечностью финнов, покинувших промерзшие влажные бункеры, захватил два ДОТа в устье ручья Мустаоя. Финнам, однако, удалось на двое суток вернуть свои позиции обратно, но части РККА ценой больших потерь вновь овладели ими. Во избежание напрасных жертв финское командование отменило приказ о штурме ДОТов. А советское командование использовало факт захвата этих укреплений в пропагандистских целях: на агитлистовках с призывами сдаваться, забрасываемых в тыл финнам, были помещены фотографии красноармейцев на фоне занятых бункеров.

Другой бетонированный каземат — в излучине р. Каарнайоки — после ожесточенных боев 15 января 1940 г. также по халатности финнов попал в руки бойцов 15-го сп 49-й сд. Этот ДОТ, который финны называли «Луговой каземат», части РККА удерживали достаточно долго. После яростных атак финских войск оставшийся в бункере взвод красноармейцев запросил помощи и под прикрытием плотного артиллерийского огня сумел отойти к своим. Каземат вновь оказался в руках финнов, но ураганный огонь советской артиллерии заставил их бросить позиции и отойти назад. До конца войны лишь ветер да мороз были постоянными обитателями «Лугового каземата», который был уничтожен советскими саперами летом 1940 г.

Во время «войны-продолжения» в период с 1942 по 1944 год здесь были развернуты фортификационные работы: вместо полевых укрытий и нескольких полностью разрушенных в период Зимней войны железобетонных сооружений восточного фланга главной оборонительной полосы «линии Маннергейма» был построен участок новой линии, состоящей из малогабаритных железобетонных ДОТов, которые строились по т.н. американской технологии: при отливке внутреннего помещения накачивали воздухом специальный особо прочный резиновый шар с защитным покрытием, на поверхность которого укладывался раствор и арматура, а после достаточного высыхания конструкции шар спускали и переносили на другой аналогичный строящийся объект. Такая куполообразная форма сооружения способствовала рикошетированию снарядов при прямых попаданиях. Строились также железобетонные блиндажи для личного состава. После отвода финских войск осенью 1944 г. за линию новой границы эти железобетонные ДОТы и укрытия были взорваны инженерными подразделениями Советской Армии, и остатки их ныне можно видеть на высоком поросшем сосновым лесом



Илл. 64. Вернувшиеся из эвакуации жители деревни Тайпале Калле Маркстрём и Матти Хянькяйнен на пепелище своего дома. Снимок 1942 года.



Илл. 65. Поселок Соловьево (бывшая деревня Тайпале) 3 августа 2003 года.

холме, круто спускающемся к песчаному берегу реки, а также западнее и восточнее данного участка. Эта линия сооружений, построенная в 1942–1944 гг., называлась «линией ВТ» (VT-linja) — по названиям крайних фланговых населенных пунктов — Ваммелсуу (у Финского залива) и Тайпале (у Ладожского озера). Недалеко от этого холма, у дороги на Саапру [совр. Яблоновка] можно видеть развалины более крупного взорванного ДОТа конструкции 1940-х годов, также построенного финскими строителями в период 1942–1944 гг.

После военных действий в Тайпале приехали советские переселенцы, которые разместились в восстановленных финнами в 1943 г. домах. 14 января 1948 г. на заседании исполкома Саккольского сельсовета было принято решение переименовать деревню в «Жигулево», но это название не устоялось и было вскоре заменено на «Поселок рыбаков», а в дальнейшем на «Рыбацкое». Во всяком случае в сентябре 1978 года там стоял именно такой указатель. Это название в свою очередь тоже исчезло, и теперь на современных картах на месте деревни Тайпале стоит название Соловьево, появившееся в результате объединения соседних поселений.



Илл. 66. Приметы нового времени в поселке Соловьево.

Теренттия Terenttilä

Примерно в километре от деревни Тайпале, на том же берегу р. Тайпалеенйоки, выше по течению, находилась некогда деревня Теренттия, упоминание о которой имеется в «Переписной окладной книге Водской пятины» (1500 г.). В этой переписи данная деревня значится как «деревня в Терешкином взвозе у озера у Сванского» (вероятнее всего, по имени местного жителя, крещенного по православному обычаю). Более ранними упоминаниями о ней мы, к сожалению, не располагаем. Таким образом, можно с полным основанием допустить, что

топоним Теренттиля есть переименованное на финский лад производное от православного славянского имени Терентий, в просторечии — Терешка.

В записях, сделанных московскими переписчиками в переписной (писцовой) книге Водской пятины в 1568 году, данная деревня значится как Теренино: «Деревня Теренино у озера у Сванского Березов Наволок: Лаврик Федоров да сын его Самуилик, Иванко Павлов да сын его Васюк. Пашни две обжи, земля середняя».

Финскими исследователями упоминается и другое — карело-финское — название этой деревни — Рюттюля (топоним образован от фамилии Рюттю).

На протяжении всего XVII века в Теренттиля царит полное запустение. В 1631 г. там жил только Пертти Матинпойка (сын Матти), с 1646 по 1651 гг. — Ивашка Лукинов (Лукиянов?), а уже к 1691 году жителей в Теренттиля не стало вообще. Деревня начинает возрождаться спустя два десятка лет после окончания Северной войны: так, в 1740 г. налоговыми переписчиками здесь зарегистрированы 2 хозяйства, а к 1818 году уже 31.

Со временем Теренттиля становится относительно крупным для финляндской сельской местности населенным пунктом. Основные занятия жителей — рыбная ловля, земледелие и животноводство. К 1930-м годам в деревне жили люди с фамилиями Йорттика, Вискари, Паукку, Укконен, Раясола, Тойвиаинен, Мюёхянен, Суокас, Коппанен, Пярссинен и др. Одним из наиболее известных было семейство купца-коммерсанта Хейкки Пярссинена.

В старые времена в Финляндии, равно как и в России, крестьянские семьи были многодетными. Бывшая жительница деревни Теренттиля Элли Вискари в своих воспоминаниях пишет, что их семья состояла из 18 че-



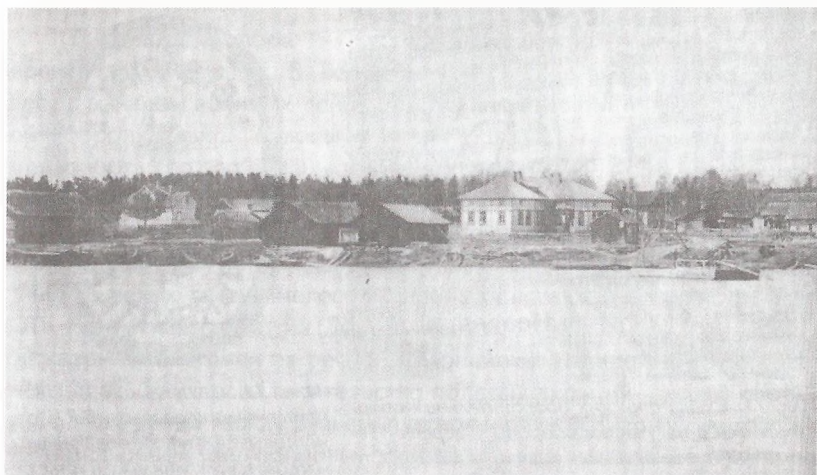
Илл. 67. Купец Хейкки Пярссинен с семьей.



Илл. 68. Здание народной школы в Теренттиля. Фото 1939 года.



Илл. 69. Причаливание парома к пристани на правом берегу (фотография конца 1920-х годов).



Илл. 70. Вид на паром и деревню Теренттиля с правого берега р. Тайпалеенйоки (до-военная фотография).

ловек, главой этой большой семьи, бабушка, мать отца, распоряжалась по хозяйству и следила за порядком в доме. «Хозяйство у нас было большое, коров много. Занимались мы в основном земледелием, как и те, кто жил по соседству. Мой дядя Каапре пытался стать коммерсантом, поскольку не имел тяги к земле, однако из этого у него ничего не получилось. Кроме того, ловили рыбу. Раньше, когда граница с Россией была открытой, рыбы старались наловить как можно больше. В России большим спросом пользовалась вяленая корюшка. Помню, стояло у нас в сарае, что рядом с ригой пять сушильных печей. Недалеко от нас жила семья, приехавшая из Ингерманландии, у них было двое детей — девочка Сайма и мальчик Суло»²⁷.

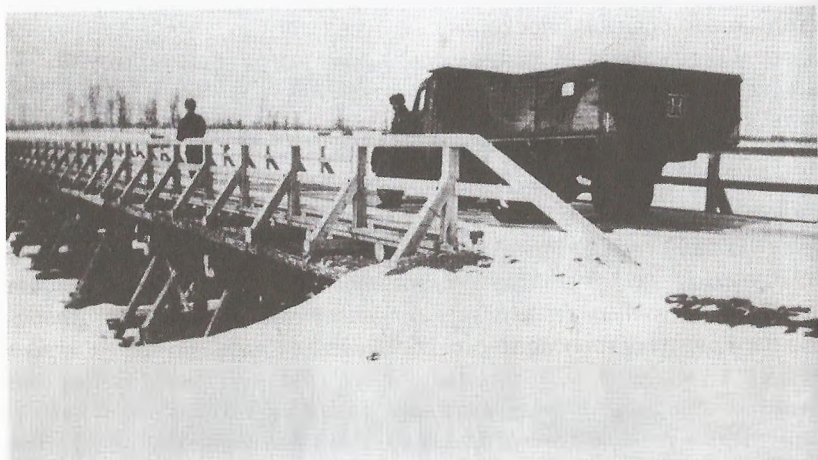
В 1909 году в Теренттиля открылась своя народная школа. В 1920-е годы начала работать паромная переправа — очень важное для всех восточных волостей финляндской части Карельского перешейка средство транспортного сообщения. Рядом с ней на левом берегу в середине 1930-х годов было большое количество всевозможных построек, принадлежавших в основном семейству Пярссинен, рядом стояли дом дворохозяина по фамилии Йортикка, дом Мауно Укконена и др. По состоянию на 1939 год в Теренттиля значилось 106 человек постоянного населения.



Илл. 71. Схема финских оборонительных опорных пунктов на участке обороны у деревни Теренттиля (из книги К.В. Якимовича «Тайпале. Сто дней кровопролитного сражения советско-финской войны 1939–1940 гг.» СПб., 2002).



Илл. 72. Навигационный знак, найденный краеведом В.Ю. Чекуновым в старом обвалившемся советском блиндаже в устье ручья Мустаоя 2 мая 1996 года; этот знак использовался в блиндаже предположительно в качестве столешницы. Он имел высоту примерно 1 м, был выполнен из обычной стали, на лицевой стороне на белом фоне с красной окантовкой – красный якорь.



Илл. 73. Мост, построенный финнами на месте бывшей паромной переправы у деревни Теренттиля.

В октябре—ноябре 1939 года в связи с угрозой войны жители деревни эвакуируются. В Теренттиля начинают прибывать войска: здесь с началом военных действий должен был пройти участок главной оборонительной полосы, поэтому полным ходом разворачиваются работы по укреплению уже существующих оборонительных позиций. Недалеко от деревни еще в 1920-х годах были построены (в устье впадающего в Тайпалеенйоки ручья Мустаоя) два небольших бетонных пулеметных каземата. Несколько небольших бетонированных огневых точек имелось в районе болота Теренттилянсуо, два ДОТа — «Нииттюкасемаатти» (Луговой каземат) и «Метсякасемаатти» (Лесной каземат) — стояли за речкой Каарнайоки. Незадолго до начала войны здесь началось строительство полевых укрытий и ходов сообщения. На участке между ручьем Мустаоя и речкой Каарнайоки создается батальонный узел обороны, состоящий из семи взводных опорных пунктов. И вскоре все это финнам очень пригодилось!

События, развернувшиеся у деревни Теренттиля в декабре 1939 г. — марте 1940 г., золотыми буквами вписаны в историю



Илл. 74. Финские ветераны возлагают венок на братском захоронении красноармейцев в начале 1990-х гг.



Илл. 75. На финском братском захоронении 1 августа 1991 г.

героической обороны Финляндии в период Зимней войны, и людям этой страны есть чем гордиться. Несмотря на значительный перевес в силах, танковые атаки, бомбовые удары с воздуха и артобстрелы с кораблей и с суши, 19-й полк 142-й дивизии и части 49-й и 150-й дивизий смогли лишь незначительно потеснить здесь финнов, понеся при этом огромные потери. Останки многих красноармейцев, числившихся, кстати, как пропавшие без вести, оставались на этих полях незахороненными даже спустя многие годы после окончания Второй мировой войны.

В 1940 году советские саперы построили на месте бывшей паромной переправы деревянный мост, который, правда, простоял лишь до первого весеннего половодья. После восстановления он прослужил до начала войны и летом 1941 г. был уничтожен отступавшими с Карельского перешейка советскими войсками. В 1942 году, когда фронт стабилизировался примерно в 15 километрах юго-восточнее, финны построили рядом со старыми сваями свой мост, который по своей конструкции тоже не был достаточно прочным, чтобы противостоять весеннему ледоходу.

В 1940—1941 гг. советские саперы занимались здесь, однако, не только строительством. Они проводили планомерное уничтожение укреплений финской главной полосы обороны, подрывая оставшиеся бункера. Поэтому в период с 1942 по 1944 гг. рубеж в районе деревни Теренттиля снова усиленно укреплялся финскими строительными частями. На месте разрушенных укреплений появились новые железобетонные укрытия и гранитные надолбы. Здесь возводился участок линии «ВТ». Возвратившихся на родные места жителей было немного, но они все же успели восстановить свои дома и хозяйства.

Летом 1944 г., когда на Карельском перешейке повсеместно гремели бои, здесь было относительно спокойно. Учитывая опыт прошлой войны, советское командование, очевидно, решило не вести активных боевых действий на этом участке. Главный удар тогда был направлен на Выборг. Финны начали отвод своих войск с этих позиций лишь по приказу командования после заключения перемирия в середине сентября 1944 г.

После войны в деревню Теренттиля приехали советские переселенцы, которых разместили в нескольких оставшихся после финнов домах. 14 января 1948 г. на заседании исполкома Сакколь-

ского сельсовета было принято решение о переименовании Теренттиля и прилегающих к ней ненаселенных пунктов (Кирвесмяки, Коукунниemi и др.) в деревню «Большой Двор». Но это новое название осталось лишь на бумаге.

Территория деревни Теренттиля долгое время таила в себе такое количество взрывоопасных предметов, что появляться здесь

было небезопасно, да и страшновато: ведь в каждой ямке белели полуистлевшие человеческие останки. Проведение мелиоративных работ было связано с большим риском, трактористы неохотно соглашались боронить землю. Найденные останки перенесли в большую братскую могилу, над которой соорудили обелиск. Благодаря инициативе и энтузиазму следопытов-поисковиков и в наши дни в этих местах проводятся работы по захоронению праха безымянных солдат.

1 августа 1991 г. на бывших полях сражений у деревни Теренттиля состоялась первая встреча советских и финских ветеранов. Инициатором этого мероприятия выступила финская сторона, администрация Приозерского района в устной форме разрешила установить памятный знак над финским братским захоронением. Историко-краеведческое объединение «Карелия» принимало самое непосредственное участие в организации этой встречи с российской стороны. Такие встречи повторялись в течение нескольких лет.

На пустошах бывшей деревни Теренттиля члены ИКО «Карелия» установили два памятных знака. Первый, посвященный 180-летию образования реки Тайпалеенйоки, 23 мая 1998 года был воздвигнут на камнях старого фундамента у бывшей паромной переправы, однако спустя четыре года гранитная табличка с надписью «Тайпале» исчезла со своего места, а от камней основания не осталось и следа.

Второй знак — в память безымянных павших на этом плацдарме, был заложен весной 2002 г., но, ввиду недостатка средств, работы



Илл. 76. Памятник павшим на полях сражений бывшей деревне Теренттиля. Август 2006 г.

пришлось свернуть, и только летом 2006 года они были завершены. Хочется надеяться, что руки вандалов не коснутся его.

Коукунниemi Koukunniemi

Стоянки древних людей на мысу Коукунниemi были еще в X—XI веках. Свидетельством этого являются результаты археологических раскопок, проведенных финскими учеными в 1905, 1912, 1920 и 1922 годах: ими обнаружены площадки со следами трупосожжения (языческий обычай захоронения умерших). Кроме того, во второй половине XIX века известный финский ученый Теодор Швиндт обнаружил в тех местах остатки захоронения путем трупоположения, относившегося уже к христианскому периоду, а также фрагменты керамических изделий и бронзовую цепь XIV—XV веков.

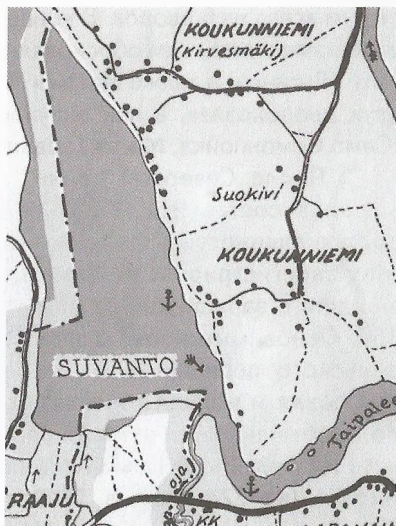
По данным авторов книги «Метсаяпиртти», название «Коукунниemi» известно с 1613 года. Такой вывод они сделали на основании использовавшихся ими переписных книг шведского периода.

Тем не менее, есть основания полагать, что эта деревня существовала и ранее, однако в русских переписных книгах ее название могло сильно отличаться от более позднего финского варианта. Так, в переписной (писцовой) книге Водской пятины, составленной московскими переписчиками в 1568 году, имеются упоминания о деревне Кирилов Наволок: «Деревня Кирилов Наволок у озера у Свансково: Пантелейко Васильев, Гриша Васильев, Михалко да Ондрюша Ивановы; а непашенных: вдова Оринка Могучево да сын ее Дениско. Пашни две обжи, земля середняя. Деревня Кирилов же Наволок у озера у Свансково: Демидко Тарасов з детьми с Пашком да с Олешою, вдова Марфица Занина да сын ее Васюк, Ортемко Панюй; да непашенных: Исак Иванов. Пашни две обжи, земля середняя. Деревня в Кирилове же наволоке у озера у Свансково: Федько Игнашов да Харка Лукьянов, Васюк да Иванко Константиновы; а непашенных: Васька Родивонов. Пашни две обжи, земля середняя». Таким образом, у некоего Кириллова мыса (слово «नावолок» означает «мыс») во второй половине XVI века имелось довольно значительное поселение — три деревни. Известный финский историк конца XIX — начала XX веков Й. Ронимус в своем исследовании, посвященном изучению «Переписной окладной книги Водской пятины» 1500 года и оп-

ределению на основании имеющихся в ней записей местонахождения древних карельских деревень, относительно поселения Кирилов Наволок сделал пометку: «Местонахождение неизвестно». Поэтому можно сделать всего лишь предположение (на основании некоторой схожести названий по созвучию, с учетом того, что в составе селения Коукунниemi была также деревня хуторного типа Кирвесмяки), что речь здесь идет именно о Коукунниemi. Кроме того, у Й. Ронимуса есть еще один комментарий — к другой записи, в которой говорится о «деревне на горке у озера у Свани»: он поясняет, что это «Коукунниemi в Метсъяпиртти, ранее Кирвесмяки и Лямяяки».

Деревня Коукунниemi фигурирует, в частности, в шведской «Поземельной книге Кексгольмского лена» (Kexholms läns Jordebok) 1631 года как Koukon Nemj с упоминанием дворохозяев: «Туомас Тиайнен, Антиппа Микифоров, Кирилка Филиппов» (Thomas Tjainen, Antippa Mikifarof, Kirilka Philipof). Финские исследователи полагают, что она получила название «Коукунниemi» не потому, что располагалась у мыса, имеющего форму крючка (фин. koukku — крюк, крючок, niemi — мыс.), а от фамилии «Каукойн» (Коукон), в разных написаниях встречающейся в записях по данной деревне в документах XVII века, составлявшихся в разные годы. Имеется и предположение, что название происходит от древнего имени Коуко, фигурировавшего в мифологических преданиях.

В XVII веке деревня Коукунниemi, как и другие населенные пункты района Метсъяпиртти, была малонаселенной: в 1631 г. в ней жили Туомас Тиайнен, Кирилка Филиппов и Антиппа Микифоров. Через пятнадцать лет из этих троих жителей в Коукунниemi упоминается лишь последний, но появились и новые люди — Прокофий и Гришка Пулмакайнены. Согласно данным за 1651 год, деревня со-



Илл. 77. Расположение деревни Коукунниemi (снимок с рисованной карты-схемы волости Метсъяпиртти (1975 г.))

стояла всего из 6 дворов. В конце столетия население деревни полностью изменилось: там обосновались Юхо и Юрье Сиитонены, Пиетари Ляти (Лятинен) а также Матти и Лаури Мюёхянен. В 1691 г., помимо двух дворохозяев, в ней значилось и 3 безземельных крестьянина (Симо Симонпойка, Матти Тарванен и Юхо Ханнукайнен).

После Северной войны, когда весь Карельский перешеек вошёл в состав Российской империи, наблюдался постепенный рост численности населения в деревнях. В Коукунниemi в 1724 году зарегистрировано 15 человек (государственные переписчики вносили в записи только лиц от 15 до 60 лет), а в 1818 году уже 150. Основными промыслами здесь, как и в других деревнях Карельского перешейка, были земледелие, животноводство, рыбная ловля и мелкая торговля. В первой половине XVIII века вошло в обычай группировать рядом стоящие хозяйства и присваивать им номера. В Коукунниemi на участке № 1 проживала семья Кирвес (в 1724 году, в 1740 г. — Укконен), на участке № 2 — Ляtti, а на участке № 3 — Мюёхянен.

Со временем деревня Коукунниemi стала представлять собой разбросанные по центральной и северной части образованного излучиной реки Тайпалеенйоки одноименного мыса крестьянские хозяйства и сельскохозяйственные угодья. Значительная часть полей и сенокосов в юго-восточной части мыса появилась после схода вод Суванто в Ладогу в мае 1818 года. Территориально эти хозяйства располагались так, что деревня состояла как бы из двух основных частей — северной (которая называлась Кирвесмяки и которая впоследствии считалась многими местными жителями самостоятельной деревней) и южной, причем со своими подъездными путями, отходившими от развилки примерно в полутора километрах южнее деревни Теренттиля. Кроме того, на мысу Коукунниemi располагались еще две небольшие деревеньки — Лехонкюля и Ляэмяки. В некоторых официальных документах деревня Кирвесмяки именовалась «Коукунниemi № 1», Лехонкюля и Ляэмяки — «Коукунниemi № 2», а южная часть — «Коукунниemi № 3».

В 1920—1930-х годах, когда эти земли находились в составе уже независимой Финляндской Республики, в Коукунниemi проживали люди с фамилиями Виили, Вискари, Йортикка, Киуру, Кякёнен, Лаулайнен, Лопонен, Ляtti, Налли, Наскали, Нуора, Месканен, Мюёхянен (наиболее распространенная фамилия), Пааккинен, Паукку, Ту-



Илл. 78. Пароход «Саймаа I Саккола».

окко, Укконен, Хюння. По состоянию на 1939 год в Коукунниemi, включая Кирвесмяки, значилось 226 человек постоянного населения.

Некоторые хозяйства Коукунниemi располагались вдоль восточного берега оз. Суванто. С открытием пароводного сообщения по Суванто в конце XIX века в Кирвесмяки соорудили небольшую пристань. Первое время по озеру ходил пароходик «Сяхкё», а в 1930-е годы эти рейсы совершало небольшое паровое судно «Саймаа I Саккола».

Бывший житель Кирвесмяки Калерво Паукку в своих воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Метсаяпиртти, край наш дорогой», пишет о том, что поселение Кирвесмяки берет свое начало на рубеже XVIII—XIX веков, когда в те места прибыл — то ли из России, то ли откуда-то из Прибалтики — новопоселенец по фамилии Рюёнё с женой. Оба они были люди грамотные, что в те времена являлось большой редкостью. Построив в том фактически безлюдном месте избушку, они положили начало поселению Кирвесмяки (по названию расположенного там холма, которое переводится на русский язык как «Топор-Холм», но происхождение этого названия нам не известно). В

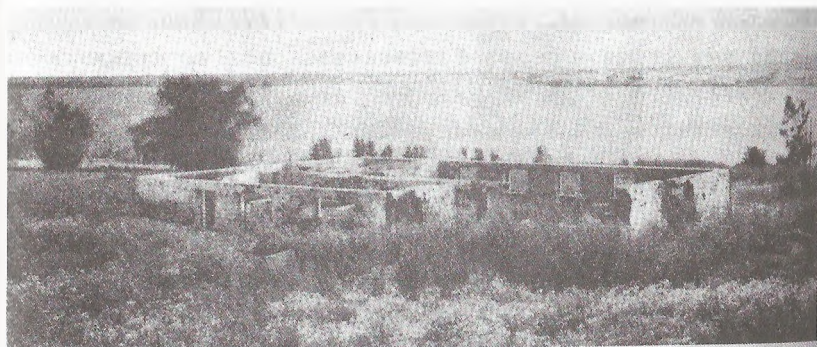
дальнейшем в Кирвесмяки появились и другие крестьянские хозяйства, владельцы которых носили фамилии Укконен, Хюння, Лопонен и Наскали.

Наиболее известной была крестьянская династия Укконен. Братья Симо и Мауно Укконен в 1930-х владели самыми хорошими угодьями не только в Кирвесмяки, но и во всей деревне Коукунниemi. Имели они и необходимый для их обработки инвентарь. Хозяйства у этих братьев были самыми крепкими, на их полях получали возможность заработка местные бедняки. Симо Укконен — единственный во всей волости Метсяпиртти владелец коров благородной айрширской породы.

Калерво Паукку пишет в своих воспоминаниях о том, что в 1929 (или 1930) году в начале лета разразилась страшная засуха: дождей не было в течение многих недель, урожай на полях стал желтеть и усыхать, то же происходило и на сенокосных угодьях, многие колодцы пересохли. А в один из дней загорелась крыша из дранки на коровнике Укконенов. Коровник сгорел полностью, вместе с находившимися в нем животными, поскольку вывести их было некому: из-за сильного жара к строению было невозможно подойти, поблизости были только одни женщины, все мужчины были на полевых работах. Потом огонь стал перекидываться на строения соседних хозяйств. Пожарная команда, выехавшая по вызову из Кивиниеми (ныне Лосево), за 40 километров от Кирвесмяки, прибыла на место с большим опозданием. В тот день сгорели многие жилые и хозяйственные постройки; этой участи избежали только те строения, которые располагались ближе к берегу, так как ветер дул со стороны Суванто.

Осенью 1939 года, когда на восточной границе Финляндии стало явственно ощущаться приближение войны, жители Коукунниemi были в организованном порядке эвакуированы.

6 декабря 1939 года на левом берегу р. Тайпалеенйоки высадились части 19-го сп 142-й сд, и начались жестокие бои за деревню Коукунниemi. Советское командование разделило ее на участки «Коукунниemi-Северный» и «Коукунниemi-Южный», а в советских газетах Коукунниemi окрестили городом! Ценой больших потерь части Красной Армии захватили полностью уничтоженную деревню, но у Кирвесмяки их продвижение было остановлено пятью правофланговыми взводными опорными пунктами финского батальонно-



Илл. 79. Это все, что осталось от когда-то находившегося здесь процветающего крестьянского хозяйства семейства Укконен.

го узла обороны. К марту 1940 г. частям 142-й, 49-й и 150-й стрелковых дивизий удалось захватить небольшой участок в южной части деревни Кирвесмяки. За время боев вся местность, прилегающая к этому участку финской обороны, была изуродована до неузнаваемости артиллерийским огнем с противоположного берега Суванто. От деревни не осталось практически ничего.

В период с 1940 по 1941 г. деревня Коукунниemi не восстанавливалась: все было разбито советской артиллерией, вместо деревьев торчали изуродованные осколками, с обломанными сучьями стволы-призраки, кругом стояли остовы сгоревшей советской боевой техники, земля была наспигована металлом войны, в том числе и неразорвавшимися снарядами. Кроме того, места эти находились на значительном удалении от других населенных пунктов, хоть как-то пригодных для размещения прибывающих советских переселенцев.

Летом 1944 года, когда уже приближался конец военных действий между СССР и Финляндией, сюда снова пришёл фронт. Линия финской обороны, усиленная массивными, способными останавливать танки «Т-34» и «КВ», гранитными надолбами, подходившими к самому берегу озера Суванто, была насыщена малогабаритными бетонными огневыми точками и убежищами, как и на других участках построенной в 1942–1944 гг. финской линии «ВТ». 142-я советская дивизия, вышедшая сюда правым флангом, была затем переброшена к Вуосалми, где намечался успех прорыва на левый берег Вуоксинской водной системы. В Коукунниemi же советское командование,

учитывая опыт прошлой войны, сочло целесообразным не создавать плацдарма на левом берегу и ограничиться лишь артиллерийскими обстрелами финских позиций и заброской туда нескольких разведгрупп, из которых, впрочем, ни одна не вернулась обратно.

После войны, когда на территории прежней финской волости Метсаяпиртти был создан совхоз «Запорожское», бывшие угодья деревни Коукунниemi стали использовать для выращивания в основном кормовых трав, а для доставки на левый берег реки Бурной (Тайпалеенйоки) сенокосной техники и для вывоза заготовленного сена была устроена паромная переправа, существующая и по настоящее время. Никаких населенных пунктов на территории мыса Коукунниemi не восстанавливалось. Тем не менее 14 января 1948 г. бывшей деревне Коукунниemi, объединенной с населенным пунктом Теренттиля, было присвоено новое наименование «Большой Двор». Сейчас об этом уже никто и не вспоминает. В течение длительного периода в 1960–1970-х годах здешние леса являлись охотничьими угодьями для высокопоставленной партийно-хозяйственной советской номенклатуры: до сих пор у дорог, в том числе ведущих к фундаментам деревни Коукунниemi, можно видеть деревянные вышки для охоты на дикого зверя.

На месте Кирвесмяки и сейчас можно увидеть одиноко стоящий недалеко от берега каменный цоколь хозяйственной постройки, относившейся к крестьянскому хозяйству Симо Укконена. Пустые глазницы оконных проемов и буйно растущая вокруг высокая трава, в которой с наступлением теплых дней начинают снова змеи, оставляют в душе проходящего мимо путника довольно тягостной ощущение.

Новое дачно-коттеджное строительство затронуло теперь и эти места. Спрятанный за высоким забором особнячок расположился прямо на бывшей линии фронта.

Нэусаари Neusaari

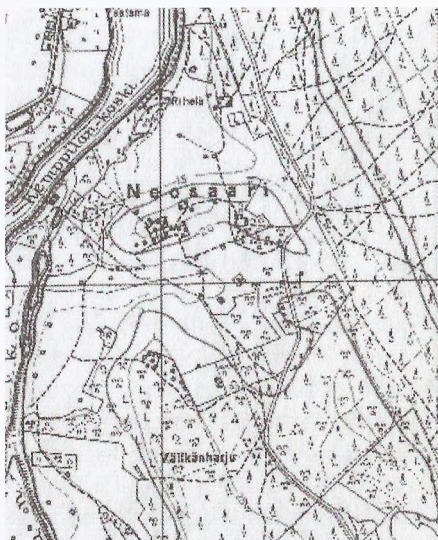
В «Переписной окладной книге Водской пятины» 1500 года и более поздних писцовых материалах (1539 г.) имеется упоминание о населенном пункте с названием «Остров Новое». С полным основанием можно полагать, что речь идет именно о Нэусаари, поскольку слово «Новое» как составную часть данного топонима иначе как

продуктом т.н. народной этимологии (т.е. превращением изначально-го названия в похожую по звучанию лексическую единицу другого языка) объяснить невозможно. Согласно данным 1539 года, деревня эта состояла всего из одного дома, которым владел Степанко Мосеев («Сеет ржи семь коробей, сена косит шестьдесят копен; полторы обжи, полсохи»). Упоминание об этой деревне есть и в «Поземельной книге Кексгольмского лена» 1631 года, где она значится как «Нэсула» (Neusula) и состоит всего из одного дома, хозяином которого был Педри Ройво (Pedri Roivâ), а затем Яакко (Яков?) Петров (не исключено, что он был сыном Петри Ройво). Известно, что этот единственный дом стоял там до середины XVII века, а в переписи 1691 года жителей в деревне уже не значилось.

В разных переписных материалах эта деревня называлась также Нэусала (Neusala), а в метрических книгах церковного прихода Саккола за 1735—1828 гг. (уже в период российского владычества) — Нэсур (Neusur). По мнению финского исследователя карельской топонимики Вильё Ниссиля, литературный вариант этого топонима — Нэвасаари (Nevasaari), который под влиянием местного диалекта преобразовался в Нэусаари. «Нэвасаари» в переводе на русский означает «Остров на болоте».

Деревня Нэусаари имела также и другое название — Кемппиля (собирательное значение от фамилии Кемппи).

Перед Зимней войной жителей в деревне было 60—70 человек (по более точным данным — 78 человек), включая детей. Там проживали семьи Каасалайнен, Кемппи, Кииски, Киннари, Коппанен, Коркка, Нуора, Пеллинен, Питкянен, Пулакка, Раухала, Туокко, Хейкконен.²⁸

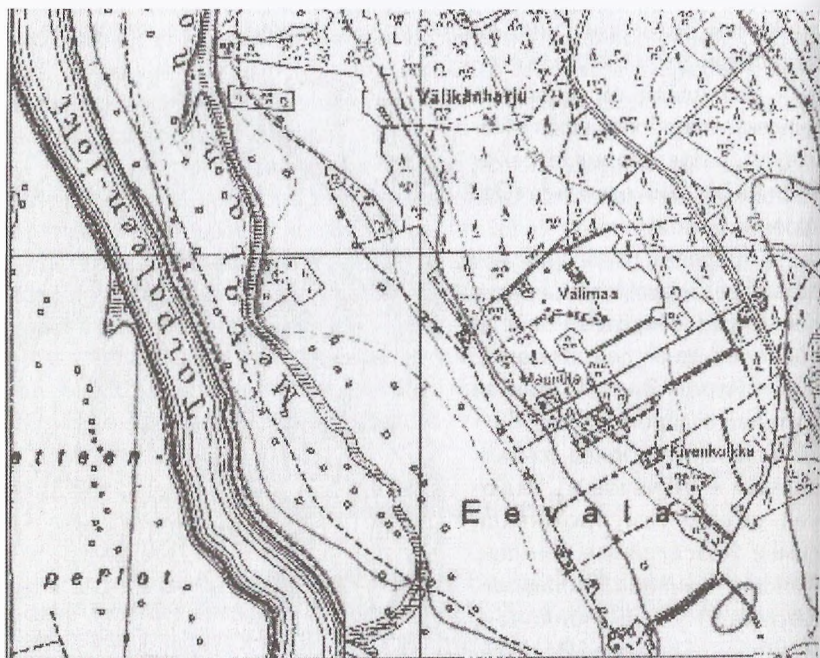


Илл. 80. Деревня Нэусаари на финской карте конца 1930-х годов («Нэосаари» — другой вариант написания названия).

Во ходе боевых действий деревня была сожжена, в советский период не восстанавливалась и не заселялась, поскольку на правом берегу Тайпалеенйоки был устроен охотничий заказник для высокопоставленных партийных чиновников. Теперь же местность начинает застраиваться коттеджами.

Эвала Eevala

Селение Эвала появляется на карте района Метсаяпиртти сравнительно поздно, во всяком случае, не ранее конца 50-х годов XIX века. Как известно, в результате схода воды и образования реки Тайпалеенйоки на месте бывшего залива у Тайпале оголились обширные участки дна, которые местные жители стали использовать как посевные площади и сенокосы. Устье этой реки до 1857 года постоянно забивалось наносным песком из Ладogi, и уровень Суван-



Ил. 81. Деревня Эвала на довоенной финской карте.

то периодически поднимался. После создания в Кивиниеми искусственного водостока из оз. Вуокси в Суванто увеличившийся объем воды в устье р. Тайпалеенйоки уже не могли остановить никакие песчаные наносы. Гидрологический режим озера и реки стабилизировался, а прилегающие к ним высвободившиеся в результате водоспуска участки местности больше не затоплялись. Со временем чуть севернее деревни Косела образовалось новое селение, жители которого в большинстве своем имели фамилию Ээва, поэтому и деревню стали называть Ээвала.

Бывшая жительница деревни Ээвала Айно Янтти (девичья фамилия Ээва) в своих воспоминаниях повествует о том, что в деревне было 17 дворов (очевидно по состоянию на предвоенный период), причем фамилию Ээва носили более 50 процентов ее жителей. Занимались в основном земледелием, разводили свиней, ловили рыбу. Кое-кто пользовался известностью благодаря своим особым талантам и профессиональным навыкам. Так, в деревне жили портной Эйно Ээва, сапожник Хейкки Ээва, кровопускательница и массажистка Анни Ээва, гармонист Теппо Ээва и скрипач Эльяс Ээва. Йоосеппи Ээва с 1918 г. по 1934 г. занимал должность председателя волостного (муниципального) комитета. После смерти Йоосеппи на эту должность избрали его односельчанина Альберта Ээва.

Из крестьян-фермеров наиболее известным был Эмил Ээва: в его хозяйстве имелся трактор, молотилки и другие механизмы. За определенную плату он подряжался молотить зерно и в других хозяйствах, разъезжая по деревням всей волости.

В деревне жили также люди с фамилиями Вискари, Коркка, Хинкканен.

В Ээвала (в семье упомянутого выше Йоосеппи Ээва) родилась и провела детство и юность известная впоследствии во всей Финляндии поэтесса Хелена Ээва. Свои первые стихи она стала сочинять еще в школьные годы. Еще до войны она поступила ученицей-практиканткой в кооперативный магазин Метсяпиртти, а в самом конце ноября 1939 года работала продавщицей в магазине в деревне Тайпале. Вместе со всеми ей пришлось пережить ужасы Зимней войны и потерю родного очага. В 1939 году ей было всего 15 лет. Ее брат Хейкки, сражавшийся на Тайпале, писал своим родственникам, вывезенным в эвакуацию: «Мы с Хеленой стояли на другом берегу Тайпалеенйоки и со слезами на глазах смотрели, как горят наши дома». Хелена проработала непродолжительное время в эвакуации в Финляндии, а затем переехала в Швецию.



Илл. 82. В родительском доме (снимок сделан летом 1930 года). Хелена Эва – в первом ряду крайняя слева.



Илл. 83. Хелена Эва.



Илл. 84. Хелена Эва в своем саду в деревне Эвала. Фото 1942 года.

должительное время в службе войскового продовольственного снабжения на участке Тайпале, однако командование вскоре отправило ее в тыл, поскольку она была еще слишком молода. А затем — эвакуация. В книге «Метсаяпиртти, край наш дорогой» есть несколько ее стихотворений, написанных под впечатлением увиденного во время войны — «Весна 1940 года», «Прощай, Карелия», «Тайпалеенйоки» и некоторые другие.

Оказавшись во время эвакуации в финляндском местечке Лайхиа, Хелена устроилась работать продавщицей в один из местных магазинов, хозяин которого был просто в восторге от ее эрудированности и природного поэтического дара. Через некоторое время в судьбе девушки происходит крутой поворот: с ней знакомится проживавший тогда в Лайхиа начинающий композитор Тойво Кярки, в дальнейшем получивший большую известность как автор мелодий популярных в Финляндии в послевоенные 1940—1950-е годы вальсов, фокстротов и танго. Он обращается к Хелене с предложением о сотрудничестве. Их первая совместная песня — «Серые глаза» (*Harmaat silmät*) вскоре зазвучала в радиозфере и со временем стала очень популярной в стране. При этом поэтесса пользуется псевдонимом Хеле Нэва, в дальнейшем она выбирает себе еще два псевдонима — Арви Тарвайнен и Ассер Тервасмяки.

Хелена Ээва закончила торговое училище в Миккели с самыми высокими выпускными оценками, сдала экзамены за курс полной средней школы (лицея), проявляла интерес к изучению высшей математики. Впоследствии она переезжает жить в Хельсинки, где работает бухгалтером в студии звукозаписи «Муסיикки-Фазер» и продолжает заниматься поэзией. Со временем она напишет большое количество стихотворений, которые будут положены на музыку. Автор располагает списком 154 эстрадных песенных произведений, слова которых написаны Хеленой Ээва. Среди них — «Серые глаза», «Когда умирает любовь», «Сиротские слезы», «Багульник», «Сто песен о любви», «Танго при луне», «Музыкант на скамейке» и многие другие.

Судьба деревни Ээвала, находившейся в непосредственной близости от правого берега Тайпалеенйоки, с началом Зимней войны была незавидной: при отступлении на левый берег финские войска, дабы как-то затруднить продвижение агрессора, сожгли здесь практически все дома и хозяйственные постройки. В начале декабря, когда Красная Армия стала предпринимать попытки форсирования реки, этот

участок местности был наводнен войсками армии вторжения, прежде всего пехотой и танковыми подразделениями, а также понтонно-мостовыми частями, обеспечивавшими наведение переправ через реку.

Сведениями о том, что происходило здесь в период с окончания советско-финляндской войны до лета 1941 г. автор не располагает. Однако известно, что после освобождения этих мест финской армией от советского присутствия в Эвала стали возвращаться из эвакуации ее жители; среди возвратившихся была и Хелена Эва, служившая как член женской организации «Лотта Свьярд» в системе армейского продовольственного снабжения. Силами солдат и местных жителей деревня в этот период была частично восстановлена.

Во время летнего наступления 1944 г. части 142-й дивизии Советской Армии выдвинулись правым флангом к реке Тайпалеенйоки, заняв позиции вдоль ее правого берега. В деревне Эвала до заключения перемирия в сентябре 1944 г. были расквартированы передовые части Красной Армии.

В послевоенное время на землях совхоза «Запорожское» и охотничьего заказника, часть земель бывшей деревни Эвала, выходящая к реке, использовалась как сенокосные и посевные угодья совхоза, а другая часть вошла в состав территории указанного заказника. Теперь здесь, как и везде, развернулось строительство дачных особняков для жителей Петербурга.

Рааю Raaju — Удальцово

Это селение, располагавшееся у южной оконечности озера Суванто, упоминается еще в «Переписной окладной книге Водской пятины» 1500 года как «Рай у озера у Сванского». В писцовой книге Водской пятины 1539 года мы встречаем запись: «Деревня Рай у озера у Сванского: сам помещик Матвей. Сеют ржи пять коробьи, сена косят дватцать копен; полтары обжи, полсохи. А старого доходу шло полчетверты гривны з деньгою, а из хлеба треть. А новой доход не идет, пашет помещик на себя». В писцовой книге 1568 г. имеются две записи: «Деревня Раево у озера у Сванского, а в ней крестьян: Огафон Лукьянов. Пашни обжа, земля середняя» и «Деревня Рай: Михалко Иванов. Пашни обжа, земля середняя».

По данным авторов-составителей (Сантери Вискари и Матти Кяхяри) вышедшей в Финляндии в 1953 г. книги «Метсяпиртти», в документах разных лет есть и другие варианты написания названия деревни: Raju (1613 ä.), Raiju (1638 ä.), Rajw (1678 ä.), в метрических записях по приходу Саккола за 1724 г. встречается вариант написания Rajju.

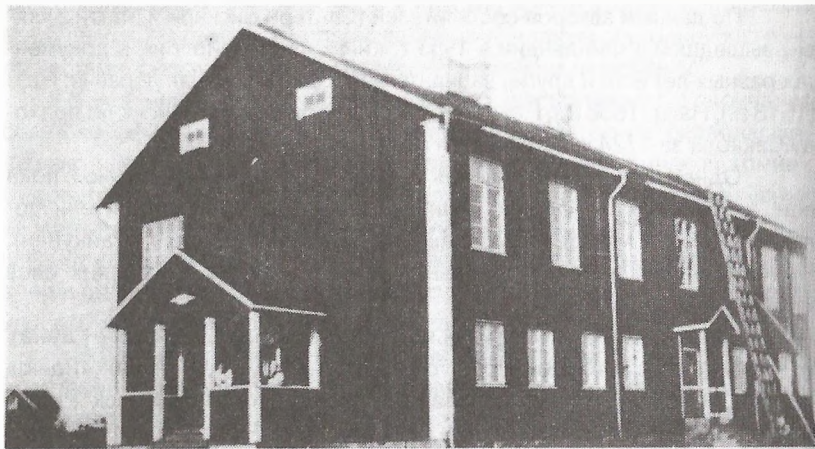
Однозначного объяснения этимологии топонима «Рааю» пока еще не существует, однако вышеуказанные авторы-составители полагают, что он может происходить от фамилии «Райку» (Райкунен). Имеются также версии толкования этого названия от русских слов «край» или «рай».

В шведской «Поземельной книге Кексгольмского лена» (Kexholms läns Jordebok) 1631 года деревня эта значится как «Райю» (Raiju), и в ней зарегистрировано три дворохозяина: Иваск Рюттю (Jfwask Rytty), Якоб Папа (Jakob Papa) и Обеан Рюдтю (Obean Rydty), они же — Ивашка Рюдц, Яакко Паксу и Абрам Рюдц. В те времена православных карел называли «рюсса» (от шведского слова *guss* — «русский», каковое впоследствии закрепилось в качестве заимствования в финском языке с приобретением уничижительно-презрительного оттенка). В Рааю в это время жил также Спиридон Иванов. Во второй половине XVII века деревня была приписана к имению Нильса (Ниило) Розенфельта, начальника бухгалтерии по должности, получившего еще 16 декабря 1651 года деревни Рииска и Нойсниими. В соответствии с высочайшим указом от 2 марта 1687 г. его сын, Нильс Розенфельт, квартирмейстер одного из полков шведской армии, получил пожизненное право пользоваться доходами от этого имения.

Количество хозяйств в деревне, как свидетельствуют записи в более поздних шведских переписных материалах — за 1646 и 1651 годы — оставалось прежним, а в переписи за 1691 год данные по деревне Рааю полностью отсутствуют.

В переписных материалах российского периода, начиная с 1724 года, отмечается значительный рост населения в данной деревне: если в указанном году в деревне было всего 10 жителей в возрасте от 15 до 60 лет, то к 1818 году их число возрастает до 108 человек.

Дома располагались вдоль длинной возвышенности, которая как бы окаймляла деревню с западной стороны. Между подножием этой гряды и берегом озера Суванто шла грунтовая дорога, от которой до берега местами было всего метров 50—100. Рельеф местности там и поныне такой же.



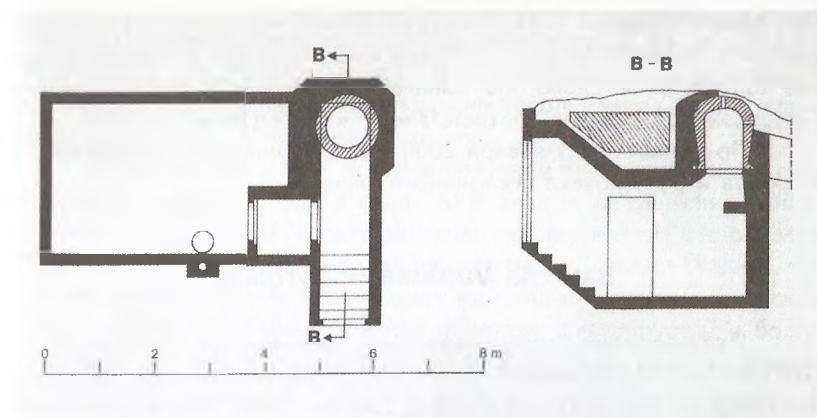
Илл. 85. Народная школа Рааю – Васкела (снимок 1938 года).

В 1930-е годы деревня была связана с другими населенными пунктами автобусным сообщением. По свидетельству Эльсы Туокко-Тауриайнен, бывшей ее жительницы, электричества в деревне не было. Ближайший магазин располагался примерно в двух километрах севернее, в деревне Рииска, где находились также мельница и пилорама.

Жители деревни в основном носили фамилии Корпелайнен, Ламппу, Туокко и Паксу. В довоенный период в ней проживало около 30 семей. Перед самой Зимней войной появилось несколько новых жилых домов. Основными занятиями жителей были земледелие и животноводство.

Когда образовалась волость Метсяпиртти, участок местности у юго-западного берега Суванто, где находилась деревня Рааю, был отделен от остальной части волости выходящей к южному берегу озера клинообразной полосой шириной примерно километр. Границы этого «клина» проходили с востока по ручью Тууснаоя [ныне р. Лосевка], а с запада — по ручью Порккуоя (ныне не имеет названия), впадавшим с юга в Суванто.

В 1922 году в Рааю открылась народная школа, которая до постройки собственного здания размещалась в доме Юхо Ламппу. Само школьное здание было выстроено на правом берегу речки Тууснаоя, рядом с шоссе Рауту — Метсяпиртти, недалеко от берега Су-



Илл. 86. Такого типа финское бетонное сооружение постройки 1942–44 гг., приспособленное в настоящее время под погреб, стоит в деревне Удальцово (Рааю).

ванто и пароходной пристани. В эту школу ходили дети из деревень Рааю и Васкела.

По состоянию на 1939 год в Рааю значилось 173 человека постоянного населения.

Сведений о судьбе деревни в период Зимней войны и последующей советской колонизации 1940–1941 гг. практически не имеется. В период 1942–1944 гг. у южной окраины Рааю был построен участок финской оборонительной линии «ВТ». И сейчас рядом с перекрестком асфальтового шоссе и грунтовой дороги можно видеть остатки небольшого бетонного ДОТа с маленькой площадкой угловатой формы, на которой когда-то стоял бронеколпак с узкой амбразурой. Аналогичное полностью сохранившееся бетонное сооружение, приспособленное уже под хозяйственные нужды, стоит в сотне-другой метров по другую сторону асфальтового шоссе. Оно предназначалось для размещения в нем пункта управления огнем данного участка обороны на линии «ВТ». По финской фортификационной классификации он относился к т.н. «категории 5» и для ведения наблюдения за местностью был оснащен бронеколпаком образца 1941 года.

Прибывшие по окончании боевых действий в Рааю советские переселенцы ничего особо примечательного о себе не оставили. Надо полагать, что разместились они в восстановленных финнами домах.

При переименовании 1948 г. малограмотные чиновники пытались переводить название Raaju на русский язык. Отыскав в словаре близкое по написанию слово *raju*, означающее «буйный», они нашли ему в русском подходящее соответствие — «Удальцово».

По данным на 1 января 2000 года, в Удальцово значилось 13 хозяйств и 34 человека постоянного населения.

Васкела Vaskela — Луговое

Эта деревня первоначально называлась Аркунтанхуа (Arkuntanhua). В «Поземельной книге Кексгольмского лена» 1631 года это название дается в форме «Орко Танхиа» (Orko Tanhia), в деревне тогда был зарегистрирован один дворохозяин — Андерс Терфвойн (по-фински это имя звучит как Антти Тервонен). В шведских переписных документах более поздних лет написания этого топонима несколько отличаются от указанного, однако звучат примерно одинаково. В 1646 и 1651 годах в деревне также один двор. В 1652 году казначей Йонас Петерссон получил в качестве феодального имения несколько деревень в волости Саккола, в том числе относившиеся к району Метсяпиртти деревни Дирккала и Аркунтанхуа. Это имение было возвращено в ведение государства в 1683 году. В период с 1691 г. по 1740 г. жителей здесь вообще не значится. Лишь в 1750 году фиксируется некоторое их количество — 9 человек (в возрасте от 15 до 60 лет), а к 1818 году оно возрастает до 86. В первой половине XVIII века в Васкела (Аркунтанхуа № 11) жители носили фамилию Трофимов.

Название «Аркунтанхуа» пришло, по всей видимости, из района деревни Суденхянтя, что в волости Саккола, на южном берегу у середины озера Суванто, где местность была примерно такая же; данный топоним произошел от выражения «орко танхуа» (*orko tanhua*), что в переводе означает «выгон в низине» (т.е. речь идет о низменном участке местности, где проходит дорога или находится место для выгона скотины на пастбище). Такое же название получила и деревня, расположенная в непосредственной близости от берега Ладоги, что рядом с деревней Сааройнен. В официальных документах, начиная с середины XVIII века, мы встречаем названия «Аркунтанхуа 11» (в XVIII веке она называется также «Васкела») и «Аркунтанхуа 12» (другое название — Лявякюля, т.е. «деревня со скотным двором»). Данная

нумерация, которая появляется не ранее этого периода, связана, по всей видимости, с необходимостью официального учета земельных угодий с одним и тем же названием, расположенных вдоль озера Суванто и приписанных к одному помещицкому имению.

Название «Васкела», которое поначалу было неофициальным, появилось, очевидно, в 20-х годах XVIII века: в метрических книгах прихода Саккола в 1724 году зарегистрирован житель Тимо Васке (Timo Waske), а в 1728 году — Дроким Васко (Drokim Wasko). По всей видимости, это переиначенные на финский манер славянские имена и фамилии. Однако данная фамилия фигурирует и в более ранней записи — 1696 года, сделанной по деревне Лапанайнен (Васкела же располагалась практически рядом), где был зарегистрирован, в частности житель Пол Ваский — Pähl Waskij (Павел Васькин?).

Финский ученый М. Акиандер* сделал предположение, что топонимы «Васкела» в Метсяпиртти и «Васкнарва» в Эстонии имеют прямую связь — то есть либо какие-то жители Васкела переселились в Эстонию, либо же выходцы из эстонских земель поселились некогда в Васкела. Однако существует также и передававшаяся из уст в уста следующая легенда: упомянутый выше Тимо Васке (Тимофей Васькин?) и его брат Овдоким перебрались в эти места из России (возможно, из одного из православных ижорских приходов Ингерманландии) и поселились здесь, на берегу полноводного озера Суванто под большим вязом. Согласно этой легенде, у одного из братьев было 4 сына, которые построили здесь хутора Йерола, Рипаккола, Иллкала и Рохкола, а у другого брата было 5 сыновей, которые стали родоначальниками хозяйств Миккола, Анттила, Лаурила, Ларила и Питкяля (все эти местные топонимы даны в виде более поздних финнизированных вариантов, изначально же эти названия могли иметь славянское звучание).



Илл. 87. Маттиас Акиандер (1802–1871).

* Маттиас Акиандер — один из основателей созданного в 1831 г. Общества финляндской литературы, 1860–1870 гг. — его председатель. Автор научных трудов по истории Ингерманландии и Выборгской губернии.



Илл. 88. Дом в деревне Васкела, в котором жила Ларин Параске.

Практически все жители Васкела были православными, приписанными к православному приходу, церковь которого находилась в деревне Палкеала, что в волости Рауту. Поскольку они старались соблюдать традиции православия, у них не было принято заключать браки с представителями других конфессий, в том числе и с лютеранами. Кроме того, согласно этим традициям они носили те имена и фамилии, которые им давались при крещении (напр., в метрических книгах писали: «Андрей Петров Сидоров, Андрей Александров Сидоров, Николай Михайлов, Григорий Еремеев, Гаврил Степанов»). Кроме перечисленных, в Васкела в разные годы можно было встретить следующий фамилии: Яяска, Таскинен, Трофимов, Пахомов, Хеймонен, Йокиранта, Месканен, Коскиваара, Подушкин, Вялиярви, Коскинен, Коппанен, Рекконен, Ляпикиви. Жители с финскими фамилиями появляются в деревне в основном начиная с 1921 года.

Деревня Васкела получила известность прежде всего в связи с тем, что здесь прожила почти всю свою сознательную жизнь выдающаяся ингерманландско-карельская народная сказительница Ларин Параске.

Настоящее имя этой ставшей впоследствии знаменитой во всей Финляндии простой женщины-крестьянки — Параскева Степанова (по мужу), ее девичья фамилия — Никитина. Родилась она 27 декаб-

ря 1833 года (8 января 1834 г. по новому стилю) в деревне Мякиенкюля прихода Лемпаала (Лемболово) в Северной Ингерманландии, в ижорской семье местного крепостного крестьянина Никиты Никитина. Когда в 1848 г. умерла ее мать, Татьяна Васильевна, а в 1851г. — отец, Параскева решила уйти на родину своей матери, в деревню Васкела, где в 1853 году она выходит замуж и становится хозяйкой в доме Гаврилы Степанова, который был старше ее на 20 лет. За свою невесту Гаврила уплатил помещику, от которого ухаживала Параскева, 24 рубля денег. Крестьянское хозяйство жениха называлось Ларила или, по-иному, «Ларин тупа» — «изба Ларила», а посему в просторечии местные жители стали называть молодую на местный лад — Ларин Параске.



Илл. 89. Ларин Параске.

Доля ей, однако, выпала нелегкая. Муж вскоре заболевает, и ей одной приходится тянуть на себе все хозяйство — пахать, сеять, косить, убирать урожай. Поскольку люди уже заметили в ней врожденный певческий дар, ее приглашают петь на разных торжествах, на похоронах — это был ее дополнительный заработок. Кроме того, она иногда даже нанимается в бурлацкие артели, которые тянули грузы водой по реке Тайпалеенйоки.

В 1877 году «избу Ларила» посетил собиратель народного фольклора Аксель Борениус (Ляхтеенкорва), за время этого визита он записал 24 песни, которые ему напела сказительница. А в 1887 году к ней приехал священнослужитель, историк и собиратель фольклора Адольф Неовиус, и Ларин Параске пела ему целых два дня.

Через три года после этой встречи Неовиус приглашает сказительницу в дом своей семьи в г. Порвоо, где она прожила более двух лет (с 1891 года). За это время коллекция фольклорных записей у Неовиуса заметно пополнилась. В 1893 году он издает первую книжку песен Ларин Параске, и это не прошло мимо внимания прессы. В литературно-критическом журнале «Валвоя» («На-

блюдатель») известный финский поэт и публицист Микко Уотинен отмечал, что песни Ларин Параске отражают «точную картину песенных традиций Северной Ингерманландии, которых придерживаются и в некоторых районах юго-восточной Карелии... Эти песни по своей поэтической форме, тонким сравнениям, взятым из самой природы, по своим мыслям являют собой ценнейшие поэтические произведения».

В 1891—1893 годах ее портреты пишут известные финские художники Э. Нордлунд, Б. Лагерстам, А. Эдельфельт и Э. Ярнефельт, а композитор Ян Сибелиус записывает мелодии ее песен.

В мае 1893 года Ларин Параске возвращается в Васкела. С этого времени она часто болеет и материально бедствует. В 1899 г. ее избу и участок земли продали с молотка за недоимки, и она была вынуждена переселиться в соседскую баню.

В 1901 году Общество финской литературы назначает ей ежегодную пенсию в размере 100 марок. Сын Васле вскоре выкупает ее избу, и последние дни великая сказительница доживала в своем доме. Скончалась она 3 января 1904 года. Похоронили ее на православном кладбище в деревне Палкеала [ныне Замостье]. В 1911 году на ее могиле Молодежное общество Южной Карелии установило памятник, который обошелся в 450 марок (треть этой суммы была получена от Общества финской литературы). Торжественное открытие памятника состоялось 6-го августа 1911 года в присутствии большого количества собравшихся. На открытии выступил с речью поэт Микко Уотинен, представители от волости Метсяпиртти возложили венки.

На памятнике было выбито четверостишие на финском языке, взятое из песенного творчества великой сказительницы:

Приносил мне песни ветер,
Ледяной порыв весенний,
Их ко мне толкало море,
Гнали их морские волны

(переложение на русский язык Олега Мишина)

По состоянию на 1939 год в деревне значилось 191 человек постоянного населения. После проведения в конце XIX века генерального межевания и распределения земель между крестьянами за дерев-

ней числилось 190 га пахотных земель, а общая площадь всех угодий составляла 1035 га. Последние жители покинули Васкела в июне 1944 г.

В 1945 году здесь был организован колхоз «Стахановец». По постановлению общего собрания колхозников зимой 1948 г. деревня Васкела получила переводное наименование «Медное», но затем ей сменили название на «Заповедное». В ходе дальнейшего укрупнения хозяйства деревня Васкела была объединена с деревней Йоуссейла, ранее переименованной в «Луговое». Впрочем, у местных жителей иногда используется также название «Стахановец». По состоянию на 1 января 2000 г. здесь числилось 16 постоянных хозяйств и 33 человека постоянного населения.

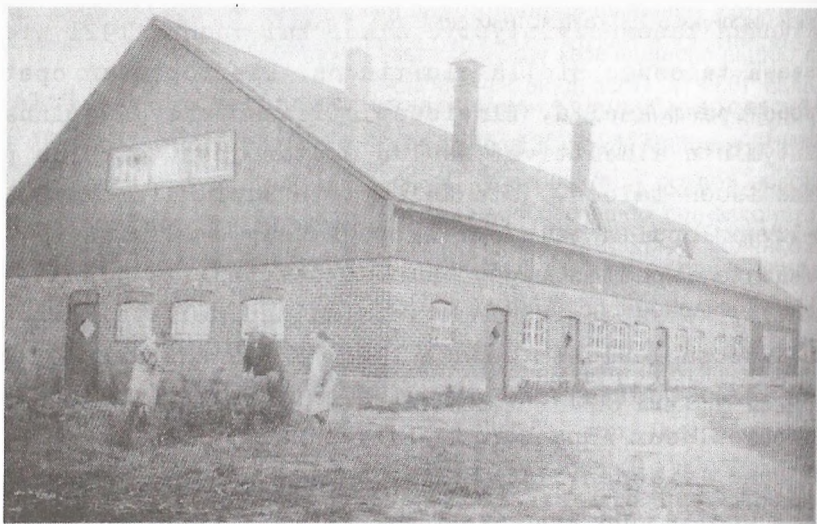


Илл. 90. Сын Ларин Параске Васле.

В 1990-х годах бывшие жители довоенной волости Метсяпиртти привели в порядок могилу и памятник Ларин Параске. Этот памятник в настоящее время можно увидеть на старом православном кладбище у бывшей деревни Палкеала.

Лапанайнен Lapanainen

Название деревни упоминается как «Лапанайс» в шведских поземельных регистрационных записях 1613 года. Происходит оно, по-видимому, либо от русской фамилии «Лобанов» (Лабанов), либо же от финской фамилии Лапанайнен. И та, и другая фамилия встречаются в районе Саккола, в регистрационных документах 1627 и 1634 годов есть упоминание о некоем Антти Лапанайнене. В XVII веке в деревне Лапанайнен жителями значатся Антти Лауринпойка (сын Лаури) и Хейкки Метсо. Во второй половине XVII века деревня была приписана к имению начальника бухгалтерии Нильса Розенфельта. 2 марта 1687 г. пожизненное право пользоваться доходами от этого имения получил его сын, Нильс Розенфельт, квартирмейстер одного из полков шведской армии.



Илл. 91. Новый коровник, выстроенный Альбертом Хатакка (снимок 1939 года).



Илл. 92. Деревня Хатаккала на рисованной финской карте-схеме волости Метсепиртти.

В XVIII веке в деревне жили люди с фамилиями Налли и Васкелайнен. По данным упоминавшегося выше П. Кёппена, известного русского географа и исследователя истории древних финских народностей XIX века, Лапанайнен была исключительно ижорской деревней, и в 1848 году в ней насчитывалось 138 человек. Жители в основной своей массе были православными и приписаны к православному приходу Палкеала. По состоянию на 1939 год в деревне значилось 146 человек постоянного населения.

В военные годы деревня дважды лишалась своего корен-



Илл. 93. Вид с холма Хатаканмяки (отметка 85 – «гора Отрадная»), открывающий-ся в северо-восточном направлении. Снимок сделан 4 августа 2003 г.

ного населения, и дважды в нее прибывали советские переселенцы. В 1948 году деревню Лапанайнен объединили с ранее переименованной в «Луговое» деревней Йоуссейла. В 1950-х годах на ее землях располагались угодья колхоза «Стахановец». В настоящее время эта территория относится к волостному центру Запорожское.

Палониemi Paloniemi

Это была малонаселенная деревня в западной части волости, у ручья Тууснаоя, служившего административной границей с волостью Рауту. Название деревни можно перевести на русский язык как «Горелый мыс» — под этим понимается, по-видимому, участок местности, выжженный лесным пожаром либо в результате применения древними жителями подсечно-огневого способа расчистки угодий под сельское хозяйство. С волостным центром деревню связывала лесная дорога, такие же дороги и лесные тропинки вели и в деревни соседней волости Рауту. По всей видимости, она появилась только после Северной войны, поскольку какие-либо данные о ней в шведских документах XVII века отсутствуют.

В переписи, проведенной в 1724 году, населения здесь никакого не значится. В 1740 году здесь зарегистрирован 1 человек, с 1750 по 1780 гг., согласно переписным материалам, 3 человека, а в 1818 году — 7 (в возрасте от 15 до 60 лет, поэтому действительная численность могла быть на порядок больше). По состоянию на 1939 год в деревне значилось 55 человек постоянного населения.

Согласно используемой нами в качестве информационного источника составленной в 1975 г. рисованной карте-схеме волости Метсаяпиртти, деревня эта существовала и в 1930-е годы. Судя по всему, она могла быть некогда частью деревни Йоуссейла, расположенной на другом берегу ручья Тууснаоя, на территории волости Рауту, и была передана в состав волости Саккола (а с конца XIX века — Метсаяпиртти) при проведении межволостного административно-территориального размежевания.

В советское время эта деревня уже не существовала, как не существует и по сей день.

Хатаккала Hatakкала

Деревня Хатаккала находилась примерно в 3-х километрах южнее приходского центра Метсаяпиртти. Название «Хатаккала» впервые упоминается в составленном шведами в 1616 году списке заброшенных угодий как Hatakкала öde — «пустошь Хатаккала». Топоним этот происходит от карело-финской фамилии Хатакка, которая встречалась в уезде Яяски еще в 1543 году, когда он находился в составе Швеции. По всей видимости, первые поселенцы, носившие эту фамилию, пришли в район Метсаяпиртти именно оттуда.

В «Переписной окладной книге Водской пятины» 1500 года упоминается деревня под названием «Пустошь». По мнению занимавшегося исследованием этого документа известного в конце XIX — начале XX века финского ученого Й.В. Ронимуса, это «деревня на речке Виисйоки в Метсаяпиртти». Кто знает, может, речь действительно идет о том месте, которое позднее стало называться Хатаккала, поскольку русло Виисйоки проходит совсем недалеко.

В шведской «Поземельной книге Кексгольмского лена» 1631 года в деревне Хатаккала (Hatakåla) значится дворохозяин Ларс Хендриксон (Larss Hendrichsson), по другим сведениям там же проживал и бобыль Хатакка.

Деревня находилась в живописном месте. С возвышенности открывался прекрасный вид на многие километры. Дома деревни располагались как у дороги, так и вдали от неё. Одним из наиболее известных в предвоенные годы жителей был Альберт Хатакка, владелец добротного хозяйства. По состоянию на 1939 год в деревне значилось 144 человека постоянного населения.

В 1948 г. деревня Хатаккала в административном порядке была переименована в «Загорное». С этим названием она вскоре и исчезла. Ныне поля бывшей деревни Хатаккала используются племзаводом «Гражданский» как пастбищные угодья и сенокосы. Никаких жилых построек в настоящее время на этом участке местности нет.

Мартинкорхола Martinkorhola

Эта деревня располагалась практически рядом с деревней Хатаккала, являясь как бы ее продолжением. В свое время, как и Хатаккала, она входила в состав деревни Корхола, упоминавшейся как «Коргола» в «Переписной окладной книге Водской пятины» 1500 года. В некоторых записях, датирующихся XVII веком, встречается название Мякикорхола, со временем изменившееся на Мартинкорхола. Так называли часть деревни Корхола, расположенную на высоком холме, который позднее был известен как Хатаканмяки и с которого на многие километры открывается прекрасная панорама практически в любую сторону. Относительно происхождения этого названия точных данных нет, однако можно предположить, что оно подразумевает «часть деревни Корхола, где проживает Мартти».

В первой трети XVII века в деревне имелось 3 двора, в которых проживали Маркку Клеметинпойка (сын Клеметти), Олави Хирмайнен и Йоан Мискайнен. Позднее упоминается лишь хозяйство Сентьки Диркинена, а к 1691 году там не осталось ничего. Согласно записям, сделанным уже российскими переписчиками, число жителей в возрасте от 15 до 60 лет в данной деревне в 1740 году составляло два человека, а в 1818 году — уже 30. В XVIII веке здесь проживали крестьяне с фамилиями Метсо, Хаапсаари, Каллонен, Иммонен. По состоянию на 1939 год в деревне значилось 110 человек постоянного населения.

В настоящее время на месте деревни расположены выгоны для скота и сенокосные угодья.

Малакки Malakki — Денисово

Этот топоним упоминается в форме «Малакис» (Malakis) в поземельной книге, составленной в 1728 году «ревизионным» комитетом, назначенным — в связи с окончанием Северной войны и включением



Илл. 94. Вид на деревню Малакки. Фото 1930-х годов.

всего Карельского перешейка в состав Российской империи — для проведения учета населения, земельных угодий и перерасчета налогообложения. Кроме того, существовало и параллельное название — Хариккала. Исходный топоним «Харикан Бю» (т.е. «деревня Харикка») упоминается в «Поземельной книге Кексгольмского лена» 1631 года, в которой указаны имена и фамилии двух дворохозяев — Хинрих Рийпа (Hinrich Rijpa) и Пер Кiekро (Peer Kiekra). Известно также, что в 40-х годах XVII века здесь жил некий Малассу Пуйкконен, от имени которого, вероятно, и пошло новое название деревни — Малакки. Следует отметить, что и в конце 1930-х годов местные жители в просторечии называли свою деревню «Малатсу» (Malatsu). Имя собственное Малассу (или Малатсу) является, по всей видимости, финнизированным на местный лад вариантом православного имени Малафей. По состоянию на 1939 год в деревне проживало 39 человек.

Перед советско-финляндской Зимней войной в деревне насчитывалось не более 10 домов. Жители оставили деревню в начале декабря 1939 г. О советских переселенцах 1940 г. сведений не имеется. В 1945 году селение, включенное в состав Раутовского района, начали интенсивно заселять выходцами из Ярославской и Кировской областей. В деревне размещался Малакский сельсовет, образована сельхозартель, впоследствии колхоз «Новая

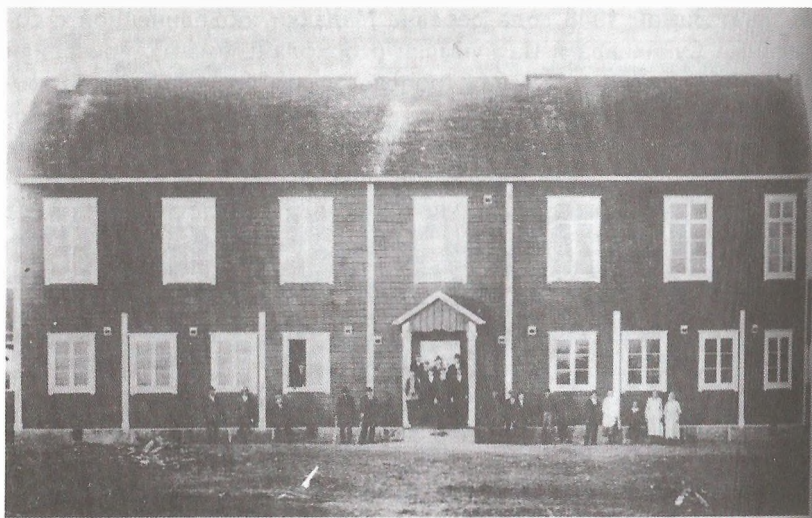
жизнь». Зимой 1948 года деревне Малакки, объединенной с соседними Суниккала и Паукунмяки (Корхоланъяама 1), присвоили наименование «Кургановка», обосновав это решение «*географическими условиями*». В июле того же года комиссия по переименованию в угоду идеологическим установкам изменила название на «Денисово», обосновав последнее фразой: «*в память о погибшем воине*». Селение Малакки находилось далеко от Вуоксы, где 11.07.1944 погиб лейтенант Ф.И. Денисов, однако похоронен он был в соседней деревне Сааройнен (ныне Пятиречье) в братской могиле. В настоящее время это разбросанный на довольно значительной площади поселок, где есть и дачные строения, в том числе появившиеся в последние годы. Здесь имеется небольшой сельский магазин и находится конечная остановка автобусного маршрута на Соново. По состоянию на 1 января 2000 г. в поселке Денисово числилось 27 постоянных хозяйств и 50 человек постоянного населения.

Паукунмяки (Корхоланъяама 1) Paukunmäki (Korholanjaama 1) — Денисово, центральная часть

Топоним «Корхола» (Korhola) упоминается в «Переписной окладной книге Водской пятины» 1500 года как «Коргола». В «Поземельной книге Кексгольмского лена» 1631 года в этой деревне (название записано как «Корхолан Яма» — Korholan Jama) значатся два дворохозяина — Афанасий Тенкайнен (Offonasi Denkainen) и Трофимка Григорьев (Drofimkâ Grigoriof).

Впоследствии Корхола разделилась на несколько отдельных деревень — в частности, появляется деревня Корхоланъяама. Составная часть этого топонима, «яама» (jaama), имеет русское происхождение и означает «ям», «почтовая станция», «постоялый двор». Со временем за деревней закрепилось название «Паукунмяки», что в переводе означает «горка Паукку» (от фамилии одного из дворохозяев).

В 1631 г. в Корхоланъяама еще числятся два хозяина православного вероисповедания, но спустя 15 лет там уже обосновались лютеране Туомас Мюёхянен и Лаури Курвинен. В Корхола, которая в 1691 г. включала в себя все маленькие деревни, расположенные вблизи друг от друга, в записях за этот год упомянуты в общей



Илл. 95. Здание народной школы в деревне Паукунмяки.

сложности 19 дворохозяев (с фамилиями Никкинен, Харвонен, Паукку, Хатакка (двое хозяев), Лиери, Саволайнен, Хаапсаари (пятеро хозяев), Хали (Халинен), Пуйкойнен (Пуйкконен) (трое хозяев), Тёрё и Курвинен (двое хозяев). Кроме того, в качестве бобылей (безземельных) упоминаются Хатакка, Пахния, Хайконен (двое), Пуйккойнен, Коллапяя, Колки, Харвонен и Татти. Жители деревни в основной своей массе были лютеранами. Основные занятия — земледелие и животноводство, некоторые нанимались на заработки.

В первой половине XVIII века в деревне Корхоланъяама жили крестьяне с фамилиями Хаапсаари и Паукку. В теплую погоду многие любили купаться в протекающей рядом неширокой и неглубокой речке Виисйоки.

В 1930-е годы в деревне насчитывалось 14 крестьянских домов, имелся магазин кооперативной торговли, а также располагалась народная школа, построенная вскоре после обретения Финляндией государственной независимости. Двухэтажное здание школы, построенное фактически по тому же проекту, что и школа Рааю — Васкела, стояло на возвышенном месте, которое называлось Вилламьяки. К этой школе был приписан район Йоэнтака (по названию соседней деревни, находившейся по другую сторону речки Виисйо-

ки), охватывавший весь т.н. «уголок Корхола». По состоянию на 1939 год в деревне значилось 89 человек постоянного населения.

Вероятно, боевые действия двух последних войн не нанесли большого ущерба деревне Паукуньяки. В 1945 г. прибывшие сюда советские переселенцы организовали колхоз «Новая жизнь». В дальнейшем деревня Паукуньяки была объединена с деревнями Малакки и Суниккала под общим названием «Денисово».

Йоэнтака Joentakа — Денисово, восточная часть

Вероятнее всего, деревня эта могла существовать еще в XV веке, будучи отнесенной к «Корголе», упоминаемой в «Переписной окладной книге Водской пятины» 1500 года, однако шведские власти, проводя перепись в XVII веке, по всей видимости, придерживались другого принципа учета, регистрируя как деревни компактно расположенные группы домов, имеющие свои названия, данные местными жителями в силу тех или иных местных условий (это относится прежде всего к топонимам Йоэнтака, Корхоланъяама, Хаапсари, Хатаккала).

Деревня Йоэнтака (на русский язык это название можно перевести как «Заречье») упоминается в шведской «Поземельной книге Кексгольмского лена» 1631 года как «Йоэн Такос» (Joен Takos) — отсюда, видимо, и пошел параллельный вариант названия — Йоэнтаус, встречающийся, впрочем, на некоторых финских картах 1930-х годов. В деревне, по состоянию на 1631 год, значилось 4 дома, хозяевами которых были Кнут Иллойнен (Cnutt Illoinen), Йонс Пуйкойнен (Jons Puikoinen), Йохан Лемети (Johan Lemeti) (или Лемметту, что на русский язык можно перевести как «Любимый») и Йормола (Ермолай?) Пуйкойнен (Jormola Puikoinen). Через пятнадцать лет там уже были жители с фамилиями Пуйккойнен, Алискайнен и Хатакка. Известно также и другое, появившееся, видимо, позднее, название деревни — Пуйккола (от фамилии Пуйкконен, каковая значится в шведских документах как «Пуйкойнен»).

В 1691 году, как свидетельствует шведская перепись, населения в деревне фактически не было. Затем — Северная война, после которой лишь в переписи 1740 года по данной деревне значится 9 человек трудоспособного возраста (от 15 до 60 лет). Перепись 1750 года реги-

стрирует 20 человек трудоспособного населения и 6 крестьянских хозяйств: участок № 1 принадлежал семейству Пуса, № 2 — семейству Хаапсаари, на участке № 3 жили хозяева по фамилии Торикка, а на участках № 4 и № 5 — хозяева по фамилии Пуйкконен. Угодья хозяйства № 5 наполовину находились во владении семейства, жившего на участке № 5 в деревне Метсяпиртти. В Йознтака в хозяйстве № 4 жил безземельный арендатор (торпарь) по фамилии Хаапсаари, а в хозяйстве № 5 — торпарь Луукконен. Семья, жившая на участке № 6, носила фамилию Хюнинен. Затем на участке № 2 поселились крестьяне по фамилии Паппинен, после них владельцем стал Пёллякка, а затем — Пуйкконен. Позднее происходит постепенное и довольно интенсивное увеличение численности населения: к 1818 году количество трудоспособных жителей возрастает до 141.

Со временем Йознтака превращается в довольно значительный по численности хозяйств и по площади лесных и полевых угодий населенный пункт карело-финского типа: дома отстояли один от другого на определенном удалении, поскольку местные жители стремились избегать — в отличие от традиций русского села — скученности застройки. Деревня была связана хорошо укатанными грунтовыми дорогами с деревнями Виисйоки, Паукунмяки (Корхоланъяама 1) и Корлее (волость Рауту). Жители ее занимались в основном земледелием и животноводством. По состоянию на 1939 год в деревне числился 421 человек постоянного населения.

Народная школа округа Йознтака, хотя и называлась так, находилась в соседней деревне Паукунмяки, за речкой Виисйоки. Как и другие народные школы, она имела классы 1-й ступени (1-й и 2-й) и 2-й ступени (с 3-го по 6-й). В классах обеих ступеней числилось в общей сложности более 1700 учеников — со всего «уголка Корхола».

Всему этому суждено было закончиться осенью 1939 года, когда началась эвакуация гражданского населения из приграничных районов и развернулось строительство линий заграждений у дорог, ведущих к советской границе. А вскоре началась и Зимняя война, которая окончательно перечеркнула надежды людей на дальнейшую нормальную жизнь в родных местах.

Сведениями о том, что происходило в данной деревне с весны 1940 г. по июнь 1941 г., мы не располагаем, однако, по всей видимости, она также подверглась переселению, как и основная масса населенных пунктов на аннексированной части территории Финляндии, где

сохранились некоторые жилые постройки. В период с августа 1941 г. по июнь 1944 г. этот населенный пункт находился в ближнем тылу финской обороны на приладожском участке фронта.

Весной 1945 году новые органы власти вторично приступили к реализации плана по переселению советских граждан в так называемые «новые районы». В Йознтака было намечено разместить 30 семей колхозников из Ярославской области. В 1948 году финское название благополучно перевели на русский и получилось «Заречье». На старых картах Ленинградской области можно встретить именно такое название. Но позднее, в связи с укрупнением населенных пунктов оно исчезло вовсе, и теперь здесь, у реки Вьюн, значится только один крупный поселок — Денисово.

Суниккала Sunikkala

Суниккала также являлась частью населенного пункта Корхола, упоминаемого в «Переписной окладной книге Водской пятины» 1500 года. В «Поземельной книге Кексгольмского лена» 1631 года значится деревня Сументка (Sumentka), в которой числилось 2 дворохозяина — Эмоска (Тимошка?) Куйсмин (Emoska Cuissmin) и Пол (Павел?) Халинен (Påål Halinen). В 1646 году в деревне Сументка было 3 хозяйства, в одном из которых значились крестьяне с фамилией Тёрё, но в 1691 г. она отмечена как пустошь.

В поземельной книге, составленной «ревизионным» комитетом в 1728 г. по поручению российских властей, деревня записана как Sunindka wijd Kerhola (т.е. «Суниндка рядом с Корхола»). Этимология данного топонима нам не известна.

В дальнейшем население в Суниккала появляется лишь спустя 15–20 лет после окончания Северной войны: в 1740 г. здесь значится 6 человек (по русской схеме регистрации, т.е. это люди от 15 до 60 лет), а в 1818 г. — уже 67 человек.

По состоянию на 1939 год в деревне значилось 83 человека постоянного населения.

После окончания Второй мировой войны эта деревня — если там даже и сохранялись какие-либо постройки — вероятнее всего, была отнесена к территории деревни Малакки (как это произошло, в частности, с деревней Паукунмяки), поскольку в плане расселения

колхозных семей, утвержденном в январе 1945 года, Суниккала не упоминается вообще.

Хаапсаари Haapsaari

Этот топоним впервые встречается — в форме «Хапасари» (Hapasari) — в шведских налоговых записях 1613, 1614 и 1616 годов. Несомненно, он имеет карело-финское происхождение (на русский язык переводится как «Осиновый остров» — названия такого рода были довольно распространенными в районах Карельского перешейка, примыкающих к Вуоксе). Что же касается фамилии Хаапсаари (какую носили основатели этого населенного пункта), то она встречается в записях по деревне Корхола (Корхоланъяама) лишь в 1691 году в форме «Хапсари» (Hapsari), т.е. в переименованном на шведский манер виде. В деревне Хаапсаари одно время жил также Лаури Каупинпойка (сын Кауппи).

В записях, сделанных в поземельной книге 1728 года, значится деревня «Хапсари», в которой проживает крестьянин Антти Ирьюнпойка (т.е. «сын Ирью») Хапсар.

Шведские записи за 1691 год свидетельствуют о том, что в деревне Хаапсаари населения не было вовсе, хотя в середине XVII века здесь ещё значилось одно крестьянское хозяйство. Деревня начинает возрождаться лишь спустя некоторое время после окончания Северной войны, и число жителей в возрасте от 15 до 60 лет постепенно увеличивается — с 4-х (в 1740 г.) до 48-ми (в 1818 г.).

К 1930-м годам в деревне уже насчитывалось примерно 15–20 домов, которые большей частью были расположены вдоль небольшого ручейка, впадавшего в речку Виисйоки. По состоянию на 1939 год в деревне значилось 167 человек постоянного населения.

О судьбе деревни в период Второй мировой войны и в послевоенные годы нам практически ничего не известно. В настоящее время эти места представляют собой пустошь, где нет никакого жилья.

Виисйоки Viisjoki — Пятиречье, западная часть

Деревня эта существовала уже к концу XV века, поскольку в «Переписной окладной книге Водской пятины» 1500 года есть за-

пись: «Визьяга на реце на Визьяге». В писцовой книге Водской пятины 1539 г. записано: «Деревня Визьяга на реце на Визьяге вопче, что бывала з земцы Слузовым: помещик Суморок. Сеет ржи восемь коробей, сена косит шестьдесят копен; полторы обжи, полсохи». В разных вариантах написания эта деревня отмечена в переписных материалах, составленных в разные годы в XVII—XVIII веках. Относительно её названия существует, в частности, такое предположение: в свое время, до водоспуска оз. Суванто в 1818 году, в этих местах было пять небольших речушек, впадавших в озеро — отсюда и название.

По состоянию на предвоенные 30-е годы XX века, деревня Виисйоки делилась на две расположенные на небольшом расстоянии друг от друга части — Ванхакюля, что в переводе означает «Старая деревня», и Харьюкюля — «Деревня на возвышенной гряде». Между ними располагалось здание народной школы, построенное за несколько лет до начала Зимней войны. В школе обучалось 364 ученика. Общие предметы преподавала Тойни Хакала, занятия по труду у мальчиков в 1930—1932 гг. вел Вяйнё Месканен, а после него, вплоть до начала Зимней войны, Аугуст Ахтиайнен.

Одно время в Виисйоки, в доме Тахво Пелтонена, действовал Сберегательный банк Метсяпиртти, переведенный сюда из Хатаканмяки, из дома торговца Абрама Хатакка. В 1933 году банк переехал в специально выкупленное для этого у прежних хозяев бывшее жилое помещение в приходском центре.

По состоянию на 1939 год в деревне значилось 212 человек постоянного населения.

Во время советско-финляндской войны 1939—1940 гг. деревня находилась в ближнем тылу советских войск, проводивших боевые операции на реке Тайпалеенйоки, а в период 1941—1944 гг. — в ближнем тылу финских войск, занимавших оборону в нескольких километрах юго-восточнее.

В 1945 году в деревне Виисйоки, вошедшей в состав Малакского сельсовета, создается колхоз «Красное утро». Тогда в деревне имелось всего 9 домов, в которые были вселены семьи, перевезенные из Кировской области.

Зимой 1948 года деревню переименовали в «Пятиречье», как указывалось в официальном обосновании — «по переводу с финского». В настоящее время Пятиречье представляет собой довольно

крупный поселок, в состав которого ныне входит также и территория находившейся неподалеку прежней деревни Сааройнен.

Сааройнен Saaroinen **— Пятиречь, восточная часть**

В «Переписной окладной книге Водской пятины» 1500 года есть запись: «Островца у Ладожского озера». Таким образом, это селение существовало уже к концу XV века. Такая же запись имеется и в писцовых книгах 1539 г. и 1568 г. — «Деревня Островца у Ладожского озера». В 1539 году в деревне был один двор, в 1568 г. — два двора и жил один бобыль. В шведских материалах за 1644 год здесь значится пустошь Сарио (Saries utmarck), однако уже в 1646 г. там живут Ерофей Лазарев и двое Лабановых (Лобанов?), а в 1651 году переписчики фиксируют три крестьянских хозяйства. В 1691 году единственным дворохозяином в Сааройнен был Хейкки Хюютяйнен, а бобылями значатся Пелтонен (двое), Пупутти (двое), Карьялайнен и Теппо. Деревня регистрируется в записях как «Саройс» (Sarois).

Во время Северной войны (1700—1721 гг.) селение это, вероятно всего, обезлюдело, поскольку перепись 1724 года не зафиксировала в деревне ни одного дома. Возрождение ее начинается только с 1740 года: переписчики зарегистрировали 1 жителя, а к 1818 численность переписанного (т.е. трудоспособного, в возрасте от 15 до 60 лет) населения деревни достигает уже 133 человек.

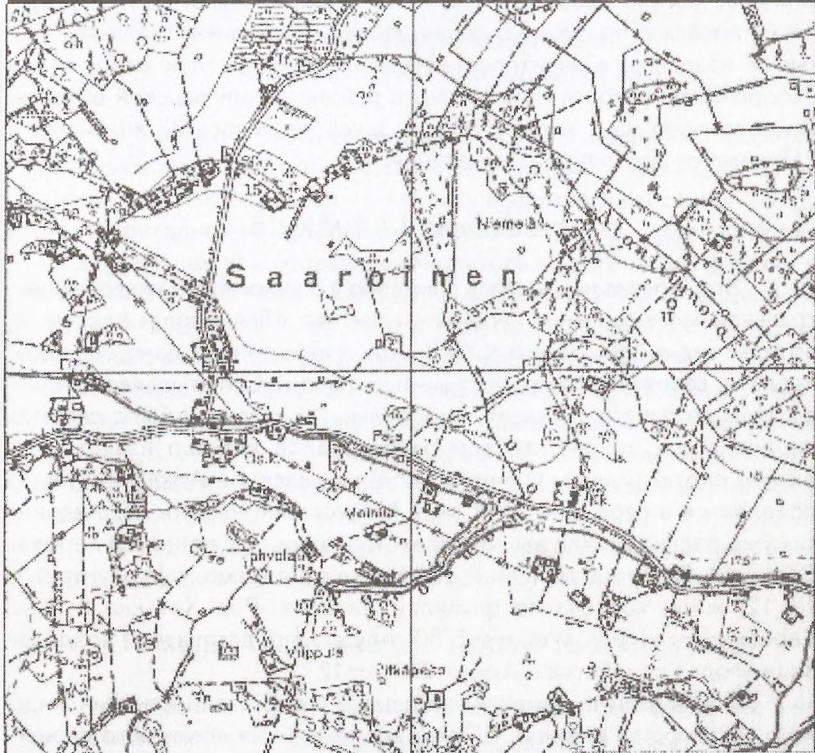
На землях, приписанных к помещицкому имению Сааройнен и принадлежавших коллежскому советнику барону Николаю Фредериксу, на момент их выкупа в 1873 году в собственность автономного финляндского государства числилось 2026 жителей.

Близость к ладожскому побережью, обилие лесов в округе и наличие возможностей для развития земледелия и скотоводства способствовали постоянному росту численности населения. С 1907 году в Сааройнен начала работать своя народная школа. В 1930—1934 годах в 4 километрах от деревни, у мыса Саунасаари (в переводе «Банный остров») для обустройства укрытой от штормов рыбацкой гавани строится волнолом. Туда проводят также новую дорогу. И волнолом, и дорога сохранились до настоящего времени.

По данным Интернет-сайта www.metsapirtti.net, в деревне в 1939 году значилось 177 хозяйств и 591 человек. В то время здесь жили



Илл. 96. Здание народной школы в деревне Сааройнен.



Илл. 97. Деревня Сааройнен и прилегающая местность на довоенной финской карте. Сейчас в этих местах находится поселок Пятиречье.

люди с фамилиями Ахтиайнен, Виртанен, Кииски, Лемметти, Маккара, Мюёхянен, Наскали, Паяри, Пеллинен, Пелтонен, Репо, Суйкканен, Суси, Таурен, Торикка, Туокко, Хаапсаари, Хатакка, Хедлунд, Хинкканен, Хямяляйнен, Ээва.

В военные годы (1939–1940 гг. и 1941–1944 гг.) деревня сильно пострадала, хотя активных боевых действий здесь не велось. Начиная с 1945 года деревня Сааройнен, приписанная к Малакскому сельсовету, подлежала заселению семьями колхозников из Ярославской и Кировской областей. План расселения, утвержденный в январе 1945 года, предусматривал размещение здесь более 30 семей переселенцев, которым предстояло трудиться в колхозе (рыболовецкой артели) «Революция». В 1948 г. деревня Сааройнен получила новое название «Гравийное», как утверждается — «по переводу с финского». При укрупнении поселка Пятиречье бывшая деревня Сааройнен стала его частью и название «Гравийное» исчезло. Ныне поселок относится к Запорожской волости Приозерского района Ленинградской области. По состоянию на 1 января 2000 г. здесь числилось 82 хозяйства и 218 человек постоянного населения.

Лявякюля Lääväkylä

Эта деревня находилась примерно в 3 километрах севернее центральной части деревни Сааройнен. Название «Лявякюля» появилось, по всей видимости, где-то в XVIII–XIX веках, причем дано оно было деревне, вероятнее всего, местными жителями. Слово «лявя» (läävä) в переводе означает «хлев», «коровник», и название было связано, скорее всего, с тем, что там располагался хорошо известный в округе скотный двор. Официальное же название Аркунтанхуа—12 появляется в середине XVIII века (об истории его происхождения мы уже рассказывали выше в повествовании, касающемся деревни Васкела). В первой половине XVIII века в Лявякюля (Аркунтанхуа № 12) жили хозяева по фамилии Хатакка. Род Хатакка был из деревни Хатаккала, и еще в 1750 году его представители возделывали угодья хозяйства в Аркунтанхуа—12.

После выкупа помещичьих земель в собственность финляндского государства в конце XIX века и проведения «большого передела» деревня Аркунтанхуа—12 (Лявякюля) была разделена на 6 частей. Оформление земельных участков в собственность дворохозяев

производилось в разные годы — с 1885-го по 1943-й. Жители носили фамилии Хатакка, Пуллина, Хюютиз, Нуора, Урпонен, Пярссинен, Мюёхянен и Ахтиянен, из них наиболее распространенными были фамилии Хатакка и Хюютиз. По состоянию на 1939 год в деревне значилось 107 человек постоянного населения.

О судьбе деревни в период войн 1939—1940 гг. и 1941—1944 гг. почти ничего не известно, однако, по всей видимости, какие-то постройки все же сохранились, поскольку на советской карте выпуска начала 1950-х годов там значится деревня Солнцево. В настоящее время этот участок местности представляет собой примыкающую к побережью Ладожского озера пустошь, которая постепенно застраивается коттеджами.

Марттина (Корхоланьяама 2) Marttina (Korholanjaama 2)

Примерно в километре южнее деревни Сааройнен располагалась группа домов (около 10 строений) деревни Марттина. Этот участок местности в свое время относился к упоминавшейся еще в «Переписной окладной книге Водской пятины» 1500 года деревне Корхола и в дальнейшем при проведении территориального размежевания угодий был выделен в отдельную деревню Корхоланьяама 2. Такое обозначение ввели, чтобы не путать этот населенный пункт с деревней Корхоланьяама 1 (которая имела параллельное название — Паукунмяки, см. выше). Название «Марттина» появилось, по всей видимости, позднее и связано, вероятнее всего, с фамилией одного из местных жителей. К сожалению, более подробными сведениями об этом мы не располагаем. По состоянию на 1939 год в деревне значилось 195 человек постоянного населения.

В настоящее время местность, где некогда находилась деревня Марттина, фактически относится к поселку Пятиречь.

Таппари (Ванхаяама) Tappari (Vanhajaama)

Населенный пункт Ванхаяама впервые упоминается как жилая деревня в шведских переписных материалах 1646 года, при этом приводятся фамилии ее тогдашних дворохозяев — Мюёхянен, Таттари и Лавонен. Очевидно деревня существовала и раньше, но была разоре-

на и долгое время оставалась незаселенной. В конце XVII века здесь значатся хозяйства Ирвё Метсо, Юхо Метсо и Ирвё Ахвонена. Кроме них в деревне проживали бобыли Лейнонен, двое Косоненов, Лёюс-кя, Рянняяли, Ванханен и Ахвонен.

30 марта 1652 года деревня была передана в качестве феодалного имения каптенармусу Эрику Михельссону, а после его смерти перешла к наследникам. Естественно, что после Северной войны 1700—1721 гг. хозяева коренным образом поменялись.

Согласно переписи 1724 года, в деревне Ванхаяама проживало 7 человек в возрасте от 15 до 60 лет. К 1818 году это число увеличилось до 74-х.

Сведениями о времени появления в обиходе топонима «Таппари» и его этимологии мы не располагаем. Известно, однако, что деревня имела второе название «Яама» (в значении «ям», «почтовая станция», «постоялый двор»). Авторы книги «Метсая-пиртти», используемой нами в качестве основного источника, полагают, что распространившееся впоследствии название «Ванхаяама» (что в переводе означает «старый ям») появилось, по всей видимости, в силу того, что постоянный двор, находившийся в деревне, был переведен в другое место — в Паукунмяки — и стал называться «Корхоланъяама» (т.е. «ям в Корхола»).

Согласно церковным записям по учету взрослого населения, в 1810 году в деревне Яама (Таппари) таковых насчитывалось 145 человек, в 1819 г. — 117, в 1831 г. — 166, в 1844 г. — 155, в 1855 г. — 191, в 1864 г. — 231, в 1875 г. — 213, а в 1880 г. — 174 человека.

Выходец из деревни Таппари (Ванхаяама) Юхо Хямяляйнен в своих воспоминаниях, основанных на рассказе своего родственника Адама Хямяляйнена, свидетельствует, что когда дед Адама Карл поселился в Таппари как арендатор приписанного к помещицкому имению Сааройнен земельного участка, других жителей поблизости тогда еще не было. Этот участок находился близ ручья Раяоя* (Пограничный ручей). Через некоторое время там поселился еще один безземельный арендатор-торпарь по фамилии Хянникяйнен. Судя по рассказу Адама Хямяляйнена, его дед первым делом выстроил избу-

* Этот ручей на шведской карте 1651 года значится как «Таппорэй-оки» (Tapporäjski, т.е. «река Таппорэ»); название это, безусловно, происходит от названия населенного пункта Таппари.



Илл. 98. Рыбаки из деревни Таппари перед выходом в Ладогу. Снимок ориентировочно 1936 года.

четырёхстенку и постепенно стал налаживать свое хозяйство. В доме он завел небольшую библиотеку. Книги в основном были церковные — большая библия, псалтырь, сборник проповедей, церковная история, катехизис. Еще семья имела кантеле, под аккомпанемент которого домочадцы пели псалмы. Брат Карла Андерс слыл хорошим охотником — добывал лосей и медведей. Родина братьев — деревня Петаярви. Карл родился в 1805, а Андерс — в 1807 году. В середине XIX века в Таппари таким же арендатором-торпарем поселился дед Юхо Хямяляйнена — Александр, который женился на Эве Таваст, отец которой — Михель Таваст — с женой Анной пришли в Таппари пешком с завода в Дубровке, что неподалеку от Шлиссельбурга. К тому времени в деревне было уже 4 дома.

Существенный рост численности населения в Таппари отмечается начиная с 1884 года, когда, после проведения выкупа земель у помещиков в пользу автономного финляндского государства, местным крестьянам-арендаторам стали выдавать свидетельства о праве владения и наследования земельных участков, а после осуществ-



Илл. 99. На берегу Ладоги. Конец 1930-х гг.



Илл. 100. Эйно Лаулайнен, его жена Лююли и их маленький сын Лео. Эта семья до войны 1939–40 гг. жила в доме, который находился у ручья Раяоя, то есть на самой границе.

ленного в 1886 году генерального межевания они уже имели полное право вести строительство на своей земле.

Жители деревни Таппари, со временем превратившейся в разбросанный по обширной территории населенный пункт, носили фамилии Пелтонен, Хюютиэ, Хямяляйнен, Ахтиайнен, Хинкканен, Питкянен, Суси, Репо, Хянникяйнен, Паяри, Луостаринен, Купаринен, Торикка, Кииски, Ээва, Коркка и др. Наиболее распространенными были фамилии Пелтонен и Хямяляйнен.

Дома располагались главным образом вдоль шоссейной дороги, ведущей к русской границе. Примерно в полутора километрах от побере-



Илл. 101. Сарай рыбаков на берегу Ладоги в Таппари подходили прямо к советской границе.

жья Ладожского озера дорога делала резкий, на 90 градусов, поворот влево и дальше шла практически у самого берега пограничного ручья Раяоя. У этого поворота находились постройки одного из крестьянских хозяйств. И сейчас, несмотря на высокую траву, на поляне можно четко различить фундаменты некогда стоявших там добротных строений.

В конце XIX — начале XX века недалеко от моста через Раяоя, у дороги, ведущей на русскую сторону, был учрежден пост финляндской таможенной стражи. Жители Северной Ингерманландии и путешественники, пересекавшие границу автономного Великого княжества Финляндского, подвергались проверке на предмет выявления контрабанды. Такая же практика имела место и по другую сторону границы.



Илл. 102. Корабль-маяк «Тайпалеенлуото».

После выхода Финляндии из состава России и заключения в 1920 году Тартус-

кого мирного договора, официально подтвердившего линию прежней границы, которая отныне становилась государственной, в Таппари находились финская погранзаства и подразделение таможенной службы.

Население деревни занималось, как и повсеместно в Метсаярвти, в основном земледелием и животноводством. Кроме того, широко был развит рыболовный промысел, поскольку деревня находилась недалеко от Ладоги. В 1920-х годах на побережье, у самой границы, при обустройстве небольшой рыболовецкой гавани был сделан сложенный из камней искусственный волнолом. На берегу многие держали свои рыбацкие баркасы, а также амбары и погреба — для хранения снастей и выловленной рыбы. По состоянию на 1939 год в деревне значилось 448 человек постоянного населения.

После отгремевших в 1939—1940 гг. и 1941—1944 гг. войн в деревню Таппари, где уцелело всего 20 домов, предполагалось завести 28 семей из Ярославской области, поскольку здесь намечалось создать колхоз под названием «Заря социализма». В 1948 г. Таппари даже успели переименовать в «д. Приладожская». Однако, не долго суждено было просуществовать тому колхозу да и самой деревне, так как на советской карте, выпущенной в начале 1950-х годов, здесь значится только один двор. К тому времени эту территорию, очевидно, передали в ведение Министерства обороны, и в 6 км от Ладоги на дороге установили кордон, от которого далее посторонним путь был заказан, поскольку там уже начиналась территория военного лесхоза. А на том месте, где проходила прежде государственная граница, стояли шлагбаум, сторожевая будка и наблюдательная вышка. Отсюда начинался огромный Ржевский испытательный полигон, территория которого простирается с севера на юг почти на 40 километров.

В 1990-е годы в режиме охраны полигона наметились некоторые послабления: в частности, были сняты некоторые стационарные посты на дорогах, а оставшиеся пункты пропуска (в том числе у ручья Раяоя) в настоящее время предназначены прежде всего для недопущения проникновения на территорию, считающуюся охотничьим заказником, автомобилистов, которые, как показывает российская практика, ведут себя, как правило, не самым лучшим образом, оказываясь на природе.

Отдельные мелкие населенные пункты

Помимо вышеупомянутых, в волости Метсяпиртти существовали также небольшие населенные пункты хуторного типа, территориально относящиеся к той или иной деревне, к которой были приписаны их лесные и прочие угодья. Сюда можно отнести хутора Хюютиз (севернее деревни Йознтака, назван по фамилии хозяина), Лильюк-сенхарью (на угодьях, относящихся к деревне Таппари), Сутела, Колмиканта, Ряйккёля и Салокюля. В Ряйккёля, где перед Зимней войной находилась одна из финских погранзастав, вела из Хюютиз лесная дорога. Граница с СССР проходила здесь по заболоченной местности примерно в 3 км к югу. Салокюля (буквально: «Лесная деревня»), где перед Зимней войной проживала, в частности, семья Леппянен, располагалась чуть северо-восточнее Ряйккёля.

Родному краю

Отчий дом, пути начало
Метсяпиртти — край родной!
Как бы время ни бежало,
В мыслях я всегда с тобой.

Там в далеком, светлом детстве
Мы играли и росли.
В юности, собравшись вместе,
Мы мечтали до зари.

Море там в лучах блестело
Отражая облака.
На порогах песни пела
Величавая река.

Помню, как осенний вечер
Солнце прятал, закрывал,
На волнах Суванто вечных
Лунный мостик засверкал.

Рыбу Ладога давала,
Нас кормила, а порой
Жизнь рыбацью забирала,
Скрыв под темною водой.

Край черемух, край родимый,
Ты печаль и боль моя,
Свет в душе неугасимый,
Сердцу милая земля!

Эльса Туокко

(Стихотворное переложение подстрочного перевода: Е. Грицук)

ТАМ, ЗА ТАЙПАЛЕ-РЕКОЙ ...

(авторское отступление о поездке в Теренттиля летом 1984 г.)

В конце 1970-х — начале 1980-х годов, когда автор этой книги начал совершать регулярные поездки на Карельский перешеек с целью более детального изучения следов довоенной хозяйственной и культурной деятельности на этих землях, а также военно-исторической географии этого региона, район Метсаяпиртти (включенный после окончания Второй мировой войны в состав Ленинградской области) представлял собой типичную советскую сельскую местность с преобладанием небольших одноэтажных деревянных строений, в основном похожих друг на друга. Правда, кое-где можно было встретить и старые постройки, оставшиеся от финнов. Ближе к устью реки Тайпалеенйоки, именовавшейся теперь на новый лад — Бурная, старых построек практически не было. Участок местности от Косела до устья реки считался охотничьим заказником: здесь, в естественных условиях, разводили пятнистых оленей и прочую экзотическую лесную живность. На территории заказника проводилась научная работа, и периодически, по договору с руководством местного охотхозяйства, в ведении которого находился заказник, проходили практику студенты биологического факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. На дороге, ведущей через поля бывшей деревни Нэусаари, стоял знак «Въезд запрещен», на небольшом расстоянии от северной части бывшей деревни Косела, включенной после войны в состав вновь отстроенного крупного поселка Запорожское, находилась огороженная и охраняемая территория с контрольно-пропускным пунктом и воротами, как при въезде в воинскую часть. Здесь располагались выстроенные из белого кирпича и явно не вписывавшиеся в окружающий пейзаж здания так называемых обкомовских дач — для отдыха и расслабления ленинградских городских и областных партийных заправил. Сюда с охраной и свитой любил наведываться секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Васильевич Романов — поохотиться в здешних прекрасных сосновых борах, для чего на дорогах к северу от берега р. Тайпалеенйоки были установлены охотничьи вышки для безопасной стрельбы по дикому зверю (дабы, чего доброго, сохатый не помял бока и не поломал кости какой-нибудь сановной персоне), а подъезды к району охоты обычно строго охранялись.

Когда мне впервые довелось побывать в тех местах в сентябре 1978 года и доехать на велосипеде до бывшей деревни Теренттиля, я увидел там один-единственный жилой дом, окруженный полями. В полутора километрах на месте бывшей деревни Тайпале стояли несколько деревянных строений — то был поселок Рыбацкое, который впоследствии переименовали в Соловьево. Вернувшись обратно в Теренттиля, я стал осматривать прилегающую к дороге местность. В одном месте верхний слой земли был кем-то подкопан, на поверхности лежали несколько стреляных винтовочных гильз, какие-то железяки и небольших размеров человеческий череп. Недалеко от этого места я увидел две стреляные гильзы от 45-миллиметрового противотанкового орудия. Как-то беспокойно стало на душе, каким-то кладбищенским холодом повеяло. Кругом стояла тишина, и только осенний ветер задувал, нагоняя дождевые тучи. Я мог только догадываться о том, что здесь происходило зимой 1939—1940 годов, и успокаивал себя тем, что ни я сам, ни кто-либо из моих родственников не принимали участия в этих событиях.

В своей предыдущей книге «Муолаа — Красносельское, Эюряпяя — Барышево» я рассказывал о том, как водил своих знакомых из Финляндии, Лайлу и Мартти Ювонен, по местам их далекого детства (см. гл. «Долгая дорога к дому»). После этого «турпохода», когда Лайла в очередной раз снова приехала в Ленинград, она сказала мне, что в городе, где она живет в настоящее время, есть еще один человек, который тоже хотел бы посетить свои родные места, и попросила меня помочь ему в этом. Она добавила, что человек этот, которого зовут Лаури Паукку, уже один раз пытался съездить туда (дом его и его родителей стоял в деревне Теренттиля, на левом берегу Тайпалеенйоки). Приехав в Ленинград с туристской группой, он договорился с каким-то водителем такси. Однако тот почему-то не захотел ехать через пос. Лосево (Кивиниеми) и пос. Громово (Саккола), а повез короткой дорогой до Сосново (Рауту), а оттуда — на Запорожское (Метсаяпиртти) и далее по дороге, на которой стоял «кирпич», к месту паромной переправы. Как оказалось, ни моста, ни парома в том месте нет, а там, где ходит нынешний паром (недалеко от впадения в Тайпалеенйоки речки Виисйоки, ныне Вьюн), паромщика не было, и поездка, можно сказать, была сделана зря. Тогда этот паром был предназначен для переправы на левый берег только сельскохозяйственной техники местного совхоза, личный же транс-

порт перевозили, если переправлялся трактор, в иное время паром не действовал.

Мы договорились с Лайлой о том, что она даст Лаури мой домашний телефон и поближе к дате его приезда с группой финских туристов в Ленинград как-то мне эту дату сообщит.

Я спланировал путешествие следующим образом. На этот раз никаких предварительных выездов на местность для выяснения, например, расписания движения местных автобусов делать было не нужно, поскольку от железнодорожной станции Сосново (Рауту) автобусы на Запорожское (Метсаяпирти) ходили с интервалом примерно в полтора — два часа. От поселка Запорожское до берега Тайпалеенйоки предстояло пройти пешком (это примерно километр — полтора), а затем, накачав рыжего цвета спасательную одноместную лодочку со списанного парашюта, которая весила примерно полтора килограмма и в сложенном виде запросто помещалась в рюкзаке «Ермак», я планировал доставить в ней своего попутчика на другой берег, сам переправляясь вплавь и подталкивая лодочку руками в нужном, чтобы не снесло течением, направлении, а попутчик, лежа в лодочке животом вниз, должен был помогать, периодически работая надетыми на руки небольшими, сделанными из того же, что и лодочка, материала — перкаля — веслами-ластами.

Через некоторое время — было это уже весной 1984 года — на адрес финской языковой группы ленинградского «Интуриста» пришло письмо на мое имя, из завуалированного содержания которого я понял, что Лаури Паукку приезжает с группой такого-то числа. Мне оставалось, как мы с Лайлой и договаривались, ждать телефонного звонка.

Примерно в середине условленного дня (дело было уже летом, стояла довольно жаркая погода) у меня дома зазвонил телефон. Я поднял трубку. Мужчина с несколько простоватым и застенчивым голосом на другом конце провода (как потом выяснилось, звонил он не из гостиничного номера, а из телефона-автомата за пределами гостиницы, что в какой-то мере несколько успокоило меня) на финском языке передал мне привет от Лайлы и добавил, что хотел бы со мной встретиться у гостиницы «Москва», где поселилась его группа. Я немедленно собрался и выехал на встречу.

Приехав на место, я увидел уже немолодого, очевидно, предпенсионного возраста человека, размеренно прогуливавшегося перед гостиницей. Когда я подошел к нему и представился, он привет-

ствовал меня крепким рукопожатием и добрым доверительным взглядом. Поскольку все уже было предварительно обговорено через Лайлу, я не стал, дабы не привлекать к нам чьего-либо излишнего внимания, долго с ним беседовать и давать какие-либо дополнительные указания, а просто условился о конкретном месте и времени встречи на завтра. Его светлая рубашка с короткими рукавами и серые, простого фасона брюки, а также старомодные полуботинки, в которых он собирался отправиться со мной в Теренттиля, никаких опасений у меня не вызывали: в таком виде ходили тогда очень многие как в Ленинграде, так и в области.

На следующий день я пришел на место встречи с рюкзаком «Ермак», в котором были продукты на сутки на двоих и вышеупомянутая лодка. Мой новый знакомый пришел с маленьким узелком-авоськой в руке: там был фотоаппарат и кое-какие необходимые в дороге мелкие предметы.

Итак, мы двинулись в путь — сначала смешались с толпой народа, спешащего к входу в метро, на метро доехали до станции «Комсомольская», с которой выход был прямо на железнодорожную платформу «Девяткино» (тогда еще эта линия метро не была разорвана разрывом между станциями «Лесная» и «Площадь Мужества»), а там сели на подошедший вскоре электропоезд до станции Сосново.

Примерно через час мы были уже в Сосново. Автобусный вокзал располагался там рядом, на привокзальной площади. Я пошел искать, откуда отправляется наш автобус. Он уже стоял, принимая пассажиров. «Два до Запорожского», — протягивая деньги за проезд кондуктору, быстро произнес я и, получив билеты, молча потянул своего попутчика за руку в салон. Это был автобус типа «ЛАЗ», такой же, на каком мы с Лайлой и Мартти ехали в прошлом году из Роццино (Райвола) в Юряпяя. Толкотни в автобусе не было, и мы уселись на два свободных места рядом. Никто не обращал на нас никакого внимания — мало ли кто едет на природу.

Наконец автобус, рыча мотором, тронулся, и примерно через полчаса мы были уже в Запорожском. Сойдя на остановке, где шоссе резко поворачивает вправо, мы двинулись чуть назад, а затем — наискосок вправо, по узкой грунтовой дороге, ведущей к реке, туда, где был ныне действующий паром. «Может, хоть рыбак будет какой-нибудь с лодкой, попросим перевезти, чтобы не терять времени на переправу на своей лодочке», — с надеждой думал я по дороге.

А Лаури, уже несколько прибодрившись (чувствовалось, что он доволен удачным началом нашего путешествия), начал вполголоса, показывая рукой то вправо, то влево, то назад, рассказывать, где и кто жил здесь до войны. «Вот там — деревня Лапанайнен, — показал он на длинную гряду вдоль шоссе слева (я кивнул: это название я встречал на старых финских картах-схемах, которыми уже успел обзавестись), — а вот там, — кивнул он головой вправо, — деревня Извала. Мы ее так здесь называли, а по-литературному это будет «Эвала», от фамилии Эва, или Изва, как здесь было принято говорить».

— Интересная фамилия, — заметил я, — но вообще-то «Эва» — это женское имя.

— А еще мы иногда ездили в Корлее, это уже в волости Рауту, — как бы не слыша меня, продолжал он. — Там и граница уже была не так далеко.

— Может быть, в Кортее? — недоверчиво переспросил я — именно такое название я видел на приобретенной через двоюродного брата старой финской карте масштаба 1:400 000. Я как-то не подумал, что здесь могла иметь место опечатка.

— Корлее! — с ударением и одновременно с чувством какого-то раздражения снова произнес он, и мне ничего не оставалось, как только пожать плечами: что ж, возможно, оно и так.

Но вот мы и подошли к берегу реки. Паром был пуст, рядом — несколько прикрепленных цепями и замками к металлическим стойкам лодок, кругом — никого.

«Ничего не поделаешь, — подумал я с досадой, — придется доставать и надувать свою лодку». Помимо прочего, мне, конечно же, хотелось по возможности уменьшить риск на переправе: а вдруг посередине реки что-нибудь да произойдет!

Однако на лице Лаури не возникло даже и тени смущения, когда я достал из рюкзака рыжий сверток и стал его раскатывать, — чувствовалось, что он не собирался отказываться от задуманного, раз уж цель совсем рядом — там, за рекой, да и внешне он не производил впечатления дряхлого старца, хотя, конечно же, при ходьбе передвигался не так быстро, как я.

В общем, переправились мы на ту сторону именно так, как я и планировал: он с веслами-гребками в лодке, я в воде сзади. Когда я свернул и упаковал лодочку и открыл рюкзак, чтобы достать съестное и перекусить, он, хитро подмигнув мне, развязал свой узелок, в

котором, как оказалось, помимо фотоаппарата было еще несколько бутербродов из гостиницы, которые он тоже выложил на траву. Подкрепившись, мы бодрым шагом продолжили свой путь.

День был солнечный, погода стояла теплая, из травы и из стоящего неподалеку леса доносилось веселое птичье щебетанье. Вокруг нас расстилались широкие поля. Лаури, оглядываясь вокруг, заметил вскользь, что и до войны местность на этой стороне была такая же.

— Давай сначала сходим туда, — полный удовлетворения от того, что наконец-то стоит на родном берегу, показал он в сторону Кирвесмяки. И дальше пошел уже как молодой, глаза его блестели. Я старался не отставать.

Через некоторое время мы уже обходили заросший высокой травой внушительных размеров каменный остов постройки с прямоугольными оконными проемами — когда-то здесь находилось крестьянское хозяйство семейства Укконен. Чуть ниже шла от берега в лес линия гранитных надолб в несколько рядов — противотанковое ограждение, установленное уже во вторую войну, в 1942—1943 годах.

— Выпасы были тут у нас, коров сюда гоняли, травы были здесь хорошие, — задумчиво произнес он, глядя на открывающуюся внизу гладь озера Суванто. — Я тоже гонял сюда нашу скотину. Да-а, сколько лет прошло, и вот я снова здесь...

Походили мы немного по этому месту, поснимал он его своим фотоаппаратом, а потом мы двинулись через лес в сторону Теренттия. Местность эту я к тому времени знал уже довольно неплохо и заблудиться не боялся, да и Лаури шагал с явным чувством уверенности.

Выбравшись на относительно хорошую лесную дорогу (места там в основном возвышенные, кругом — хвойный лес), мы пошли по ней и через короткое время дошли до рва явно искусственного происхождения. Рядом шла линия противотанковых надолб. Лаури предложил остановиться и немного отдохнуть.

— Вот здесь, — он показал рукой на ров, — русские, когда шли в атаку, укрывались от огня. Они подтягивали подкрепления, и ничем нельзя было их выкурить: артиллерия-то наша имела приказ экономить снаряды, потому что запас их был небольшой. А потом, накопив в этом рву силы, с криками «ура!» они бросались в атаку. На этом участке сдерживать их было очень трудно, ибо ров проходил совсем

близко от нашего переднего края. Я считаю, что ров этот был совсем ни к чему, от него нам было не столько пользы, сколько вреда.

Я слушал все это молча, думая о том, что слышал ли он все это уже потом, от своих родных, или же ему самому довелось быть в те годы здесь и с оружием в руках защищать свою землю — теперь это уже не имело значения. Главное, что он снова здесь, на своей земле, под своим родным небом.

Передохнув и коротко обменявшись впечатлениями, мы встали и пошли дальше. Лаури сказал, что идти осталось километра два. «Как он все хорошо помнит, и это через столько-то лет!» — подумал я с удивлением.

И вот мы уже идем по мостику через речку Мустаоя, у устья которой при впадении ее в Тайпалеенйоки виднеются развалины двух дотов. «Расположены они довольно удачно, — отметил я про себя, когда мы проходили мимо. — Изгиб реки — Г-образный, один дот мог простреливать участок вниз, а другой — вверх по течению. Людей только наших жалко: погибли невеста за что, да и немало их было, наверное».

Поднявшись из ложбины, где протекала Мустаоя, мы увидели перед собой широкое поле, покрытое густым травяным ковром — сохозные сенокосы, здесь в середине лета заготавливали запасы сена для скотных дворов, которые находились в поселке Запорожское, центральной усадьбе местного совхоза. Лаури шагал довольно торопливой походкой: до Теренттия было рукой подать, и единственный стоящий там чей-то послевоенный дом был уже хорошо виден.

Выйдя наконец-то на главную дорогу и миновав дом, мы, пройдя немного, остановились: Лаури, не говоря ни слова, указал на поросшую травой небольшую полянку справа с четко выступающим небольшим возвышением и таким же небольшим углублением в земле.

— Вот мы и пришли, — кратко произнес он.

Я отошел чуть в сторонку и наблюдал. Лаури молча постоял на возвышении, под которым, по всей видимости, покоилась оставшаяся невывезенной после войны часть печных кирпичей. Лицо его было сосредоточенным. Он торопливо обошел вокруг прямоугольной земляной выпуклости, в некоторых местах которой ясно просматривались части фундамента бывшей здесь некогда жилой постройки, и с разных ракурсов сфотографировал это место. Затем подошел ко мне, протянул фотоаппарат и попросил сфотографировать его на фоне «дома».

После этого, показав рукой на каменно-бетонный фундамент, виднеющийся по другую сторону дороги, пояснил, что там был магазин. Теперь на его месте была сплошная гладкая бетонная площадка небольших размеров, а рядом с ней — несколько бетонных ступенек, ведущих в никуда.

— Что ж, пошли дальше, — глубоко вздохнув, задумчиво произнес Лаури, и мы снова зашагали по дороге. Справа, совсем близко от нее, несла свои воды в Ладогу широкая Тайпалеенйоки. Я к этому времени уже знал, что в этом месте перед войной у финнов ходил паром. На противоположном берегу виднелось начало асфальтированной дороги, ведущей через заказник в Запорожское, и стоял деревянный дом егеря-смотрителя.

Мы уже подошли к последнему коленообразному изгибу реки, от которого открывался вид на бескрайние просторы Ладоги с небольшим островком прямо напротив устья. Лаури сказал, что этот островок у них назывался «Паскалуото» (что в переводе буквально означает «Дерьмовый остров»). Когда я поинтересовался, почему дали такое неблагозвучное название, Лаури пояснил: «Это все из-за чаек. Они устраивали там птичьи базары, после них камни там были все обгаженные пометом. Потому так и назвали».

Внезапно в невысоких кустах слева от дороги, где сикось-на-кось, как попало лежали мелкие деревца, я увидел человека средних лет. На нем была какая-то полувоенная форма: сапоги на ногах и штаны были, вроде бы, гражданские, а вот китель и пилотка на голове были явно военно-морского происхождения. В руках он держал лучковую пилу, которой работал в кустарнике. Увидев нас, он как-то насторожился, глаза его сузились, лицо приобрело недоверчивое выражение, и он размашистым шагом заспешил в нашу сторону. Я подал Лаури глазами знак спокойно продолжать движение и не волноваться. Он, видимо, меня понял, поскольку безразлично-безмятежное выражение на его лице абсолютно не изменилось, маленький узелок, свисавший с руки, продолжал мерно покачиваться в такт ходьбе.

— Простите, а кто вы такие? — настороженно уставился на нас полувоенный человек, остановившись в кювете напротив.

— Да так, туристы, — беззаботным голосом бросил я, чуть замедлив шаг. Лаури в это время стал обходить меня справа, и я, чтобы не дать незнакомцу приблизиться к нему с расспросами, решил вести беседу сам.



Илл. 103. У развалин водяной мельницы в церковной деревне Метсяпиртти. 1990-е гг.

— А как вы сюда попали? — не отставал тот.

— У нас лодка есть! — бойко ответил я.

— Какая лодка, где? — удивился он.

— Да вот здесь. — И я похлопал рукой по верху рюкзака. При этом краем глаза я видел, что Лаури, не останавливаясь, спокойно продолжает движение, и расстояние между нами было уже метров двадцать-тридцать.

— А как вы собираетесь обратно, на ту сторону? — продолжал допытываться мужик.

— Да так же, как и сюда, переправляться будем.

— А переправляйтесь здесь. — И он показал на реку.

— Ну, зачем же, — деланно пожал я плечами, хотя на душе уже стало появляться какое-то беспокойное чувство. — Нам пока спешить некуда, мы еще на берег Ладоги сходим. — И, махнув на прощанье рукой, быстрыми шагами устремился догонять Лаури. Мужик, в раздумье наклонив голову набок и не зная, что сказать, как-то ошара-

шено глядел мне вслед. Этот его растерянно-настороженный взгляд мне запомнился. Догнав Лаури, я шепотом быстро произнес: вот там, за песчаной возвышенностью, придется спешно накачивать лодку и плыть обратно, а если он пожелает, то к Ладожскому озеру мы можем выйти на другой стороне реки, и, если не произойдет ничего неожиданного, то там же можно будет и суп концентратный на костре быстро сготовить. Лаури, как мне показалось, тоже был встревожен, поскольку и ему, по всей видимости, совсем не хотелось отвечать на чьи-либо расспросы.

Переправились мы на другой берег без каких-либо осложнений. После примерно полуторачасового привала с котелком на костре мы продолжили путь. Спутник мой к этому времени уже заметно подустал, поэтому как мне ни хотелось двигаться быстрее, а не получалось. Часа через полтора притопали мы в Запорожское, где сели на рейсовый автобус до Сосново, а оттуда на электричке как ни в чем не бывало приехали обратно в Ленинград. Я проводил своего спутника до гостиницы. При прощании пожелал ему счастливого пути и просил обязательно передать привет Лайле.

Больше мне с ним встречаться не довелось. От Лайлы потом, когда она снова приезжала в Ленинград, я слышал, что он остался очень доволен этой поездкой.

А вот с его братом, Калерво Паукку, я встречался во время поездки в Финляндию летом 1989 года. Времена уже настали другие, и оформить поездку по приглашению через ОВИР было уже гораздо проще, нежели в 1978 году, когда я впервые съездил в Финляндию и когда мне на своей шкуре довелось испытать хамство, унижения и давление со стороны представителей официальных советских властных структур. Но это уже особая тема, и здесь мы ее подробно рассматривать не будем.

Как над Тайпале-рекой...

Как над Тайпале-рекой
Поднимался белый пар,
Там суровою зимой
Гнал в атаку комиссар.

Докурили «Беломор»,
Кружки звякнули — пора!
Под свинцовый разговор
Дружно грянули «ура!»

Через реку напролом,
Брызги стыли на ветру,
Тем декабрьским днем
Первый друг пошел ко дну.

Лес, чернеющий вдали,
Хлещет огненной пургой,
В снег с винтовкой у груди
Рухнул справа друг второй.

У разбитых хуторов
С ними мы сошлись в стычки.
Растерял я всех дружков
У проклятой той реки...

Дед смотрел куда-то вдаль,
Пододвинувшись к окну,
На лице его печаль,
Вспомнил финскую войну,

Где над Тайпале-рекой
Поднимался белый пар,
Там суровою зимой
Гнал в атаку комиссар...

Р.Г. Скобелев, член поискового объединения «Северо-Запад»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— Метсаярвти — это же медвежий угол! Что ты про эти места напишешь?! Не лучше ли объединить материал с повествованием о соседней волости Рауту? — слышал я неоднократно от своих коллег, когда начинал работу над этой книгой. Но мне кое-что все же удалось собрать и представить отдельным изданием. И написать можно еще много, материал есть, и не только в финляндских изданиях, но и у нас, в России. Весь вопрос в том, что писать и как писать.

Правда, как я уже успел убедиться на собственном опыте, не обо всем можно писать и говорить открыто, несмотря на то, что заканчивается 2004, а не 1937 год. Ведь те люди, которые переехали в эти места после 1945 г., как и их потомки, в большинстве своем считают Карельский перешеек своей родиной. То обстоятельство, что здесь прежде жил другой народ, мало что для них значит. Многие из ны-

нешних жителей этих мест, особенно ветераны войны, даже убеждены в том, что так и должно быть.

В конце 1980-х — середине 1990-х годов в связи со снятием многих идеологических запретов в России стали появляться новые газетные и журнальные публикации, книги, документальные телевизионные репортажи и фильмы. Появились люди, открыто высказывающие мнение о том, что советско-финляндская война была по отношению к нашему северному соседу несправедливой и захватнической и что по совести награбленное надо вернуть.

В Финляндии неоднократно проводились дискуссии по поводу отторгнутой Карелии. Инициатором этих общественных мероприятий, в которых участвовали также и представители российского посольства в Хельсинки, выступал «Карельский союз» — общественная организация финляндских карел, бывших жителей Карельского перешейка и Приладожья. Первый президент России Б.Н. Ельцин во время своего официального визита в Финляндию в мае 1994 года заявил: «Присоединение Карелии было, безусловно, результатом агрессивной сталинской политики». В дальнейшем он говорил также о том, что вопрос об этом нашем «наследии» обязательно будет решаться. Однако дальше пустословия дело так и не пошло: слишком уж привыкли мы голосовать одновременно двумя руками: одной — за, а другой — против. Причем параллельно с разговорами о несправедливости начался процесс приватизации земель, что вольно или невольно способствовало закреплению прав собственности на бывшие финские территории. Подобная практика лишний раз говорит об отсутствии желания у наших государственных чиновников искать компромисс в этом сложном вопросе.

А пока ездят в Запорожское финские автобусы с «туристами», каковыми их считают нынешние жители этих мест. Люди едут поклониться родным местам, привести в порядок могилы своих родственников, прах которых покоится в этой земле. Многих из тех, кто приезжает особенно часто, хорошо здесь знают, знают их и представители местных волостных администраций, с которыми финская сторона поддерживает хорошие отношения — политика политикой, а люди должны жить в мире и дружбе!

3–4 августа 2003 года автору этих строк довелось побывать неподалеку от старого финского волнолома, на участке от Аркунтанхуа до Тайпале. По лесной прибрежной дороге одна за другой юрко

сновали шикарные иномарки с российскими номерами, а у костров сутились «шашлычно-пивные» компании, с орущей на полную мощность аудиоаппаратурой, готовя закуску к выпивке «на пленэре». Вокруг лежали кучи пластиковых и бумажных пакетов, бутылок и прочего бытового мусора — все это стало самым заметным следом нашего присутствия на этой прежде цветущей земле. Если нас, граждан России, возмущает такое отношение к окружающей среде, то как должны реагировать на это бывшие жители Карельского перешейка?

«Места чужие, нравы другие...» Эти слова из одной финской песни все чаще вспоминают те, кто регулярно приезжает из-за северо-западной границы посетить эти края, где когда-то родились, где помнят каждую тропинку. Лишь с 1988 года эти люди получили возможность более-менее свободно бывать здесь, в том числе и организованными группами, чтобы поклониться родным очагам.

Журналист Эдвард Хямяляйнен, ингерманландский финн, ныне живущий в Финляндии, в этой связи пишет:

«Пусть хоть и с большим опозданием, но насилие, совершенное против российских финнов, названо преступлением.

Финляндские же финны так и не дождались ни слов извинения, ни признания того, что в результате агрессии СССР они потеряли часть своей территории. То, что крушение коммунизма и последующие изменения в мире не повлияли на решение карельского вопроса, воспринято многими как двойная несправедливость.

Говорят, за признанием Финляндии жертвой агрессии неизбежно встал бы вопрос о возвращении ей утраченных территорий, что способно подорвать стабильность не только в Европе, но и в других частях мира. Довод во многом убедителен — правда, смущает моральная сторона вопроса. Выходит, для поддержания стабильности или, иначе говоря, сохранения статус-кво жертве преступления настоятельно рекомендуют смириться с тем, что ее ограбили. Когда жертва робко пытается возразить, ей тычут в лицо бумаги, подписанные ею под угрозой смерти.

Мир несовершенен, несовершенны и международные отношения, и чаще всего страдают от этого менее защищенные».

Метсаяпиртти

Белая береза на побережье
Наклонила ветви над водой,
Чайка реет, вестница надежды,
Над простором Ладоги седой.

Запах сосен ноздри освежает,
Вдоль дороги лес стоит стеной.
На краю поляны зарастает
Цоколь дома дикою травой.

Рядом был, наверное, коровник,
Там, где груды тесаных камней,
Вот в траве валяется половник
И осколок чашки между пней.

Жили люди здесь, в делах, в заботах,
Радуюсь своим земным благам,
Расчищали пашни на болотах,
Рано поднимаясь по утрам.

С фотографий добрые их лица
Память сохранила навсегда,
Хоть по ней успела прокатиться
Роковых событий череда.

Метсаяпиртти — «Дом, в лесу стоящий», —
Был когда-то здесь район такой,
Земледельцев, рыбаков кормящий,
Омываем ладожской волной.

Лапанайнен, Ряйккеля, Сааройнен —
Этих деревень теперь уж нет.
Грубо перепахан и застроен
Прежнего владения слабый след.

Бурная река Тайпалеенйоки,
Наша память, наша боль в душе!
Сколько же людей на той протоке
Сгинуло на зимней той войне!

«Запорожское» теперь на карте,
Всюду чужестранный новострой, —
Как хотите, так и понимайте
Ход всей нашей жизни непростой.

Белая береза на побережье
Наклонила ветви над водой,
Чайка в небе реет, как и прежде,
Над волнами Ладоги седой.

Д. Орехов. Санкт-Петербург, июнь 2003 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Inkerin suomalaisten historia. "Inkerin Kulttuurisäätiö". Gummerus OY:n kirjapaino. Jyväskylä, 1969, s.42.*

² Слово «карелы» и название ареала их расселения — «Карелия» (более древний вариант — «Корела») истолковывается в российской этимологической науке прежде всего на основании довольно интересной версии исследователя В. Паранина, который считает, что это понятие восходит к временам викингов, которые в качестве названия древнерусского государства использовали имя собственное «Гарларики» (государство Гарда). Здесь можно также предположить, что составная часть этого названия — «Гарда» — происходит от слова «город»: совершая свои походы по водному пути «из варяг в греки» в

восточнославянские земли, викинги (варяги) видели многие древнерусские города и крепости, и поэтому это название, применимое к восточным от Скандинавии землям, закрепилось в древнескандинавских сказаниях (сагах). В дальнейшем же в результате фонетической трансформации слово «Гарда» превратилось в «Карья», а затем, с добавлением топонимического форманта финского происхождения «-ла», приобрело свою окончательную форму.

Финская же историография дает объяснение происхождения названия Карелия – «Карьяла» (*Karjala*), представленное двумя версиями. Наиболее распространенным является толкование, согласно которому название *Karjala* происходит от слова *karja* (скот, скотина) с добавлением собирательного суффикса *-la*, обозначающего множественность. В томе IV финского «Энциклопедического словаря» (*Tietosanakirja. Toimituskunta: J. Castrén, J. Forsman, K. Grotenfelt, L. Hendell, E. Hjelt, U. Saxén, E. Setälä, I. Välikangas, Y. Wichmann. Osat 1–10. "Tietosanakirja – osakeyhdistö", Helsinki, 1909–1918.*) читаем: «Название происходит, вероятно, от слова *karja*». Однако более подробно данное толкование прокомментировал магистр философии Хельсинкского университета Олоф Энкель, выпустивший в 1939 году книгу «Охрана границы. Путешествие пешком по Пограничной Карелии» (на финском языке): «В воображении народа жизнь древних карел предстает зажиточной и идиллической, как бодрящая пастушья песня о крепких хозяевах и смелых героях, о пасущихся на лугах стадах скота и мальчиках-пастушатах, играющих на берестяных дудочках. И даже серьезные исследователи, размышляя о происхождении названия края, сделали вывод о том, что древние карелы занимались в основном животноводством».

О. Энкель дает, однако, и другое объяснение названия *Karjala*, заслуживающее, на наш взгляд, вполне серьезного восприятия: «У тех переселенцев из племени емь, которые приходили, чтобы обратить карел в христианство, не было скота, Название же края возникло от впечатления, полученного ими при виде каменистых почв и гряд. То есть слово *Karjala* не имеет ничего общего с понятием *karja* (скот – Д.О.), а происходит от прилагательного *karu* (неплодородный; суровый; скудный – Д.О.) или *karinen* (каменистый – Д.О.). Как и калевальские сказания, да и сами карелы, название *Karjala* или *Karjala* пришло с запада. По мнению Яаккола (известный финский ученый-историк Ялмари Яаккола – Д.О.), название нашей знаменитой восточной области родственно таким названиям населенных пунктов, как Кари-найнен в губернии Варсинайс-Суоми или же Карьяа и Карьялохья в западной части губернии Уусимаа. Все эти топонимы изначально толковались как «бесплодные, каменистые земли».

Эти данные П. Кёппен получил от священника православного церковного прихода Матокси (русифицированный вариант написания – Матокса) отца Петра Васильева в августе 1849 года, который называл ижорами своих прихожан, живущих в Финляндии.

⁴ Ярослав Всеволодович (1191–1246), третий сын князя Владимира-Суздальского Всеволода Большое Гнездо. В 1200–1206 гг. – князь Переяславля-Южного, по завещанию отца получил Переяславль-Залесский. В 1220–1230-е годы неоднократно княжил в Новгороде Великом. С 1238 г. – великий князь Владимирский. (Большая Советская Энциклопедия. М., 1978 г.)

⁵ Согласно административно-территориальному делению XV–XVI веко (Переписная окладная книга Водской пятины 1500 года), новгородские земли делились на пять областей или пятин, имевших названия Водская, Шелонская, Деревская, Бежецкая и Обонежская. Территория Водской пятины охватывала восточную половину Карельского перешейка (включая городище Сванский Волочек, город Корела (Кексгольм), а также значительные территории в Северном Приладожье, ограниченные с востока линией, по которой в 1617 году была проведена граница Столбовского мира (заключенного между Россией и Швецией), закрепленная в 1920 г. Тартуским мирным договором, заключенным между Советской Россией и Финляндской Республикой.

⁶ *Metsäpirtti. Entisen kaakkoisrajan äärimmäinen kulmakunta* (Toim. Santeri Viskari, Matti Kähäri ym.). Turku, 1953. S. 20.

⁷ *Ibid.* S. 24.

⁸ *Ibid.* S. 32.

⁹ Е.П. Кузнецов. Валаамская тетрадь, М., 2001 г. С. 7.

¹⁰ После отделения Финляндии от России в конце 1917 года и в связи с постепенным ужесточением порядка перехода советско-финской границы, которая в 20-х – 30-х годах XX века была закрыта полностью, общение священников церкви в Матокси с жителями Метсэпиртти более не представлялось возможным. По всей видимости, церковь эта перестала существовать в 30-е годы, а ее служители были репрессированы. По данным, полученным от уже упоминавшегося выше петербургского исследователя этнической истории Ингерманландии А.В. Крюкова, на месте этой церкви ныне находится конечная остановка местного автобусного маршрута.

Родоначальник первой графской ветви рода Мусиных-Пушкиных (последним ее представителем был скончавшийся в 1836 году обершенк (т.е. старший виночерпий) граф Василий Валентинович Мусин-Пушкин). О служебной карьере И.А. Мусина-Пушкина XX том «Энциклопедического словаря», вышедший в 1897 г. (составители – Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон) дает, в частности, следующие сведения: «Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, граф, сын комнатного стольника, окольничий, потом боярин, был воеводою в 1683 г. в Смоленске, потом в Астрахани, где зашитою жителей от мятежных казаков и кубанцев и увеличением государственных доходов снискал расположение Петра Великого. Во время Северной войны сопутствовал Петру в походах и участвовал в Полтавской битве; в 1710 г. пожалован в графы. В 1710–1717 гг. состоял начальником монастырс-

кого приказа; в 1711 г. назначен сенатором, в 1726 г. – докладчиком Екатерины I, в 1727 г. – заведующим Монетным двором. После коронования Петра II известий о нем нет».

Среди представителей этого рода наиболее известен Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744–1817), член российской Академии наук, обер-прокурор Святейшего Синода, президент Академии художеств. Должность обер-прокурора Синода давала ему возможность знакомиться с материалами монастырских и епархиальных архивов, приобретать древние рукописи и книги через посредство комиссионеров в разных городах. Так ему удалось пополнить для своей коллекции древностей текст древней рукописи «Слово о полку Игореве», древнейший список «Лаврентьевской летописи», списки «Русской Правды», «Завешания Владимира Мономаха» и другие ценнейшие историко-литературные памятники, которые, таким образом, дошли до последующих поколений историков и литературоведов.

¹² *Metsäpirtti. Entisen kaakkisrajan äärimmäinen kulmakunta. «Metsäpirtin historiatoimikunta»*, Turku, 1953. S. 70.

¹³ *Ibid.* S. 137.

¹⁴ Кантор (фин. *lukkari*, от шв. *klockare*) – лицо духовного звания, в обязанности которого в разные времена и в разных районах страны входили, в частности, такие занятия, как руководить церковным пением в храме, обучать детей, следить за порядком в храме и на территории кладбища, а также за сохранностью церковной утвари, звонить в колокола, делать прихожанам прививки и кровопускание и пр. В некотором смысле эта должность в лютеранской церкви может быть сравнима с должностью дьячка в православной церкви.

¹⁵ Пастор (фин. *pastori*, от лат. *pastor* («пастух»; «пастырь»)) – распространённое название для евангелических священнослужителей. Оно подчеркивает, что основная обязанность священника евангелическо-лютеранской церкви – опекать прихожан, быть для них духовным пастырем.

¹⁶ Телефонный справочник по Выборгской губернии отпечатан в типографии А/о «Карьялан Кирьяпайно» в г. Выборге в 1938 году.

¹⁷ Эти статистические данные взяты из пояснительного текста к рисованной карте-схеме волости Метсэпиртти, выпущенной акционерным обществом «Этеля-Карьялан Пайнопалвелу» в 1990 г.)

¹⁸ Для коров восточно-финляндской породы характерны белый окрас спины, красно-коричневая расцветка на боках, коровы бывают комолые и рогатые, размеры их не крупные. Вес коровы обычно составляет 300–380 кг, рост (по холке) – 110–112 см, ноги короткие. Ежегодный надой от хорошей коровы – примерно 2200–2800 кг (при жирности 4–4,1 %), но бывают надои и более 4000 кг (при жирности 5 %). Племенная книга ведётся с 1901 года. Районы разведения этой породы – Карелия, Саво, Центральная Финляндия и Каяани.

¹⁹ Об этих организациях написано уже очень много, в том числе и в российских изданиях; как известно, в СССР по политическим соображениям официально было принято считать их реакционно-фашистскими, и в 1944 году в связи с подписанием Соглашения о перемирии между СССР и Финляндией, текст которого навязан финляндскому руководству советской стороной, они были официально распущены. «Шюцкор» (суойелускунта) Метсәпиртти, как и остальные местные организации других волостей страны, в соответствии с законодательными положениями независимой Финляндской Республики, являлся волостной ячейкой общешюцкорской добровольной военизированной структуры.

²⁰ Егерь (фин. *jääkäri*, от нем. *Jäger*): этот уважительный титул был закреплен в Финляндии за теми добровольцами, которые начиная с 1915 года в организованном порядке уезжали в Германию для получения боевой подготовки непосредственно на фронте, участвуя в боях против русской армии. Из этих финских добровольцев был сформирован 27-й Королевский Прусский Егерский батальон, воевавший в период Первой мировой войны в составе германской кайзеровской армии на рижском направлении. После возвращения в Финляндию в связи с начавшейся там гражданской войной многие из них стали командирами в белой армии К.Г. Маннергейма, после окончания гражданской войны многие продолжили военную карьеру на командных должностях разного уровня в кадровой армии независимой Финляндии.

²¹ В Северной Ингерманландии на ответственные должности назначались Советской властью лица из числа красных финнов, прибывших из Финляндии после поражения там красного движения.

²² По данным, полученным автором от А.В. Крюкова, на русской стороне напротив Таппари у самой границы стояли 2 или 3 дома; это был поселок Полуторно, относившийся к деревне Мииккулайси, жители его носили фамилию Хямяляйнен. Этот поселок значится также на русской карте середины XIX века.

²³ В.П. Потемкин – заместитель народного комиссара иностранных дел СССР.

²⁴ *Metsäpirtti. Entisen kaakkosrajan äärimmäinen kulmakunta. «Metsäpirtin historiatoimikunta», Turku, 1953. S. 13.*

²⁵ Эта версия приводится в специальном выпуске, вышедшем в приложении к газете «*Karjala*» в 1973 году на странице 13.

²⁶ Согласно данным из документов, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга: Ф. 7179, оп. 19, д. 17, с. 31; оп. 53а, д. 118, л. 84.

²⁷ *Metsäpirtti meille rakas. Moniste. 1985. S. 119.*

²⁸ *Ibid. S. 153-154.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. В докладной записке, составленной ответственным работником Терийокского отделения (по всей видимости, его начальником — господином Мурманом), речь идет о финском пограничнике, которого советская сторона каким-то образом пыталась привлечь к сотрудничеству:

(перевод документа с финского языка)

*Терийокское отделение**

декабрь 30, 1935

Начальнику Центральной сыскной полиции

Выражая уважение, посылаю господину Начальнику для ознакомления и утверждения счет на сорок пять финляндских марок в связи со служебной поездкой, совершенной мной в Метсаяпиртти и в Рауту 12-го декабря. Поездка продолжалась с 9.45 до 18.30.

Я ездил на автомобиле, принадлежащем погранотряду «Карельский перешеек» вместе с пограничным комендантом Шрёдером на встречу с пограничником Ахтиайненом, который 15 декабря снова получил инструкции для ведения разведки в приграничье. Разведзадание было сформулировано письменно.

К сему прилагаю заявление пограничника Ахтиайнена, составленное им в двух экземплярах.

Я полагаю, что сейчас настало время прекратить разведдеятельность Ахтиайнена, поскольку каких-либо особых результатов от нее, по всей видимости, не будет. По этому вопросу я еще посоветуюсь с капитаном Шрёдером. Поскольку следующий разведывательный контакт должен состояться только 10/1, я до того времени подумаю, какие методы лучше задействовать для прекращения этих контактов.

2. Как было сформулировано задание и о чем шла речь во время его контакта с представителями советской стороны 15 декабря 1935 года — об этом пограничник рассказал в своих показаниях:

* Речь идет об отделении Центральной сыскной полиции (с 1938 г. — Государственной полиции), т.е. ведомства государственной безопасности Финляндии), в компетенцию которого входило пресечение антигосударственной деятельности в приграничных районах финляндской части Карельского перешейка.

(перевод финского)

«Копия»

Таппари 15.12.35.

Когда в предыдущий раз, 15.12.35, в 12.00 я пришел в условленное место у погранзнака 247, с русской стороны вышел из леса невысокий русский, он был один. Я отдал ответы, записанные на бумаге. Русский передал мне клочок бумаги, на котором были написаны вопросы, причем на некоторые из них надо было ответить здесь же. Я сказал ему, что на некоторые вопросы я уже ответил, а на остальные отвечу в следующий раз.

Вопросы были изложены так:

1. Ходил ли Герасимов недавно на нашу сторону и бывает ли он на заставе Ряйккёля?

2. Что за человек по фамилии Туокко на заставе Ряйккёля, и имеет ли Туокко какую-либо связь с Герасимовым?

3. Не произошло ли в погранотряде чего-нибудь особенного, перешли ли на зимний вариант несения службы, как осуществляется в зимнее время охрана?

4. Что за человек ваш брат Тойво из Ряйккёля, какой чин у него в погранотряде, какие у него семейные отношения, как у него обстоят денежные дела?

5. Как зовут вашего начальника? Мы его имени не помним.

6. Может ли ваш брат быть привлечен к сотрудничеству с нами? Выясните, можно ли ему доверять. Если доверять ему нельзя, то ничего ему не говорите, поскольку мы доверяем только вам.

7. Бывали ли на вашей заставе работники Центральной сыскной полиции, перебрасывался ли кого-нибудь через границу на нашу сторону?

8. Есть ли среди рыбаков, которые бывают на русской стороне, кто-нибудь, кто состоит на службе у финской охранки?

9. Сколько человек на заставе Таппари и чем они там занимаются?

10. Есть ли уже на мысу Саунасаари морские пограничники, работает ли радиостанция?

Встретимся в следующий раз 10 или 11 января 1936 г. Если у вас не получится, то тогда 26.1.1936 г.

Я сам буду каждый раз приходить регулярно, постарайтесь, если, конечно, сможете, тоже приходить каждый раз. В случае если вы не сможете прийти, бросьте записанное в бутылке или в банке под елку, о которой мы договорились. Буря, снегопад, ветер или что-нибудь подобное не должны быть причиной неявки, если прийти вы сможете.

Я написал обязательство. Сначала я отказывался писать, но он настойчиво требовал, и я, в конце концов, написал. Содержание обязательства в основном следующее:

Я обязуюсь предоставлять Советской России верные сведения.

Он дал 500 марок денег, и я написал следующую расписку:

«За предоставленные мной разведывательные данные я получил (500) финляндских марок.

15 декабря 1935 г.

Вуорела

Деревня Мииккулайси»

Арви Ахтиайнен, пограничник

3. Заявление пограничного комиссара К.А. Инкала:

(перевод с финского):

87/RA*

14.5.1938

Сестрорецк

Господин Пограничный комиссар СССР.

В связи с тем, что при регистрации разрешений на лов рыбы в Ладожском озере, производившейся пограничными властями СССР, согласно заявлениям рыбаков, выявились такие обстоятельства, которые никоим образом не согласуются с договором о рыболовстве на Ладожском озере, заключенным между Финляндией и СССР 25.5.1934 г., доведу до вашего сведения следующее:

1. Вместо того, чтобы в соответствии с договором о рыбной ловле регистрировать рыболовецкие суда и разрешения на лов, пограничные власти СССР осуществляют также регистрацию удостоверений личности и при этом производят допросы касательно таких моментов, которые не предусмотрены договором о рыбной ловле, причем каждый рыбак допрашивался в течение примерно 20 минут.

2. Пограничные власти СССР рекомендовали большому числу людей заменить — под угрозой задержания впоследствии — фотографии на документах, ссылаясь на искусственные причины: например, на некоторых фотографиях фон якобы слишком темный либо же слишком светлый, владелец на фотографии снят в головном уборе, фон фотографии — с некоторыми особенностями и т.п. незначительными моментами, не влияющие на четкость фотографии.

* Эта пометка, впечатанная в документ на пишущей машинке, означает, что он относится к материалам ведомства пограничной охраны Финляндии, которые в настоящее время хранятся в Архиве пограничной охраны, являющемся частью Военного архива, находящегося в г. Хельсинки.

3. Объявлено о том, что регистрация разрешений на лов будет закончена 20.5.38 г., хотя договор вообще не ограничивает сроки.

Выражая свое уважение к Вам, Господин Пограничный Комиссар, я прошу Вас принять меры к тому, чтобы указанные действия пограничных властей СССР, противоречащие договору, были незамедлительно прекращены, а также прошу Вас как можно скорее дать ответ по поводу того, действительно ли регистрация будет прекращена 20.5.38.

*Пограничный комиссар на Карельском перешейке подполковник
(подпись К.А. Инкала)*

Ответ майора П.П. Орлова, датированный 17 мая, поступил в Терийоки, где располагался штаб финского пограничного отряда «Карельский перешеек», 20 мая.

4. Текст докладной записки, направленной в Терийоки начальником заставы морской погранохраны «Саунасаари»* (перевод с копии, сделанной на бланке финляндского Пограничного комиссара на Карельском перешейке):

(перевод с финского)

Пограничный комиссар

Копия

на Карельском перешейке Терийоки (перечеркнуто)

№ (перечеркнуто)

Пограничному комиссару

Морская сторожевая застава Саунасаари

№ 1005

Русские объявили рыбакам о том, что:

- 1) отметки будут проставляться только до 20-го числа этого месяца,*
- 2) весь груз, который перечислен в списке инвентаря, должен быть на борту судна при заходе для лова рыбы в территориальные воды России,*
- 3) при выходе из территориальных вод России надлежит забрать все, что было при заходе, например, сети.*

Выполнить все это попросту невозможно.

Я прошу ответа, чтобы сделать объявление рыбакам, поскольку, если соблюдать требования второго и третьего пункта, они вообще не смогут вести лов.

* Эта финская погранзастава находилась – как это явствует из ее названия – в районе построенного в 1934 году и сохранившегося до настоящего времени волнолома.

Начальник морской сторожевой заставы фенрик* резерва Риссанен.
Направил: Риссанен) 19.5. 10.55
Принял: Пуrolа)

Копия Верна: Терийоки, штаб пограничного отряда «Карельский перешеек», 19 мая 1938 г.
(подпись)

5. Выдержка из текста объяснения Аатами Хюютиз, председателю общества рыбаков волости Метсаяпиртти:

(перевод с финского)
№ 102 / RA

23.5.38

Терийоки
Штаб пограничного отряда «Карельский перешеек»
Господин комендант

Утром 16-го числа этого месяца в территориальные воды России вышли на лов рыбы три лодки — Алекс Пелтонен и Ирвё Суйкканен из Сааройнен, а также Ниילו Лаулайнен. Алекс Пелтонен был со своим братом Мартти, у них был запущен в воду перемет. ...Они успели поднять примерно третью часть, когда подошел русский сторожевой катер; пограничники стали проверять разрешения, забрали с собой Ниילו Лаулайнена и находившегося ближе к берегу Ирвё Суйкканена. У Ниילו Лаулайнена были опущены в воду сети на сига, а у Ирвё Суйкканена — свои сети на лососевых. У всех находившихся в лодках имелись разрешения на лов, 4-го или 5-го числа этого месяца они побывали в деревне Мииккулайси, где зарегистрировали свои разрешения. Суйкканена и Лаулайнена в ночь на вторник отпустили, а Пелтонена продержали как подследственного 2 дня и 2 ночи; при этом рыбаков обвиняли в занятии контрабандой, поскольку у него в списке предметов значились 2 парусные лодки, малая гребная лодка, 150 сетей на лососевых, сети на сига, перемет («длинная леска»), а также другой инвентарь. В данный момент, поскольку не было третьего рыбака, не было гребной и парусной лодок, а также 150 сетей на лосося и другую рыбу, они стали заявлять: вы контрабандисты, вы отправили третьего рыбака с лодкой и вещами к берегу. При ловле на перемет используются также малые гребные лодки, группа в составе трех человек затягивает его в малую лодку,

*

Это воинское звание соответствует званию младшего лейтенанта.

причем третий управляет мотором. Вообще-то, управляя мотором при ветре, зачастую бывает трудно поднимать снасти из воды, но в этот раз, будучи вдвоем, они не нуждались во второй лодке. 18-го числа, когда Пелтоненов отпустили, чтобы те вернулись в Финляндию, они попросили разрешения прийти снова и выбрать ту часть снастей, которая оставалась в воде. На это «иваны» не согласились, а заявили, что все то, что имеется в списке принадлежностей и снастей, должно быть собой; а ведь 150 сетей на лосося — это три груженные рыбацкие лодки, да еще если сюда добавить все другие снасти и предметы, то сколько получится! В общем, на деле это требование выполнить невозможно.

С Ниило и Вилхо третьим был сын первого, мальчик-подросток, у которого с собой были валенки, которые не значились в списке, и к этому придрались; кроме того, придрались и к тому, что не было одной шубы, которых в списке предметов значилось 3.

У Ирвё Суйкканена в списке предметов значился 1 фонарь, но в момент досмотра его не было, и к этому также придрались, заявив, что вы, мол, контрабандисты. Из всех этих заявлений русских касательно разрешений на лов можно сделать вывод, что они намереваются совсем запретить лов в своих территориальных водах, и, если выполнять их требования, то ловить там будет просто невозможно, если для лова надо опускать в воду сети или же другие снасти: если подойдет их сторожевой катер, то ты будешь задержан, если лодка будет пустой, когда начнется проверка предметов по списку.

Теперь же финским рыбакам они дали такое указание: если рыбак прибыл в их территориальные воды и запустил снасти, то вечером их надо обязательно забрать с собой. Это требование просто какое-то нелепое. Я прошу Господина Коменданта, если он может, разъяснить это русским начальникам, чтобы они позволили нам рыбачить в их территориальных водах, как и раньше. А что касается провоза контрабанды и всей остальной политики, то этим здешние рыбаки не занимаются. Для этого общество рыбаков каждый год выбирает 10 наблюдателей, абсолютно проверенных людей, и из них всегда кто-то бывает в русских территориальных водах и наблюдает, и если кто-либо на своей лодке подходит к тамошним судам и начинает общаться с их людьми, то у таких решением общества отбираются разрешения на лов.

Метсяпиртти, 17 мая 1938 г.

Аатами Хюютиз

Председатель общества рыбаков волости Метсяпиртти

6. Протокол допроса:

(перевод с финского)

Протокол составлен во время допроса, проведенного нижеподписавшимся на контрольном пункте «Саунасаари» 10.8.38 г. в связи с делом, изложенным ниже.

На допросе присутствовали лейтенант Сууркари и старший оперуполномоченный Пааволайнен.*

1 §

Рыбак Мартти Ахтиайнен, которого русский сторожевой катер № 215 задержал на Ладожском озере 6.8.38 г. Вышел 6.8.38 в 14.00 от Саунасаари в Ладогу ставить сети на сига, с ним были его брат Вяйнё и Юхо Лаулайнен. Подошли к пограничному бую у Мииккулайси, где прождали русский сторожевой катер в течение 1 часа 15 минут. Поскольку сторожевой катер не появлялся, направились в море спускать сети. Когда отошли от буя примерно на 4–5 километров и спустили почти все сети, подошел сторожевой катер № 215, с которого сошли 3 человека для производства досмотра. Досмотр был основательный. Лодку Ахтиайнена они привязали канатом к своей корме и отбуксировали в Мииккулайси. Они заявили, что причиной задержания является то, что у Ахтиайнена в кошельке было 2 шт. пистолетных патронов калибра 6,35 и что лодка не дождалась у буя подхода сторожевого катера для производства досмотра. В тот же вечер и лодку, и людей основательно досмотрели и велели Ахтиайнену расписаться в какой-то бумаге, в которой, как полагает Ахтиайнен, была изложена причина задержания, а также приведен список предметов, которые были при нем. Лишь 7.8.38 г. примерно в середине дня Ахтиайнена повели на допрос в здание заставы. Допрос проводил человек в военно-морской форме, на обшлаге рукава у него был золотистого цвета галун шириной 4 сантиметра, переводчиком был финн, говоривший на диалекте острова Мантсинсаари. Во время допроса настойчиво расспрашивали об имущественном и семейном положении, о чем допрашиваемый рассказал. Затем стали настойчиво расспрашивать о пистолете допрашиваемого, о том, где он его взял. Допрашиваемый сказал, что пистолет хранится у него дома. Спрашивали, состоит ли допрашиваемый в шюцкоре, на что был дан ответ, что состоит. Затем были вопросы: фамилия начальника шюцкора, какие военные занятия проводятся в зимнее время, кто еще состоит в шюцкоре; на это допрашиваемый ответил, что не знает. Далее стали расспрашивать о погранохране, где она размещается

* букв. старший сыщик (ylietsivä).

и в каком количестве. Он сказал, что пограничники есть в Рауту и в Таппари и что в Таппари примерно 10 человек. Еще расспрашивали об армии — напр., где служил и сколько там военнослужащих, а также о морской сторожевой заставе. Он сказал, что в Валкъярви 3 роты, а в Саунасаари 3 человека. Он не сказал, что знает об армии больше и т.п., хотя у него насчет этого несколько раз пристально допытывались. После этого допрашиваемого отвели в лес, а к полуночи снова доставили на допрос. Его стали обвинять в том, что он продал свое оружие, а те два патрона у него остались случайно. Когда допрашиваемый стал это отрицать, ему предложили водки, от которой он, однако, отказался. Тогда человек, который был переводчиком, стал вербовать допрашиваемого к ним на службу, обещая хорошо платить за информацию. Чтобы они отстали, допрашиваемый написал под диктовку согласие в том, что он будет передавать информацию в Россию. Текст этого согласия, воспроизведенный допрашиваемым по памяти, следующего содержания:

«Я, Мартти Ахтиайнен, хочу сотрудничать с Советским Союзом и передавать сведения о жизни в Финляндии, а также по военным делам.

8.8.38 г. Мартти Ахтиайнен
Кон. (Коп.)

Что означает слово «Кон.» под фамилией, допрашиваемый не знает. Одновременно допрашиваемый расписался в бумаге на русском языке, которую переводчик заранее составил. О том, что написал согласие, а также о задержании велели ничего не рассказывать в Финляндии. Затем допрашиваемого отвели к его лодке и пообещали, что утром отпустят в Финляндию. Времени при этом было примерно 02.00.

2 §

Рыбак Юхо Лаулайнен о начале пути рассказал то же, что и предыдущий, и еще добавил:

Первый раз меня допрашивали 7.8. примерно в 19.00, и допрос проводили те же люди, о которых сказано выше. Они очень настойчиво уговаривали меня, чтобы я служил им, при этом расспрашивали о моей семье. Служить им я, однако, обещания не дал. Кроме того, задавали вопросы о пограничной охране, о морской сторожевой заставе и об армии, а также спросили, сколько человек на морском сторожевом судне. Допрашивающие были довольно пьяные, один то и дело клал руку на рукоятку висящего на поясе пистолета, кобура которого была расстегнута. Этот первый допрос продолжался примерно 2 часа. Примерно через час снова повели на допрос, времени было уже примерно 22.00. Снова стали уговаривать и наполовину принуждать допрашиваемого начать

служить им. Надо было только предоставлять им всевозможные сведения о Финляндии, за них обещали очень хорошо платить. Я от этого отказался. Но поскольку они все время угрожали и обещали отправить в Ленинград, я поставил свою подпись в какой-то белой бумаге, которая была чистая, и в одной другой бумаге, которую под диктовку допрашивавшего я собственноручно заполнил так: «Я, Йоханнес Лаулайнен, даю обещание предоставлять Союзу Советских Социалистических Республик сведения о том, что происходит в Финляндии, и в военное время действовать вместе с Союзом Советских Социалистических Республик.

Йоханнес Лаулайнен. 8.8.38 г.

«Матти»

Еще допрашиваемому угрожали тем, что если он в Финляндии обо всем этом расскажет, то ему оторвут голову, и говорили, что теперь он может рыбачить в их водах совершенно спокойно. Велели прийти первый раз на место встречи 12-го числа этого месяца, а в следующий раз — 24-го или 25-го числа. Этот допрос продолжался примерно 2 часа.

По словам допрашиваемого, он дал это обещание потому, что хотел побыстрее выбраться из России и что его практически вынудили это сделать. Сказал, что больше никогда не отправится ловить рыбу в Россию, поскольку попал там в такую скверную историю.

3 §

Мартти и Вяйнё Ахтиайнен тоже заявили, что больше вообще никогда не отправятся в Россию ловить рыбу, даже если в Финляндии им придется умирать с голоду. Они оставили нижеподписавшемуся свои разрешения на лов, которые велели сжечь.

Допрос проводил:
Начальник КП «Саунасаари»
фенрик резерва (подпись)

7. К документам прилагалась сопроводительная записка следующего содержания:

(перевод с финского)

Министерство иностранных дел:

Поступило 26.8.38

30944
№ 263/РА

Хельсинки, 24 августа 1938 г.

Пограничному комиссару на Карельском перешейке

Со ссылкой на письмо Пограничного комиссара № 199, датированное 2 августа и касающееся обстановки, связанной с рыболовством на Ладожском озере, министерство иностранных дел направляет сим в порядке информации два проекта, на основе которых посольству в Москве поручено составить представление комиссариату иностранных дел. Пограничному комиссару выражается просьба продолжать следить за ситуацией касательно рыболовства и информировать министерство обо всех имеющих место негативных явлениях.

При этом министерство сообщает, что оно обратилось в министерство внутренних дел с просьбой принять меры к тому, чтобы местные власти надлежащим образом инструктировали рыбаков о том, что о каждом задержании или иных подобных случаях необходимо немедленно сообщать на одну из сторожевых застав, которые упомянуты в конце вышеуказанного письма Пограничного комиссара.

И.о. начальника отделения (подпись Ааро Пакаслаhti)

И.о. секретаря отдела

(подпись)

8. К сожалению, автор получил в свое распоряжение неполную копию этого документа, в ней отсутствуют такие важные сведения, как фамилия, имя и должность лица, готовившего эту сводку, а также место и дата ее составления, однако, судя по содержанию, документ этот составлялся в предвоенные годы.

(перевод с финского)

«Согласно поручению, данному мне командиром роты касательно получения от рыбаков информации о нынешних условиях ведения лова в той части Ладожского озера, которая принадлежит СССР, я провел опрос, в результате которого было выявлено следующее:

1. Разрешения на лов предоставлены 307 лицам из волости Метсаярвти. Однако 75 из них не явились для получения их на сторожевую заставу «Саунасаари», а среди тех, кто получил свои разрешения, примерно 60 человек относятся к числу лиц, занимающихся рыбной ловлей в качестве побочного промысла.

2. Большая часть тех, кто занимается непосредственно рыбной ловлей, в настоящее время ведут промысел либо в районе Салми, либо у того или иного острова в Ладоге, главным образом у острова Воссиний-саари, и обычно пребывают там более месяца, поэтому я имел возможность опросить всего 26 человек, которые считают рыбный промысел своим основным занятием.

3. Из приводимых ниже сведений, полученных от рыбаков, можно составить представление об их мнениях касательно занятия в настоящее время рыбной ловлей в той части Ладожского озера, которая принадлежит СССР, а также о сложившейся ситуации.

Рыбак Симо Курри из Саунасаари, волость Метсъяпиртти, в течение лета ходил на лов в советскую зону только несколько раз, поскольку опасается оказаться задержанным или же войти в конфликт с русскими властями. По его мнению, занятие рыбной ловлей в советской части Ладожского озера в настоящее время дело довольно сложное и опасное, это он объясняет тем, что русские власти распорядились, чтобы рыбаки, выходящие на лов в советскую зону, каждый раз подходили для отметки к пограничному бую, установленному в устье реки у Мииккулайси, и эти переходы могут составлять до 40 километров ежедневно. Кроме того, русские выдвинули требование о том, чтобы в лодке находились все предметы, перечисленные в списке вещей и инвентаря — например, шуба и меховая шапка летом тоже должны быть на борту, а если их нет, то можно считать чистым везением, если досмотр не закончится задержанием. По его мнению, рыбная ловля на советской стороне является для рыбаков жизненной необходимостью, поскольку рыба в течение всего лета находится в русских водах и только в октябре начинают переходить в финляндские.

Рыбак Тойво Хямаяйнен из Саунасаари, Метсъяпиртти, выходил на лов в СССР всего несколько раз, поскольку один раз был задержан по той причине, что находился в качестве помощника в лодке, принадлежавшей другому лицу, хотя сам имеет т.н. документы штурмана (объявленная причина задержания не соответствует условиям договора о рыболовстве). Он считает, что занятие рыболовным промыслом в советской части акватории в настоящее время является делом почти невозможным, так как постоянно существует вероятность вступить в серьезный конфликт с русскими. Считает также невозможным выполнять на практике требование русских касательно захода для отметки в Мииккулайси, а также касательно того, что с собой на борту всегда должны быть в наличии все перечисленные в списке вещей и инвентаря предметы. Но даже если все эти требования и будут выполнены, тем не менее, постоянно существует опасение относительно того, что русские, несмотря ни на что, все равно найдут какой-нибудь повод произвести задержание. В этом году он больше не собирается на советскую сторону ловить рыбу и не будет получать разрешение на лов на будущий год, если обстановка останется такой же.

Рыбак Альбин Хюютиз из Саунасаари, волость Метсъяпиртти, в течение года примерно 10 раз выходил ловить рыбу на советскую сторону, где один раз был задержан по той причине, что находился в качестве штурмана в лодке, владельцем которой является другое лицо (причина задержания не соответствует условиям договора о рыболовстве). Считает, что в настоящее время ловить рыбу на советской стороне очень сложно в силу того, что русские власти отдают произвольные

распоряжения, в первую очередь такие, о которых уже говорилось выше. Тем не менее, он намеревается, пусть даже и при наличии вероятности возможных задержаний, продолжать заниматься ловом рыбы на советской стороне, поскольку это необходимо для получения доходов. По его мнению, ловить рыбу на финляндской стороне раньше ноября — дело безрезультатное, поскольку рыба лишь к этому времени начинает переходить в финские воды. Он не собирается больше возобновлять свое разрешение на лов до тех пор, пока на советской стороне не будут созданы условия для нормального рыболовства.

Рыбак Мартти Ахтиайнен из Виисйоки, волость Метсаяпиртти, в течение года ходил примерно 10 раз вести лов на советской стороне, где один раз был задержан на 3 суток по той причине, что не зашел отметить в Мииккулайси по пути к месту лова. Во время задержания русские обращались с ним плохо, в частности, угрозами принудили его подписать обязательство добывать информацию о Финляндии. По его мнению, условия для рыбной ловли на советской стороне в настоящее время очень плохие. Если обстановка не изменится, то, по его словам, он больше никогда туда не пойдет. Оставил свое разрешение на лов, еще действительное в этом году, на морской сторожевой заставе «Саунасаари», поскольку, как он сказал, оно ему больше не понадобится, поскольку он не собирается бывать в России, чтобы рисковать жизнью. По его мнению, и другим рыбакам в настоящее время не следует ходить вести лов на советской стороне. Конечно, как он считает, для рыбаков материально необходимо иметь возможность ловить рыбу на советской стороне.

Рыбак Вяйнё Ахтиайнен из Виисйоки, волость Метсаяпиртти, приходится братом предыдущему информанту. Рыбачил вместе с братом в течение лета; поскольку был задержан одновременно с ним, рассказал об условиях ведения лова то же, что и его брат. Также оставил свое разрешение на заставе «Саунасаари» и, по его словам, больше никогда не собирается ходатайствовать о новом разрешении на лов.

Рыбак Йоханнес Лаулайнен из Виисйоки, волость Метсаяпиртти, ходил в течение лета примерно 10 раз ловить рыбу на советской стороне, один раз был задержан на трое суток по той причине, что не зашел отметить в Мииккулайси. Во время задержания русские сильно ему угрожали, вынудили его, в конце концов, подписать обязательство о том, что он будет предоставлять им сведения о Финляндии. По его мнению, занятие рыбной ловлей на советской стороне, как бы это ни было материально необходимо, при нынешнем положении дел становится просто невозможным, поскольку русские занимаются производом. В качестве примера он упомянул о том, что русские требуют всегда иметь при себе все перечисленные в списке инвентаря и вещей предметы — в частности, сети, которые, таким образом, не могут

быть спущены в воду, поскольку если они в момент проведения русскими досмотра в море не будут находиться на борту, то из-за этого поднимется скандал. Больше он не собирается ходить ловить рыбу на советскую сторону, как бы это ни было необходимо для него с материальной точки зрения, особенно с учетом того, что до октября на финской стороне рыбы мало.

Рыбаки Тауно Хямяляйнен и Эмил Ахтияйнен из Саунасаари, волость Метсаяпиртти, как раз собирались выходить на лов; они рассказали, что в течение всего лета боялись отправиться рыбачить на советскую сторону из-за произвола, который там творится. В других местах рыбу они тоже не ловили, так как в летнее время это занятие на финской стороне не дает результатов, поэтому занимались другими работами. Не уверены, пойдут ли теперь ловить на советскую сторону, хотя рыба там, особенно лосось, сейчас ловится очень хорошо. Считают, что нынешняя ситуация является для рыбаков совершенно безнадежной.

Рыбак Тойво Тарикка из Сааройнен, волость Метсаяпиртти, ходил в Мииккулайси поставить отметку в свое разрешение на лов, однако в дальнейшем, опасаясь придинок со стороны русских, ловить рыбу на советскую сторону не ходил, а зарабатывал себе на жизнь другими работами. Сказал, что туда он ходить вообще не будет при наличии возможности заработка в другом месте.

Рыбаки, братья Нестор, Лаури и Вихтори Хюютиз из Сааройнен, волость Метсаяпиртти, выходили совместно последний раз на лов в СССР в середине июля. Когда узнали от других рыбаков о том, что творят русские, о задержаниях, то стали ходить в северную часть Ладоги, где уловы, однако, очень небольшие, так что они временно вообще оставили рыбацкий промысел и, по их словам, собираются продолжить позднее, по осени, когда рыба пойдет к северу. Считают распоряжение русских о заходе в Мииккулайси невозможным для выполнения. Сказали, что еще весной, когда ставили отметки в разрешения, пришли к выводу, что ловить рыбу на советской стороне в летнее время — дело довольно сложное.

Рыбак Юхо Пелтонен из Сааройнен, волость Метсаяпиртти, рыбачил на советской стороне не слишком много раз и по поводу лова там придерживается того же мнения, что и предыдущие информанты.

Рыбак Кустас Ээва из Салокюля, волость Метсаяпиртти, в летнее время примерно 15 раз ловил рыбу на советской стороне, однажды был задержан за то, что не зашел отметить в Мииккулайси. Особенно жаловался по поводу обязательности захода для отметки, что часто отнимает четыре — пять часов времени, а если к тому же еще производят основательный личный досмотр и досмотр судна, при этом досматриваемый ощущает себя так, как будто его полностью раздевают, то в результате за весь день времени на лов вообще не остается.

Больше ловить рыбу в СССР не собирается, надеется, что будет возможность иметь заработок в другом месте.

Рыбак Хууго Кииски из Салокуля, волость Метсаяпиртти, ходил в СССР только для того, чтобы поставить в Мииккулайси отметку в разрешении на лов. Причина отсутствия у него желания ловить рыбу там состоит, как он сказал, в том, что он не хочет добровольно оказаться в тюрьме. Правда, считает лов на советской стороне делом материально необходимым. Если условия для лова изменятся и станут прежними, то он снова будет подавать заявление о выдаче ему разрешения на лов.

Рыбаки Моозес Кииски, Аанро Тарвонен и Юхо Леппянен из Таппари, волость Метсаяпиртти, совершили только рейс в Мииккулайси, чтобы поставить штамп в разрешение, и уже тогда подверглись допросам, им были высказаны замечания, в частности, по поводу фотографий в разрешениях, и после этого они больше не имели желания ходить на советскую сторону. Здесь, кроме того, сыграли свою роль услышанные ими от других рыбаков рассказы о том, что творят русские, о задержаниях, и, чтобы не подвергаться неприятностям, они решили не ходить на советскую сторону. Это, конечно, наносит им материальный ущерб, так как до ноября месяца рыбы на финской стороне очень мало. Они считают, что если условия не изменятся, то заниматься ловом рыбы на советской стороне будет фактически невозможно.

Рыбак Юхо Тиайнен из Таппари, волость Метсаяпиртти, даже не ходил на морскую сторожевую заставу «Саунасаари» за разрешением на лов, поскольку, послушав весной от других рыбаков рассказы о том, как русские ведут себя при проставлении отметок в разрешениях, вообще потерял желание ходить на русскую сторону из боязни, что те могут его задержать, поскольку в прошлом году уже задерживались ими. Этим летом он занимался рыбной ловлей очень немного, поскольку в этот период лов на финской стороне — дело бесполезное.

Рыбаки Рооберт Паукку, Иивари Тиайнен, Оскари Паяри и Эдвард Хямляйнен, все из Таппари, волость Метсаяпиртти, ходили только в Мииккулайси, чтобы поставить штампы в свои разрешения, однако непосредственно ловом на советской стороне не занимались. Причина, как они заявили, заключается в том, что русские, когда ставили штампы, вели себя самоуправно и угрожающе, поэтому рыбаки сочли за лучшее оставаться на финской стороне. Кроме того, послушав рассказы других рыбаков о том, какие распоряжения давали русские, а также о задержаниях, они решили, что заниматься рыбной ловлей на советской стороне в настоящее время не представляется возможным. Они считают, что до осени снасти забрасывать в воду не стоит до тех пор, пока условия для лова на Ладоге не станут такими, чтобы можно было ловить и в той части Ладожского озера, которая принадлежит СССР, с

соблюдением тех положений, которые предусмотрены договором о рыбной ловле.

Рыбак Эмил Коркка из Таппари, волость Метсяпиртти, не обращался за разрешением на лов на морскую заставу «Саунасаари», поскольку весной слышал от других рыбаков о том, как русские относились к ним при предоставлении штампов в разрешения, и поэтому решил, что по своей воле на советскую сторону он не пойдет, чтобы не подвергнуться издевательствам. В летний период не ловил также и на финской стороне, поскольку по своему двадцатилетнему опыту знает, что результатов это не дает.

Рыбаки Альберт Кииски и Давид Хямяляйнен из Таппари, волость Метсяпиртти, также ограничили себя предоставлением штампов в разрешения, но в дальнейшем ловить рыбу на советскую сторону не ходили из боязни оказаться в неприятной ситуации, поскольку русские этим летом вели себя, как им вздумается. По их мнению, рыбная ловля в советской акватории озера в настоящее время сопряжена с большими трудностями и в целом не представляется возможной.

Вышеперечисленные информанты рассказывали, что и все остальные рыбаки также придерживаются мнения, что при нынешнем положении дел занятие рыбной ловлей в СССР представляется делом довольно трудным и рискованным. Они говорят о том, что всякий раз приходится опасаться задержания, а также того, что русские при этом запрещают поднимать из моря дорогостоящие снасти. Что касается производства, чинимого русскими, то был приведен, такой пример: их стoroжевой катер как-то с разгону подошел к лодке Тахво Туокко так, что если бы лодочные весла не переломились, то лодка наверняка опрокинулась бы ...» (на этом, к сожалению, текст документа обрывается).

9. Результаты этих переговоров МИД Финляндии:
(перевод с финского)

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Хельсинки 7 ноября 1938 г.

№ 405/RA.KD.

34676

Поступило 10.11.38 г.

Пограничному комиссару на Карельском перешейке

Ссылаясь на датированное 3.9.38 г. письмо Пограничного комиссара № 284, касающееся условий лова рыбы на Ладожском озере, министерство просит Пограничного комиссара сообщить, в каком направлении в течение последних двух месяцев развивалась ситуация вокруг условий для лова, продолжали ли возникать помехи и проводиться задержания на советской стороне, какие претензии при этом предъявлялись и какому обращению подвергались в Советском Союзе финские рыбаки.

Министерство сообщает Вам для сведения, что, согласно заявлению Народного комиссариата иностранных дел СССР, сведения о том, что советские власти якобы отказываются регистрировать рыбаков после 20-го мая, требуют регистрации каждого захода в территориальные воды СССР, а также захода для этой цели в Мииккулайси, что пограничные власти якобы требуют наличия на борту всех предметов, указанных в перечне, предусмотренном пунктом «а» параграфа 1 статьи 3 договора о рыбной ловле, не соответствуют действительности, и никто не предъявлял финским рыбакам таких требований, которые не могут быть обоснованы в том числе и положениями, действующими в СССР. Министерство обращается к Вам с просьбой дать в Вашем ответе в первую очередь пояснения касательно истинности этого заявления, представленного советской стороной, на основании опыта, полученного в течение последних месяцев.

И.о. начальника отделения (подпись Ааро Пакаслаhti)
Секретарь отдела (подпись)

10. Протокол, составленный в отделении полиции г. Иматра после передачи Леппянена советской стороной представителям финляндских властей:

(перевод с финского языка)

Протокол, составлен в отделении полиции Иматра по результатам допросов, проводившихся в период с 26.10 по 6.11.1940 г.

№ 48 / 40

22-го октября 1940 года власти СССР официально передали в Пелко-ла, Энсо, финского гражданина, родом из Метсъяпиртти, рыбака Туомаса Леппянена, который в тот же день, будучи переданным в подраздел по району Миккели Особого (Наблюдательного) отдела Генерального штаба Оборонительных сил, был помещен в полицейский изолятор в Иматра. 26-го октября 1940 года Леппянен был передан в Иматра Государственной полиции* для выяснения обстоятельств того, как он оказался в СССР, а также его пребывания там. Когда Леппянена возвращали в Финляндию, у него при себе не было никаких вещей, а также документов, удостоверяющих личность. На допросах, в период которых Леппянен находился в полицейском изоляторе в Иматра и которые проводились нижеподписавшимся старшим оперуполномоченным отдела Государственной полиции по округу Савонлинна, были заслушаны следующие показания.

Рыбак Туомас Леппянен, родившийся 13.2.1886 г. в деревне Ван-хаяама волости Метсъяпиртти, зарегистрирован в церковных мет-

* Ведомство государственной безопасности Финляндии.

рических книгах как проживающий там в собственном доме. Родители его — Пааво Леппянен и Ауне Хюютиз — умерли. Имеет сестер (Мария, из деревни Тайпале, волость Метсяпиртти, жена рабочего Александери Маянена, и Варпу, из деревни Вернитса, волость Пюхярви, замужем за мелким земледельцем Аати Хутри). Женат на Лиисе Пелтонен, от этого брака 8 детей: Лююти Хелена Рейонен (возраст ок. 30 лет), Вилхо (ок. 27 лет), Хильда Лехтонен (ок. 25 лет), Айра (ок. 23 лет), Юхо (ок. 21 года), Хейкки (ок. 19 лет), Гунилла (ок. 15 лет) и Пентти (ок. 13 лет). Закончил всего лишь конфирмационную школу, умеет читать и расписываться. В 1920 году привлекался к ответственности за подготовку государственной измены, в связи с чем находился в качестве подсудимого в Выборгской губернской тюрьме в течение 9 месяцев, но затем решением Выборгского надворного суда был освобожден. Кроме того, Выборгским городским судом* приговаривался к штрафу в размере 200 марок за оказание содействия в контрабанде, однако не помнит, было ли это до или после 1920 года. Фамилию соучастника также не помнит. Наказание было определено за то, что он намеревался доставлять контрабандные товары из Метсяпиртти к государственной границе. Заявляет, что всю свою жизнь прожил в Метсяпиртти и занимался рыбной ловлей на Ладожском озере более 30 лет.

О том, как оказался в Советском Союзе, рассказал следующее. 16-го сентября 1938 года он вместе с другими рыбаками — Антти Хюютиз, сыном Аапро, и Суло Хямяляйненом, сыном Александери — вышел в Ладожское озеро на лов. На моторной лодке отошли от родного берега примерно на расстояние 25 км, выйдя примерно к границе территориальных вод; возможно, даже пересекли государственную границу, однако у всех троих имелось письменное разрешение русского пограничного коменданта ловить в 40-километровой зоне советских территориальных вод. Во время шторма несколько сетей было потеряно, и в поисках их в течение нескольких часов пришлось переходить с места на место. В 16 часов к ним подошло русское сторожевое судно, и находившиеся на нем солдаты потребовали предъявить документы; допрашиваемый не может с уверенностью сказать, находились ли они в тот момент в финляндских или в советских территориальных водах. У Хюютиз и Хямяляйнена при себе имелись разрешительные документы от пограничного коменданта, однако у допрашиваемого такового не оказалось, поскольку забыл его дома. Один русский солдат перешел в лодку допрашиваемого и его товарищей и велел следовать за сторожевым судном

* Суд первой инстанции.

в Мииккулайси на русскую пограничную заставу. Там они пробыли в какой-то своей лодки под охраной в течение трех суток. На допросах, которые были проведены на третий день, причем первыми были допрошены Хюютиз и Хямяляйнен, Леппянен обвинялся в том, что является якобы финским шпионом. Хюютиз и Хямяляйнен утром четвертого с момента задержания дня были отпущены в Финляндию, а Леппянена поздно вечером того же дня отвезли из Мииккулайси в Шлиссельбург, где поместили в темную тюремную камеру; в этом же здании содержались также арестованные солдаты-пограничники. Через трое суток повели на допрос на третий этаж, в этом же здании. Допрос проводил мужчина-олончанин, у которого на черной полувоенной форме не было знаков различия, лишь на фуражке была красная звезда-кокарда. Он настойчиво спрашивал, кто «забрисил», т.е. направил допрашиваемого в Советский Союз. Как заявил следователь, он слышал о том, что Хюютиз и Хямяляйнен говорили, что допрашиваемый работал в финляндском государственном ведомстве маяков на корабле-маяке «Тайпалеенлуото» в течение двух лет, и на этом основании также якобы можно считать допрашиваемого шпионом, посланным из Финляндии. На вопрос, кого из проживающих в Советском Союзе знает, ответил, что знаком с живущим в деревне Каавалинкюля^{*} района Вуолее Вилппу Туокко, который переселился туда из Таппари; услышав это имя, следователь выругался и сказал, что это «главный шпион», а потом стал заявлять, что допрашиваемый ходил к тому за сведениями, которые затем переправлял в Финляндию. Потом снова были допросы, которые проводились несколько ночей подряд, расспрашивали о финских пограничных заставах, численности личного состава и начальниках в Таппари, на морской сторожевой заставе «Саунасаари», были вопросы о береговых артиллерийских батареях и пушках в Метсяпиртти, о членах шюцкора в деревне Сааройнен волости Метсяпиртти, об эвакуации населения из приграничных районов; на эти вопросы допрашиваемый отвечал так: в его деревне батарей нет, в местах расквартирования пограничников и служащих морской сторожевой заставы он не бывал, из них никого не знает, кроме пограничника Каронена и служащего морской сторожевой заставы Ияса, не знает, кто состоит в шюцкоре, а также о том, проводилась ли какая-нибудь эвакуация населения.

Так как допрашиваемый не мог сказать, кого он знает в СССР еще помимо вышеупомянутого Туокко, хотя русский следователь и утверждал, что имеются и другие «шпионские связи», то для того, чтобы

^{*} По всей видимости, речь идет о деревне Гавань (название которой ингерманландские финны произносили как «Каавани»), находившейся на берегу Ладоги.

освежить память, тот перечислил несколько фамилий; ничего не добившись и будучи разозленным, он продержал допрашиваемого в положении стоя в течение 9 суток без перерыва, при этом рядом постоянно находился надзиратель, который не позволял допрашиваемому заснуть, лишь по ночам разрешалось сделать несколько шагов. Когда, насколько допрашиваемый помнит, на восьмое утро следователь снова пришел и начал спрашивать, кто направил в СССР, изможденный длительным стоянием, он набросился на следователя. Тот сообщил об этом своему вышестоящему начальнику, который в тот же день пришел, чтобы спросить, почему допрашиваемый так себя вел, однако каких-либо последствий не было. После того как стояние на ногах закончилось, ноги у допрашиваемого были распухшие. Когда его вернули в камеру, он сразу же заснул. Когда на следующий день снова стали настойчиво задавать вопросы о том, кто его направил из Финляндии, он наугад сказал: «Тенканен послал», имея в виду жившего у него в свое время на муниципальном попечении Микко Тенканена, глухого 70-летнего старика. Следователь тут же оживился и стал расспрашивать, поддерживает ли Тенканен контакты с полицией, совершенно не обращая внимания на пояснения допрашиваемого, что фамилию «Тенканен» он назвал просто так, ничего под этим не подразумевая, и что это глухой старик, которого содержит муниципалитет волости. Затем начали писать протокол и требовать признания в том, кого допрашиваемый знает на советской стороне (при этом следователь сам назвал несколько фамилий — Нясси, Кемппи, Ляяря, а также им был назван какой-то фонарщик в Мииккулайси). Через два дня после этого допроса велели подписать протокол на нескольких страницах, который не зачитывали, а сказали только, что в нем содержится то, о чем допрашиваемый рассказал. После этого допросы в Шлиссельбурге больше не проводились, его продержали там почти до рождества, а затем перевезли в Ленинград, в тюрьму «Кресты», где ему пришлось пробыть в течение следующего года.

В «Крестах» его поместили в камеру, в которой находилось 17 других арестованных, обвинявшихся в шпионаже и в контрреволюционной деятельности, среди них был один эстонец. Прошло больше месяца, прежде чем здесь в первый раз стали допрашивать. Следователем был мужчина, русский, переводила женщина, говорившая по-фински. На этом допросе в протокол заносились только обстоятельства задержания на Ладожском озере и пребывания в Шлиссельбурге, однако о шпионаже вопросов не задавали. Протокол, который был составлен в Шлиссельбурге, был также зачитан, однако его содержание совершенно не со-

ответствовало тому, что говорил допрашиваемый, о чем он и заявил, и сказал, что эту бумагу ему в Шлиссельбурге не зачитывали, он только подписал ее. Согласно этому протоколу, допрашиваемый будто бы действительно признал свою вину в шпионаже в пользу Финляндии.

Пребывание в «Крестах» продолжалось до начала марта 1939 года, и в этот период допросов больше не было. Из «Крестов» его перевели в тюрьму «Нижегородская»*, которая находится в Ленинграде рядом с Финляндским вокзалом, там не допрашивали ни разу. Касательно обращения или питания в этих заведениях, а впоследствии в тюрьме «Шпалерная»** допрашиваемый особых замечаний не имеет.

Затем из «Нижегородской», ничего не объясняя, в конце ноября 1939 года перевезли на пограничную заставу в Сестрорецк***, где продержали 6 суток. От одного из сокамерников допрашиваемый слышал, что, видимо, собираются передать в Финляндию. Однако этого не произошло: без каких-либо объяснений отвезли ночью на машине с затемненными фарами обратно в Ленинград, где сначала вроде бы собирались поместить в тюрьму «Шпалерная», но поскольку там не приняли, то отвезли на Нижегородскую. От надзирателя он услышал, что сегодня 30 ноября. Из этой тюрьмы отвезли на Шпалерную, точной даты, когда это было, не помнит. После пребывания там в течение пары месяцев, насколько помнит, 10.3.1940. доставили в какой-то кабинет в тюрьме, где человек в военной форме с 3 кубиками в петлицах зачитал ему приговор, по которому допрашиваемый на основании статьи 84 уголовного кодекса СССР осуждался на 5 лет лишения свободы за вычетом уже отбытых в заключении 2 лет. О преступлении, за которое был вынесен приговор, не сообщалось, о чем говорится в указанной статье 84, не знает. Никакого судебного процесса не было. Предоставлялось право обжаловать приговор в течение 12 суток. Сокамерник его, который был родом из Токсова и владел финским, русским и шведским языками, обвинявшийся в шпионаже, фамилии его он не узнал, сразу же составил от имени допрашиваемого жалобу «в народный комиссариат» в Москву. В этой жалобе было сказано об аресте, о том, что невиновен, а также о том, что болеет. Для последующей отправки по назначению передал жалобу надзирателю.

* Речь идет, по всей видимости, о тюрьме, находившейся на Нижегородской улице (ныне это улица Академика Лебедева), где в настоящее время расположена женская тюрьма.

** Тюрьма при «Большом доме» на ул. Шпалерная (бывш. ул. Воинова).

*** Видимо, речь идет о помещении для содержания арестованных при 5-м Сестрорецком погранотряде, штаб которого располагался в Сестрорецке.

**** г. Киров.

Через 10—12 суток после объявления приговора допрашиваемый был отправлен из тюрьмы на Шпалерной в Вятский лагерь для заключенных. В Кировске****, где была остановка на 3 суток, до лагеря поезд должен был идти один день. Там у самой железной дороги находился лагерь, в котором было 10 жилых бараков, в каждом из них было размещено 150—200 заключенных, которых использовали на лесозаготовках. В связи с ослабленным здоровьем был помещен в барак для инвалидов и немощных; по прибытии в лагерь был медицинский осмотр, на лесозаготовки не отправили. По представлению одного заключенного, назначенного раздатчиком хлеба, как тот ему рассказал, допрашиваемого назначили ночным сторожем, основной обязанностью которого было поддерживать огонь в печке в ночное время и приносить воду утром. С начальством и охранниками лагеря общаться не приходилось.

После более чем месячного нахождения в лагере был доставлен на медицинский осмотр, который проводился, как объяснили, в связи с жалобой, направленной из тюрьмы на Шпалерной в народный комиссариат. Во время осмотра, на котором в качестве переводчика присутствовал эстонец, владеющий финским языком, допрашиваемый жаловался на глаза и на боли в груди, о чем проводившие осмотр двое врачей сделали запись в свой протокол.

В конце мая 1940 года однажды вечером вызвали в кабинет лагерного врача, где помимо врача и вышеупомянутого переводчика находился военный, у которого на красных петлицах было, как помнит, три красных ромбовидных значка. Врач спросил, хочет ли допрашиваемый вернуться в Финляндию, он ответил положительно. После этого переводчик объявил, что согласно указанию, полученному из народного комиссариата, допрашиваемого отправят в Ленинград. Повезли на следующее утро в поезде, сопровождающими были, помимо вышеупомянутого, который был в кабинете врача, также еще двое военных. На Шпалерную прибыли 30.5.1940 г., и здесь его содержали больше двух месяцев в одиночной камере, после чего в ту же камеру поместили русского, которого обвиняли в шпионаже и фамилии которого не помнит. Поскольку они не понимали один другого, то общение было затруднено.

21-го октября 1940 г. в 11 часов вывели в тюремный коридор, где передали охране из 3 человек, с которыми его посадили в машину, ожидавшую во дворе тюрьмы. Перед выездом из тюрьмы какой-то военный с тремя ромбами в петлицах потребовал поставить подпись на чистом листе бумаги, не объясняя, зачем. Ничего не объявили ни об изменении приговора, ни о помиловании, равно как и об отправке куда-то. Старшему охраны, на петлицах у которого также было три эмалиро-

ванных значка, вручили в тюрьме несколько бумаг. Этот начальник сел в машину рядом с водителем, а солдаты с сопровождаемым сели в кузове грузовика. Когда спросил у охранников, куда повезут, получил ответ: «Не знаем». Перед выездом поверх набросили одеяло, так что не знает, где ехали. Когда стемнело и машина остановилась, поместили в камеру, место, как он потом услышал, называлось Энсо. Отсюда на следующий день состоялась передача в Финляндию. Сказал, что теперь он «здоров, как сосна».

В Советском Союзе расписываться пришлось только в протоколах в Шлиссельбурге и в «Крестах», на каждой странице протоколов, а также в чистой бумаге на Шпалерной. Кроме того, в «Крестах» сфотографировали и сняли отпечатки пальцев. Предложений о принятии советского гражданства не было.

Категорически отрицает несколько раз высказывавшееся следователем на допросах предположение о том, что русские могли предлагать стать их помощником, то есть заниматься шпионажем в Финляндии, и что такое согласие могло быть условием для освобождения из заключения.

Более подробно поясняет, что арест в 1920 году был вызван подозрениями в том, что он будто бы был проводником у человека по фамилии Нюстрём (курьер Коминтерна), направлявшегося в Россию. Задержание произошло на дороге у деревни Кемппиля, волость Метсаяпиртти. Полицейские, находившиеся в засаде у обочины дороги за кустом можжевельника, схватили вышеупомянутого Нюстрёма, а допрашиваемый при этом находился примерно в 10 метрах от места засады. С Нюстрёмом он раньше не встречался и ни от кого не получал указаний идти на встречу с ним. От того места до дома было 20 километров. Он как раз возвращался из Кемппиля, от Хейкки Туокко, которому заплатил за заказанную мелкую рыбку для наживки. Его дело рассматривалось в военном трибунале в Терийоки и в Верховном военном трибунале в Хельсинки, без вынесения приговора. Верховный военный трибунал передал дело в Выборгский надворный суд, который вынес оправдательное решение. Не помнит, был ли вынесен приговор Нюстрёму.

Когда допрашиваемому сказали, что он, когда его доставляли из Пелкола (Энсо) в Иматра, сам, по своей инициативе рассказывал сопровождавшим его финским офицерам о том, что когда-то показывал Нюстрёму дорогу к границе, и вообще намекал на то, что принимал участие в этих делах, и при этом добавил: «Ничего хорошего от этих финляндских буржуев мне не было»; эти разговоры он не отрицает, однако поясняет, что в тот момент он был уверен в том, что еще имеет дело с русскими, и свою оплошность понял только тогда, когда оказался в полицейском отделении в Иматра, услышав от дежурного,

С. С. С. Р.
ПОГРНИЧНЫЙ КОМИССАР

№
КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

"14" ноября 1938г.

№ 416 КД/В.А.
Запр. 16.11.38.

ГОСПОДИНУ ПОГРНИЧНОМУ КОМИССАРУ
ФИНЛЯНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ № КАРЕЛЬ-
СКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

ПОДПОЛКОВНИКУ И Н К А Л А .

Т а б л и ц а .

На Ваше письмо № 399 от 8.11.1938г. сообщая,
мною установлено, что упомянутый, в вышеуказанном
Вашем письме, ЛЕПЯЧЕН действительно задержан в терри-
ториальных водах Ледового моря СССР как нарушитель
Государственной границы, поскольку никаких документов
на право пребывания его в водах СССР и ловли рыбы, у
него не оказалось.

Привлекая во внимание, что несмотря на неоднократ-
ные мои к Вам обращения и просьбы с принятии с Вашей
стороны решительных мер и пресечению нарушений терри-
ториальных вод СССР со стороны финляндских граждан,
Вы, этих мер не только не принимаете, а судя по име-
ющимся фактам и заявлениям задержанных, нарушения даже
поощряются — постольку с ЛЕПЯЧЕН будет поступлено
как с нарушителем Государственной границы со всеми
вытекающими отсюда последствиями.

ЛЕПЯЧЕН будет, по существующему закону, привле-
чен к судебной ответственности.

ПОГРНИЧНЫЙ КОМИССАР СССР
№ КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

М Л О Р

(ОРИГ.)

Илл. 104. Официальный ответ майора Г.П. Орлова подполковнику К.А. Инкала.

Дипломат заметил, что если посетитель действительно будет
иметь место в каком-либо лагере племени в дальнейшем, то
двух ответов на последние письма будет считать недостаточным.

ГОРБАТЫЙ "СЛОП" СОВ
 РА И ПЕРВЫЙ СЛОВАРИК
 2 4 7 6 P

/CP43/

50.

N: 419. KB / R.A.
Exp. 16. 11. 38.

С. С. С. Р.
УПРАВЛЕНИЕ ВОЗДУХА
РА

"15" ноября 1939 г.
№ 25... 16

RECEIVED CORPORATION HEADQUARTERS
FEDERAL BUREAU OF INVESTIGATION
WASHINGTON, D. C. 20535
JAN 10 1964

Т е р и о к п.

Этот пункт безусловно означает, что это-быть
означит, что договорная зона Советских пограничников
проходит по Хиндандской территории.

Если считать возможным внести фантазию в деловые взаимоотношения, то я не нахожу возможным больше на этом останавливаться.

Самый последний «взрыв» «Советского» термитского и Союзного водозабора произошел в ближайшие часы достаточно и оголодавший «россияне» в последние время. И даже на сегодняшний день имеется четыре нарушителя территориальных вод СССР /АШТАНКА и другие/. Немного так. За последние Пятидесятый Колоссар, не можете представить ни одного подобного случая, потому что Советские

что находится в Финляндии. Во время допроса, который проводился в Шлиссельбурге, о Нюстрёме и его деле спрашивали, им было известно, что допрашиваемый в связи с этим преследовался в судебном порядке. По своей инициативе он об этом деле русским не рассказывал. На допросе он тогда сообщил, что действительно был у Нюстрёма проводником, пояснив, что встретил его на дороге и по его просьбе стал показывать ему, как выйти к границе. Он так и изложил дело русским, чтобы облегчить свое положение, хотя то, что он говорил, не было правдой. Полагая, что, когда отправились из Энсо, еще раз окажется у русских на допросе, он пытался представляться так, чтобы создать у них о себе благоприятное впечатление.

Также отрицает, что ранее, до задержания, произошедшего 16.9.1938 г., поддерживал какие-либо связи с русскими, за исключением заходов в Мииккулайси каждую весну после того, как между Финляндией и СССР был заключен договор о рыбной ловле на Ладожском озере, для оформления у русского пограничного коменданта разрешения на лов. Русские сторожевые корабли № 70, 71 и 200 постоянно то и дело проверяли разрешительные свидетельства на Ладоге, однако в то время каких-либо других контактов не было. В Мииккулайси русские пару раз спрашивали, состоит ли в шюцкоре, также спрашивали о сыне, но о других лицах или делах вопросов не задавали. Постоянно клянется в том, что никогда не передавал сведений русским и не оказывал содействия тем, кто незаконно ходил через границу, а также не знает, кто такими делами занимался.

Отмечено, что 6.11.1940 г. в отделении полиции в Иматра в присутствии следователя Гуннара Сееве и лейтенанта резерва У.М. Хяркёнена Леппянену были зачитаны его показания, которые он подтвердил, и им был подписан черновик протокола.

Леппянен был освобожден 6.11.1940 г. и направлен для следования в Рантасалми, район размещения жителей Метсаяпиртти, где он должен по прибытии немедленно отметить у ленсманна.

Этот протокол направляется в главное управление Государственной полиции, второй экземпляр направляется для сведения в подотдел по району Миккели Особого (Наблюдательного) отдела Генерального штаба Оборонительных сил.

Верно:

(подпись)*

* Подпись должностного лица, заверившего этот протокол, вполне читаемая: «Ойва Паяри».

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архивные материалы:

ЦГА СПб. Ф. 7179, оп. 19, д. 17, с. 31; оп. 53а, д. 118, л. 84.
Ленинградский областной государственный архив г. Выборга (ЛОГАВ).
Ф. Р-275, оп. 1, д. 14, л. 1; Ф. Р-1340, оп. 1; Ф. Р-3717, оп. 1.
ЕК:n (Valpon) arkisto vv. 1920 – 1939. + k Eru 6/ 9.
SA (RvA). UM. 164. Saarpuneet kirjeet.

Отечественные издания:

Балашов Е.А. Метаморфозы топонимики Карельского перешейка. Санкт-Петербург, ИПК «Нива», 2003.
Векслер А., Мельникова А. Московские клады. М., «Московский рабочий», 1973.
Воскресенская З. И. Под псевдонимом «Ирина». М., «Современник», 1997.
Громов В.И., Шаскольский И.П. Приозерск. Ленинград, «Лениздат», 1976.
«Карта пятин новгородских в XVI веке с показанием в них городов и погостов», составленная К. Неволыным. С.-Петербург, 1853.
История Карелии XVI–XVII веков в документах. Петрозаводск – Йоэнсуу, 1987.
Кёппен П.И. Селения, обитаемые ижорами, в Санкт-Петербургской губернии. Сообщение III Отделению 30 сент. 1853 г. СПб., 1854.
Кочуркина С.И. Археологические памятники Корелы V–XV веков. Л., 1981.
Кочуркина С.И. Корела и Русь. Ленинград, «Наука», 1986.
Краснознаменный Северо-западный пограничный округ. Очерки по истории войск округа. Ред. коллегия: полковник Н.И. Кучеренко и др. Л., «Лениздат», 1973.
Лаврук П. Подвиг разведчика. // Невский проспект, № 4, апрель – май 1991.
Ларин Параске. Тростниковая свирель. Лирические и эпические песни. Составитель О. Мишин. Петрозаводск, «Карелия», 1986.
Назаренко К.В., Смирнов В.И. Полевые укрепления первой половины XVIII века на Карельском перешейке. // Цитадель, № 1, 1998.
Невалайнен П. Изгой. (Сокращенный перевод с финского). Издательство журнала «Нева». Санкт-Петербург, 2003.
Нумизматика и эпиграфика. XIII. Сборник статей. Издание Академии наук СССР. М., «Наука», 1980.
Паранин В. Корела, она же Русь Начальная // Родина, № 12, 1995.
Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Сборник статей. Л., «Аврора», 1977.
Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница 1918–1938 гг. Санкт-Петербург, «Европейский дом», 2000.
Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. Москва, «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 1996.
Таргайнен М.А. Ингерманландский излом. «Дмитрий Буланин». Санкт-Петербург, 2001.
Энциклопедический словарь (издатели – А.Ф. Брокгауз и И.А. Ефрон). СПб., 1890–1907. (том XX (кн. 39), 1897).
Якимович К.В. Тайпале. Сто дней кровопролитного сражения советско-финской войны 1939–1940 гг. СПб., 2002.

Рукописи:

«Летопись поселка», 1995 г. (рукописный краеведческий материал, хранящийся в библиотеке ДК пос. Запорожское).
«Знаешь ли ты» (путеводитель, 2002 г.) (рукописный краеведческий материал, хранящийся в библиотеке ДК пос. Запорожское).

Зарубежные издания:

Arimo R. Suomen linnoittamisen historia 1918–1944. «Otava», Helsinki, 1981.
Enckell O. Rajan vartio. «Otava». Helsinki, 1939.
Geografisk Charta öfver Södra delen af Kexolms län. Författad År 1651 af Landmetaren Eric Andersson Utter.
Hirvonen P., Koskinen M., Koskivaara J., Pukki T. Waski-suku ja Metsäpirtin Vaskela. «Gummerus». Saarijärvi, 2001.
Inkerin suomalaiset. Toimittanut Juuso Mustonen. 1933.
Karjala – muistojen maa. Toimittanut Olavi Paavolainen. «WSOY», 1940, 1949.
Karjala vapaussodassa. I – II. Julkaissut Karjalan sotahistorian toimikunta. «Otava». Helsinki, 1930–1934.
Karste-Liikkanen G. Pietari-suuntaus kannakselaaisessa elämäntähtäyksessä. Helsinki, 1968.
Kivela M. Matka Karjalaan. Pieksämäki, 1983.
Konkka J. Kahden maailman rajalla. «WSOY». Helsinki, 1939.
Kakisalmen historia. Kirjoittaneet E. Kuujo, E. Puramo, J. Sarkanen. «Käki-Säätiö». Lahti, 1958.
Lehtipuu M. Karjala. Suomalainen matkaopas. «Suomalainen Matkaopas Finnish Guidebooks OY». Helsinki, 2002.
Metsäpirtti (рисованная карта-схема, 1975 г.).
Metsäpirtti (специальный выпуск-приложение). // «Karjala», No 45, 1973. Liite (29).
Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. «Otava». Helsinki, 2000.
Mullo J. Milloin ja miksi I-oran maata alettiin nimittää Inkeriksi? // Punalippu, No 8, 1987.
Peltoniemi U. Itärajan kuvia. «WSOY». Porvoo – Helsinki, 1938.
Pirttiläiset. «Kotiseutu Ky Kuoppa». Janakkala, 1983.
Rajavartiolaitys 1919 – 1969. «Rajamme Vartijat ry.», Mikkeli, 1969.
Ronimus J.V. Novgorodin vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Karjalan silloinen asutus. Joensuu, 1906.
Sakkolan historiaa. Toim. Väinö Kaasalainen. «Sakkolan historiatoimikunta». 1951. Toijalan Seutu OY:n kirjapaino, 1987.
Suomen rahojen hinnasto. 1811–1981. «OY FINNCANASTOR AB». Helsinki, 1981.
Tietosanakirja. Toimituskunta: J. Castrén, J. Forsman, K. Grotenfelt, L. Hendell, E. Hjelt, U. Saxén, E. Setälä, I. Välikangas, Y. Wichmann. Osat 1–10. «Tietosanakirja – osakeyhtiö». Helsinki, 1909–1918.
Tonkin A. Myntboken 1993. Aktuella värderingspriser Sveriges sedlar och mynt 1521–1993. «Printex Grafiska AB». Motala (Sverige), 1993.
Ukkonen A. Suvannon lasku toukokuussa 1818 // Metsäpirtin Sanomat, 1997.
Vaienneet temppelit. Suomen Neuvostoliitolle luovuttaman alueen kirkot sanoin ja kuvin. Toinen painos. Jyväskylä, 1953.
Viipurin puhelinluettelo 1939. «Karjalan kirjapaino OY». Viipuri, 1938.
Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. «WSOY». Porvoo-Helsinki-Juva, 1979.
Wiika I. Vpl. Pyhäjärvi. Kappale kannakselaishaiheita. «Pyhän-Säätiö». Turku, 1950.
www.metsapirtti.net

Список иллюстративных материалов

Нумизматика и эпиграфика. XIII: 2-5, 10-16.

Рисунок В. Зернова:

Фото автора: 102.

Фото Д. Шитова: 51, 55-58, 103.

Фото П. Винокурова: 35, 60, 61, 65, 66, 76.

Якимович К.В. Тайпале. Сто дней кровопролитного сражения советско-финской войны 1939–1940 гг.: 71.

Arimo R. Suomen linnoittamisen historia 1918–1944: 44, 86.

Hirvonen P., Koskinen M., Koskivaara J., Pukki T. Waski-suku ja Metsäpirtin Vaskela: 88-90.

Karjala – muistojen maa: 102.

Karjala vapaussodassa. I – II: 37.

Käkisalmen historia: 6, 9.

Kivelä M. Matka Karjalaan: 17.

Peltoniemi U. Itärajan kuvia: 36.

Pirttiläiset: 25, 27-34, 52, 54, 59, 64, 67-70, 73, 82-85, 87, 91, 94-96, 98-101.

Rajavartiolaitos 1919 – 1969: 38, 39, 41, 42.

Sakkolan historiaa: 1, 21-23, 78.

Suomen rahojen hinnasto. 1811–1981: 20, 24.

Vaienneet temppelit. Suomen Neuvostoliitolle luovuttaman alueen kirkot sanoin ja kuvin: 18, 19.

Viipurin puhelinluettelo 1939: 26.

